

ISS № 0130-3600

საქართველოს
ლიტერატურის

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

3

1986

«Нравственное здоровье общества, духовный климат, в котором живут люди, в немалой степени определяются состоянием литературы и искусства. Наша литература, отражая рождение нового мира, вместе с тем активно участвовала в его становлении, формируя человека этого мира — патриота своей Родины, подлинного интернационалиста. Тем самым она верно выбрала свое место, свою роль в общенародном деле. Но это и критерий, с которым народ, партия подходят к оценке работы писателя, художника, да и сама литература, советское искусство — к собственным задачам».

Из доклада товарища Горбачева М. С.
на XXVII съезде КПСС.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Стихи. Перевел Ян Гольцман.	3
ТЕНГИЗ ГОГОЛАДЗЕ. Человек человеком жив... Роман. Окончание. Перевела Камилла Коринтэли	5
ДЖАНО ДЖАНЕЛИДЗЕ. Стихи. Перевели Владимир Еременко и Сергей Бирюков	55
ИЗА ДЖАЧВАДЗЕ. Стихи. Перевела Галина Павловская	59
ТАМАР ДАУШВИЛИ. Стихи. Перевела Лариса Леонидова	62
НАРГИЗ СОПРОМАДЗЕ. Стихи. Перевели Лев Беринский и Виктор Пеленягрэ	64
ЛЕВАН ЧЕЛИДЗЕ. Там, на отдаленной планете, или Тринадцать бросков из жизни Артема Гаспарова. Роман. Окончание	66
ЭЛЬДАР КЕРДЗЕВАДЗЕ. Стихи. Перевела Татьяна Бек	122
Л. ТИХОНОВА. Одна. Рассказ	124

3

1986

ИЗ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- ГАБРИЭЛ РАТИШВИЛИ. Малая повесть о Рос-
сии. Перевели Инга Бахтадзе и Н. де-
жеда Димитриади. Предисловие пе-
реводчиков 131

ПУБЛИЦИСТИКА

- ИРАКЛИЙ РЕХВИАШВИЛИ. Сверяясь с Лени-
ным. Ускорение. Дисциплина труда 151

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- РАМАЗ КОБИДЗЕ. Еще раз о трагическом 159
ГУРАМ БАРНОВ. «Душа жаждет предела..» 175
ГЕОРГИИ ГИГОЛОВ. Всегда современник 193

РЕЦЕНЗИИ

- ЭДУАРД ЕЛИГУЛАШВИЛИ. Выбор и путь 209
ВЛАДИМИР МИРОШНИЧЕНКО. Суровая муза
войны 213
АРТАШЕС МХИТАРЯН. Нерасторжимый союз
братских сердец 214

ИСКУССТВО

- ЛЮДМИЛА ЧИРКОВА. Моя Грузия 218

- ХРОНИКА 223

СТАРЫЙ ДОМ

Жизнь моя — пустеющий дом.
Он не сломлен еще, не сломан,
Но бегут из него тайком,
Затихает в доме таком
Обитателей прежних гомон.

На носках проскользнув к дверям,
Исчезают во тьме —
Волнение,
Радость жизни,
Самозабвение —
Те, кому я так доверял!

●

Отхлынули годы,
Наполнены светом и мукой.
И утро — не радость,
И темень ночная — глубока...
Жизнь долгой казалась,
Но перед последней разлукой
Отчетливо вижу:
Прошла во мгновение ока.

Когда неизбежность-волчица
Идет за тобою,
Куда убежишь?
Неподъемны минувшие сроки.
Все меньше земли на Земле
Под твою стопую:
В глубь небытия
Опускается остров высокий.

Когда бы спросили:
«Согласен начать от истока?»
Спаси и помилуй!

Не выйду из лодки Харона:
Обиды и боли
На долю мне выпало столько,
Что вам не оставлю —
Другим не желаю урона.

Года тяжелеют,
Становятся сущою мукой.
И утро — не радость,
И темень ночная — глубока...
Жизнь долгой казалась,
Но перед последней разлукой
Отчетливо вижу:
Прошла во мгновение ока!

МАЛЬЧИК ГЛЯДИТ НА ВЕРШИНЫ..

Мальчик глядит на вершины в снегу —
Солнцем заката объаты вершины.
Страх высоты незнаком малышу:
Горечь падений ему незнакома.
Пухом одеты оба крыла,
Но, в нетерпенье неодолимом,
Рвется птенец отлететь от земли
И воспарить над вершинами теми.

Кажется, нету предела пути,
Видится только подъем бесконечный.
Дальше дорога — бешеный конь —
В пропасть летит по обратному склону.

Стукнет полвека — опустит крыла...
Молча, рукою махнув напоследок,
Двинется под гору тот, кто всегда
Шею тянул, на носки привставал,
В небо стремился, других обгоняя,
Чтобы пройти по нетронутой глади
Непокоренных, вечных снегов...

...Мальчик глядит на вершины в снегу. —

Перевел Ян ГОЛЬЦМАН

В РАЙОННЫЙ от-
дел народного обра-
зования Окруаш-
вили пришел взволно-
ванный.

В одной из комнат со-
брались учителя, прие-
хавшие из разных угол-
ков уезда, — ждали, ко-
гда начнется совещание.

Некоторых из них Бе-
со знал, не раз встреча-
лся с ними здесь.

Он сидел в задумчи-
вости. Чувство безгра-
ничной жалости к Габ-
риэлу не давало ему по-
кою. Красивый, умный,
молодой еще человек —
и вот, как лист, упав-
ший с дерева, беспомо-
щно кружит в воздухе...

Заведующий отде-
лом, видимо, спешил.
После нескольких об-
щих фраз он сказал:

— Вопрос, на кото-
ром мы должны особен-
но заострить внимание,
это вопрос всеобуча. Ни
одного безграмотного!
Лозунг ясен или требу-
ет разъяснения?

— Ясен! Какие еще
разъяснения.

— Мы уже пытаемся
что-то делать!

— Обучим... — пос-
лышались возгласы.

— Только детей? —
спросил заведующий и,

Тенгиз ГОГОЛАДЗЕ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКОМ ЖИВ...

●
Р о м а н

не дожидаясь ответа, добавил: — Этого недостаточно! Надо учить и взрослых. Трудно, правда, работать днем и ночью, но что поделаешь.

— Мы до сих пор не получили жалованья за октябрь. Как же будут оплачиваться дополнительные часы? — спросил седой, хорошо одетый учитель. Все обернулись к нему.

— Обещают... Обещают платить за каждый лишний час.

— Надо было решить все эти вопросы, утвердить, а потом созывать совещание, — раздраженно произнес седой учитель. — Среди нас есть учителя, которые всю свою сознательную жизнь отдали делу обучения детей, и делали они это добровольно. Но теперь педагогическую деятельность превратили в государственное дело, так извольте вовремя платить за это...

— Вы напрасно волнуетесь, — прервал его заведующий. — Вопрос оплаты будет урегулирован.

— Посмотрим... — недоверчиво проговорил седой учитель и сел.

Окруашвили молчал. У него, конечно, не было той решительности, какую проявил только что его коллега. А ведь в прошлый раз, приехав в Гори за зарплатой, он так и уехал ни с чем. Но разве деньги, полученные за сверхурочные часы, ему помогут? Поэтому он предпочитал молчать. Седой учитель, который, оказывается, был из села Меджврисхеви, беспокойно ерзал на месте, что-то тихо говорил соседу. Наконец, не вытерпев, он поднялся и горячо заговорил:

— Простите, но я должен сказать. Товарищи, сегодня, в эту непогоду, каждый из нас прошел десять верст и даже больше... — говорил он быстро, но внятно и отчетливо. — Транспорта нет. Многие из нас даже не одеты как следует. А нас собирают по поводу вопроса, который можно было сообщить нам письменно.

— Правильно! — раздались голоса.

«В самом деле», — мысленно согласился с ним Окруашвили, но произнести эти слова вслух не рискнул.

— А за зарплатой приедете? — многозначительно прервал его заведующий отделением.

— Зарплаты у меня и не было, школу я открыл

сам и, если позволите, по-прежнему обойдусь без вас, — не сдавался меджврисхевец.

— Успокойтесь, — встал высокий лысый мужчина и внушительно посмотрел на седого учителя. — Мы здесь собрались не для таких споров.

— Простите, что я говорил несколько резко. Но, думаю, многие из присутствующих согласятся со мной. Поверьте, нет необходимости в том, чтоб так часто собирать нас здесь. Вот сидит товарищ из Ахалкалаки, — он кивнул головой в сторону Окруашвили. — Ему ведь в Гори даже негде ночевать...

Окруашвили неловко заерзал на месте. Все начали на него оглядываться.

Меджврисхевский учитель продолжал:

— Вечерним поездом он должен вернуться домой. А в Метехи он найдет подводу? Не найдет, и вынужден будет семь верст тащиться пешком в эту слякоть. А завтра ему с утра надо работать. Если бы нам сообщили письменно все то, ради чего нас собрали, мы, несомненно, выполнили бы все не хуже, чем выполним сейчас. Мы работали и будем продолжать свою благородную миссию, лишь бы дожить до того дня, когда народ будет грамотным. Это наша задача.

Он сел.

Когда совещание закончилось, меджврисхевец пошел к Окруашвили, протянул ему руку и сказал:

— Простите, что я заговорил о вас. Я знаю вас заочно. Может быть, я поставил вас в неловкое положение, но если с ними не говорить резко, они назавтра опять из-за пустяка вызовут нас сюда.

— Вы, конечно, правы, — сказал Окруашвили. — Я не решился бы сказать это. Удивительно, до чего слепо мы иной раз подчиняемся всему... Вы словно угадали мои мысли. Признаться, мне очень трудно ехать из Ахалкалаки сюда, не говоря уже об обратной дороге.

Уже смерклось, когда Бесо очутился на станции Метехи. Он посмотрел туда, где обычно стояли ахалкалакские фазтоны, но площадь была пуста. «Семь верст тащиться пешком в эту слякоть...» — вспомнились ему слова седого учителя. Прямо как в воду глядел! Сегодня суббота, неужели не будут встречать хо-

тя бы тбилисский поезд?» — думал Окруашвили. Он решил подождать. Ветра не было, зато моросил хнылый осенний дождь. Горы скрывались в тумане. Метехская заволокла Гарикулу и Ахалкалаки. Метехский храм за Курой гордо взирал на окрестность.

«Уснувший бог», — вспомнилось Окруашвили, и он внутренне содрогнулся, представив Габриэла. Что помутило разум несчастному? Может, непонимание происходящего? Крушение того, чему он служил?.. Кто знает... А ведь он еще молод, образован, он мог принести пользу... «Ученый, но темный человек»... Теперь он видит лишь тени и игру теней считает реальной жизнью.

Уже совсем стемнело. Что, если не будут встречать тбилисский поезд? Тогда Бесо вынужден будет просить приюта у духанщика Сисо или у дежурного по станции. Не зря горячился меджврисхевский учитель.

На перроне появились двое молодых людей. Бесарион узнал их — это были Коба и Алекси. Поначалу он обрадовался им, но внезапно в памяти вспыхнула картина: ртвели в залитом солнцем винограднике, Коба, протягивающий тугую гроздь Нино, которая со смущенной, но радостной улыбкой берет эту гроздь... Бесарион насупился, помрачнел: «Какая нелегкая занесла их сейчас сюда!»

Юноши тоже заметили Окруашвили.

— Здравствуйте, Бесарион, что вы тут делаете?

— Дожидаюсь извозчиков.

— В непогоду наши извозчики не любят выезжать из села.

— Может, кто-нибудь приехал в Метехи?

— Пойдем, поглядим. Найдем экипаж — хорошо, а нет — придется добираться пешком.

— Вам-то что, вы молоды, полны сил. Вот мне каково... Однако делать нечего, пошли.

— Не мешало бы заглянуть к Сисо, подкрепиться на дорогу.

— Зелье, которым поит Сисо, только расслабляет мышцы, — возразил учитель и улыбнулся. — Ты, видать, любишь выпить, не в пример своему отцу.

— То, что любят отцы, не нравится детям, и наоборот, — негромко заметил Коба.

— Все-таки лучше обойтись без Сисо, поверьте мне. Раз уж мы решили добираться пешком, надо шить.

— Не бойтесь, мой револьвер заряжен.

— Значит, остался он тебе в вечное пользование?

Алекси улыбнулся.

— Вечное, говорите? Нет, просто я считаюсь сейчас опасным для бандитов человеком, возможно, они где-нибудь устроят мне засаду.

Окруашвили с беспокойством взглянул на Алекси.

— Может быть, лучше переночевать на станции? — спросил он.

— Пойдемте и ни о чем не беспокойтесь. Я и прежде хорошо стрелял, а теперь и того лучше стреляю. Да и кому придет на ум в такую погоду спускаться с гор подкарауливать меня на дороге!

Они двинулись в путь: Коба впереди, Алекси и Бесарион, вдвоем, позади.

— В Тбилиси шел дождь? — спросил Окруашвили, чтобы сказать что-то.

— Нет. Дождь полил, когда мы проехали Ксани, — ответил Алекси.

— Вовремя собрали урожай. Теперь зарядят дожди... Смотри-ка, как вышагивает твой друг, княжеский сын... — заметил он тихо.

— Он уже и забыл, что он княжеский сын. Да и отец его не очень-то это чувствует. Нынче он совсем не по-княжески месит грязь на берегу Храми, возвращается домой грязный, усталый.

— Говорят, будут строить большую электростанцию?

— Да, великое дело начинают.

— Может, нам легче станет... Пора стране выбираться из тьмы. Представьте себе — все грузинские села в электрических огнях! Но это время, наверное, настанет нескоро, и нас уже не будет. А пока темно... И страшно...

Коба по-прежнему шел впереди. Почва была глинистая, и ноги вязли в липкой тяжелой грязи. Добраться бы скорее до моста, а там уже песчаник, идти будет легко.

У мельницы в Метехи, в самом начале села, начинался крутой подъем. Страх перед этим подъемом и удерживал извозчиков от поездки на метехскую станцию в непогоду. По этому подъему и в хорошую погоду нелегко взбираться.

Было уже совсем темно, когда путники подошли к подъему.

Коба шагал легко, бодро, словно не было этого крутого подъема, не было дождя и слякоти, а шел он по прямой пологой дороге ранним солнечным утром. Это в сердце у него пылало солнце...

Фиалки цветут в феврале, роза загорается в мае...
А роза Бесариона зацвела в желтизне осени...

В доме Гиунашвили затопили печь — ночами уже холодно. Гиго рано заканчивал работу и рано засыпал.

Важа вслух читал книгу. Нино и Кетэван слушали его. Нино не сразу привыкла к парню, но когда они стали вместе ходить в школу, то даже привязались друг к другу. Кетэван всем сердцем полюбила мальчонку, и надо сказать, он заслуживал эту любовь. Гиго в его лице приобрел хорошего ученика. Мальчик был умный и смысленный, и вся семья Гиунашвили гордилась им.

За окном уныло моросил дождь. Мерно отстукивали время стенные часы. Важа читал. Еще две-три страницы, и все они отправятся спать.

Кто-то шумно затопал по лестнице. Женщины вздрогнули.

Важа прервал чтение и прислушался.

— Иди, иди, хватит тебе вытирать ноги, — услышали они голос Алекси и были удивлены — с кем это он и зачем приехал так поздно.

Дверь открыла Кетэван. Первым она увидела Алекси, потом Кобу, который старательно вытирал ноги.

Следом за Кетэван вышла Нино. Важа кинулся к Алекси.

Увидев Нино, Коба, как нашкодивший ребенок, смущенно улыбнулся и пожал всем руки. Потом извинился за столь поздний приезд, шутя взвалив всю вину на Алекси.

— Промокли, бедняги... Неужто переждать не могли? — засуетилась Кетэван.

— Не беспокойтесь, тетя Кетэван, ничего с нами не случится. Мы совсем не промокли, — говорил Коба, украдкой наблюдая за Нино.

Кетэван и Нино стали накрывать на стол, Важа раздул угасающий было огонь, подбросил дров, Коба и Алекси сняли свои пальто. Коба протянул озябшие руки к печи, Алекси собрался пойти к отцу, но в это время в дверях появился сам Гиго. Его разбудил шум, а услышав голос сына, он тотчас вскочил с постели.

— Молодцы, что приехали и непогоды не испугались, — обратился он к обоим студентам.

Коба почувствовал неловкость: действительно, чего ради было ехать в такую непогоду, что подумают хозяева?

— В Тбилиси не было дождя, — сказал Алекси. — Он настиг нас у Ксани.

Гиго пожал руку Кобе.

— Разувайтесь-ка! Мокрая обувь к добру не приведет. От Метехи шли пешком, верно?

— Да, — подтвердил Коба.

Гиго со сна так разглядывал прибывших, словно впервые их видел.

— Как дела у отца? — спросил он у Кобы, поправляя в печи дрова.

— Исследует ущелье Храми. Но отец думает, что электростанция на Храми обойдется государству очень дорого, потому скоро переберутся в ущелье Куры, посмотрят, может лучше строить на Куре.

— Да, брат... дело огромное... А как ваши дела?

— Учимся, отец, — ответил за обоих Алекси.

— Учитесь? А не ленитесь? — Гиго, не дожидаясь ответа, встал, улыбнулся: — Что ж, гости ко времени, мачари как раз готово, — и он направился в мачари.

— А мы на мачари и приехали, — объявил Алекси и хитро подмигнул Кобе. Потом повернулся к Важа, взъерошил ему чуб.

Дом, всего несколько минут назад объятый тишиной, сразу ожил. У юношей от мачари еще сильнее заиграла кровь.

Кобе вспомнился золотистый день сбора винограда... Он старался не смотреть на Нино, отводил от нее взгляд, но скрыть подлинную причину приезда ему оказывается, все-таки не удалось.

Поздно ночью, когда все легли спать, Кетэван и Гиго шептались:

— Гиго, ты видел, как тот парень смотрел на нашу Нино?

— Видел.

— И что же?

— Что я могу сказать! Дай бог сбыться всем благим намерениям.

— Боже, не оставь нас своей милостью, — перекрестилась Кетэван и замолкла.

На второй день тоже моросило. Небо словно не решалось сразу обрушиться на землю влагу, сохраняло ее для предстоящих зимних дней.

В доме уютно гудела печь, в деревне царили удивительная тишина и покой. Покой этот и пасмурный день были приятны Кобе. А самое главное—он любовался Нино.

Мог ли он знать, что в тот день Алекси, улучив минуту, спросил у Нино:

— Нравится тебе мой друг?

— Почему ты меня спрашиваешь об этом?

— Просто так. Нравится или нет?

— Знаю, почему ты так интересуешься, — сказала Нино. — Можешь ему передать, что замуж за него я не пойду.

— Как ты сразу все решила!

— Так вот и решила.

— Ты жестока, Нино.

Однако, к своему удивлению, Алекси подметил, что после этой беседы Нино стала относиться к Кобе с большей теплотой.

...На станции в Метехи Коба говорил Алекси:

— Чудесный был день, не хуже того солнечного дня, когда мы собирали виноград.

— Да ты не огорчайся, — многозначительно сказал ему Алекси.

— Ты о чем? Я тебя не понимаю.

— Да ничего, я просто так...

- Ты что-то скрываешь от меня.
- Должен признаться, я говорил с Нино.
- Ох, это было лишнее! Что она может подумать?

Я просто видеть ее хотел, и только. И, ради бога, не говори мне, что она тебе сказала. Знаю, что она могла сказать... И все-таки сегодня прекрасный день.

Во время тактических учений на Сабуртало Гола показал себя лучше всех. На занятиях присутствовал командир дивизии Кутателадзе. Он тотчас велел позвать мужественного красноармейца, сумевшего прорваться в тыл «врага».

Когда перед ним предстал Гола, Кутателадзе удивился.

— Это ты, оказывается?..

Гола старался сдержаться. Кутателадзе заметил, как по лбу у него сползли капельки пота и бусинками заблестели над бровями. Он спросил Гено Дарсавелидзе:

- Как он учится?
- Хорошо, товарищ командир дивизии.

Кутателадзе еще раз оглядел Голу, улыбнулся. Но Гола по-прежнему стоял хмурый. Командир дивизии тихо приказал начальнику штаба батальона:

— Передайте начальнику штаба полка — за сегодняшнее успешное занятие объявить Голе Гогиташвили благодарность.

— Есть, товарищ командир дивизии.

Гола по-прежнему стоял перед ним не шелохнувшись. Кутателадзе удивился. Он не раз объявлял солдатам благодарность и каждый раз в глазах их читал радость. А этот? «Обижен», — подумал Кутателадзе.

Вечером он вызвал Голу в штаб дивизии.

- Увольнительную в город дают тебе?
- Нет.
- Я прикажу, чтобы тебя отпускали.

— Благодарю вас товарищ командир дивизии. Только я сам не хочу. Чего доброго, опять попаду в какую-нибудь переделку... — Гола поднял голову и смело посмотрел на Кутателадзе.

Командир дивизии ценил в человеке откровенность и прямоту. Он старался держаться с красноармейцами так, чтобы те были до конца откровенны с ним. И ему понравился ответ Гола.

— Так что же, воздержимся от выхода в город? У тебя сердце горца, ты, наверное, не до конца рассчитался с врагом?

— Да, не до конца.

— Жаль, брат, ты не понял, что натворил. Ты хороший парень, а слава о тебе дурная. Я-то тебя понимаю. Тяжело пережить, когда у тебя отнимают любимую, это верно. Однако ты своим поступком бросил тень на товарищей. Драку затеял ты один, а опозорил многих. Ты задумывался над этим?

Гола опустил голову. Правда, Кутателадзе был мягок с ним, даже ласков, но слова его все-таки были неприятны Голе. Щеки его пылали. Оказывается, не так-то легко вернуть свое доброе имя. Может быть, потому и не тянет его в город... Увидят его свидетели той драки и тотчас вспомнят его лицо в синяках и кровоподтеках, разодранную гимнастерку... В самом деле, он опозорил своих товарищей-красноармейцев. Сейчас он отличился на тактических занятиях, но ведь этого в городе не знают! Для этих совсем не знакомых ему людей он — забияка, драчун... Горожане так, наверное, и говорят, что один из красноармейцев затеял драку.

И все-таки огонь мести пылал в его сердце. И, наверное, единственный раз в своей жизни он был не вполне честен, когда пообещал Кутателадзе:

— Этого больше не повторится.

Идет время. Уносит обиды, радости, счастье и беду.

Остаются воспоминания. Приходят новые радости, новые обиды, новая беда и новое счастье.

О том, что случилось с Голёй, в дивизии никто, пожалуй, уже и не помнил. Были виновники новых историй, были наказаны другие.

Только сам Гола помнил, он не мог забыть ничего. Датэба не появлялся. Вспоминая его несчастное лицо и полные слез глаза, Гола сожалел, что так холодно выпроводил его. В свое обещание, которое дал он

0000000000
0000000000
0000000000

Кутателадзе, Гола теперь сам не верил. Чувствовал, что представься ему такая возможность, он хорошенечко отдубасит этого Мгелуа-Вардэна, рассчитается с ним как следует. Злоба душила его, ревность и злоба грызли его сердце.

Долгое время он не выходил из казармы. По воскресеньям печально провожал взглядом уходивших в город товарищей и мечтал только об одном—один лишь раз пройтись по берегу Куры, остановиться там перед знакомым невысоким забором, заглянуть в знакомый двор — и увидеть Хатуну.

Что если бы судьба была менее сурова к Голе, и добро шло к добру, а зло — к злу?

Выпал снег. Белое покрывало окутало Тбилиси. За горой Святого Давида и за Шавнабада сгустились тучи. Будто обиженное на весь мир, не показывалось солнце.

В свободные минуты Гола отдавался печальным мыслям и углублялся в книги. Он и близко не подходил к калитке военного городка, но понимал, что обманывает себя, — сердце властно тянуло к дому Датэбы.

В один из воскресных дней он взял увольнительную и вышел из городка так поспешно, будто его где-то ждут и он даже немножко опаздывает.

Кружась, падали большие снежинки. Снег скрипел под ногами. Горожан, высыпавших на улицу, он радовал, как радуют весенние цветы.

Гола торопился. Миновал Верэ, Головинский проспект. Наконец свернул к Мадатовскому острову и вышел на берег Куры. Вот и мельница. Мельников не радуется снегопад, и они, вероятно, проклинаят небеса. Те же небеса благословят они, когда растают снега в горах, поднимется Кура и потянутся к мельницам караваны эрб.

Во дворе Датэбы никого не было видно. Крыша дома словно бы опустилась под тяжестью снега, и Голе показалось, будто и без того низенький дом уменьшился еще больше. Он подошел вплотную к забору. «Убьет? Легко не дамся», — подумалось ему.

Какая-то старуха ветхим веником сметала снег с крыльца.

«Может, мать Мгелуа?»

Старуха, приоткрыв дверь, крикнула кому-то, кто был в доме:

— Шашо, тут надо лопатой, веником я не справлюсь.

Она вошла в дом, а в дверях показался старик с лопатой в руках. Согнувшись, стал счищать снег.

«А это отец Мгелуа, что ли?..»

Гола кашлянул. Старик поднял голову, вздрогнул, увидев за забором красноармейца, и невольно сам вытянулся по-военному. Видимо, он был старый солдат.

— Ты кого ищешь, сынок?

— Здесь мельник жил, Датэба.

— Не живет он здесь больше.

— А где он? — растерянно спросил Гола.

— Не знаю я, сынок, — старик направился к нему. — Исчезли куда-то отец с дочерью, а зять его, Вардэн, продал этот дом. Дети наши купили его нам, не нужны мы им стали, вот они нас и поселили отдельно, меня и мою старуху. Погоди, парень, куда ты?

Пройдя несколько шагов, Гола остановился, повернулся и с трудом спросил вышедшего за калитку старика:

— А Мгелуа куда же девался?

— Мгелуа? Какой Мгелуа? Вардэн, что ли?

— Да, он...

— Почему я знаю. Взял деньги и ушел... А ты бы заглянул к нам, сынок. Стосковались мы тут одни...

Гола, не слушая его, пошел прочь.

Старик печальным взглядом провожал удаляющегося быстрым шагом красноармейца.

Монотонно шумела Кура, и мельницы спали под белыми покрывалами недолговечного тбилисского снега.

* * *

В напряженной работе, длившейся несколько месяцев, Геронти Эристави еще более убедился в том, что первую электростанцию в Грузии придется строить голыми руками.

В один из солнечных дней, когда Эристави и инженер Чичинадзе возвращались из Мцхета на «Форде» Элиава, они остановились возле старого деревянного моста в Зэмо-Авчала, там, где от Военно-Грузинской

дороги ответвлялась, пробная дорога в Сагурамо. Немного ниже река огибала кругой, почти отвесный склон. На этот склон и обратил взор Эристави.

— Вода, падающая с этого склона, может заставить работать электростанцию в десять тысяч лошадиных сил, а? — обратился он к Чичинадзе. Вырази сейчас инженер противоположное мнение, Геронти непременно обиделся бы, настолько он был уверен в своем решении. Чичинадзе окинул взглядом местность и спросил:

— Канал пройдет сверху, как я понимаю... А где же будет плотина?

— Плотины построим возле храма Джвари.

— Но водохранилище, надеюсь, не коснется Мцхета?

— Я думаю, уровень воды не поднимется настолько, чтобы затронуть город. Место это ближе всего к Тбилиси и самое подходящее для электростанции из всего того, что мы видели на Храми и Куре. Набросаем схему проекта и вычислим, насколько поднимется уровень воды.

Они вернулись обратно в Мцхета. Ехали медленно. Еще раз внимательно все осмотрели, и только после этого Чичинадзе признал, что Эристави прав в выборе места.

Вечером оба были на квартире Элиава. Эристави успел к тому времени начертить черновой план электростанции.

Шалва Элиава был человек умный и образованный.

— Уточним, на сколько поднимется уровень воды у Мцхета, а потом доложим обо всем Орджоникидзе, — сказал он. — Думаю, проект ваш хорош. Место это выгодно по многим причинам. В строительстве охотно помогут и тбилисцы, и крестьяне из близлежащих деревень. И линия передачи будет небольшая. Что ж, отменно... Завтра давайте-ка съездим в Авчала, прихватим еще кое-кого...

После осмотра местности Шалва Элиава и другие члены комиссии тоже пришли к выводу, что лучшего

Тенгиз Гоголадзе. Человек человеком жив...

места для электростанции на Куре не найти. Скоро окончательно выяснилось, что водохранилище не только не коснется Мцхета, но и склоны гор вокруг древней столицы Грузии по-прежнему будут сухими. Это разрешало последние сомнения.

Геронти Эристави праздновал первую победу. И в это же время, в первые дни ранней весны, когда на улицах Тбилиси появились первые продавцы фиалок — из Цхнети, Дигоми и Окрокана, когда город был опьянен весенними запахами, с Пикрисгора в Сололаки двинулся свадебный кортеж. В разукрашенном фэ-тоне сидела невеста — Нино и дружки.

Ради такого события из деревни приехали Гиго и Кетэван. Анаида и Жужуна прибыли раньше, чтобы помочь двоюродной сестре.

Пока праздновалась свадьба, все они были счастливы и веселы, но когда, оставив Нино в ее новой семье, на рассвете вернулись на Пикрисгора, сестры не смогли сдержать слез.

— Потеряли мы ее... — всхлинула Жужуна.

— Скажешь тоже! Никого не потеряли, даже новых родственников обрели, — одернула ее тетя Тасо.

Гиго молчал. Он не ожидал, что Нино так стремительно выйдет замуж, к тому же не посоветовавшись с ним. Но мужа она выбрала хорошего, и семья у него достойная, потому Гиго ничем не показал своей обиды.

Он хорошо знал, что когда птенцы ласточки вырастают, они разлетаются из гнезда. Он знал это и готовился к тому дню, когда разлетятся все его дети, родные и приемные. И все равно оказалось, что это так же больно сердцу, как и радостно.

Несколько дней двери квартиры Эристави не закрывались. Когда наконец ушел последний гость, Геронти поцеловал в лоб сына и невестку и сказал:

— Ну вот, теперь вы постепенно начнете строить свое гнездо. Мы с матерью решили так: эти три комнаты в вашем распоряжении. Собираться все вместе будем в столовой. Я буду работать в кабинете, а эта маленькая комнатка — нам с мамой. Берегите вашу любовь, дети, сохраните ее на всю жизнь — это огромное счастье. Посмотрим, как вы поможете мне...

— Ты говоришь о помощи, отец? — улыбнулся Ко-
ба.

— Да, дорогие, мне необходима ваша помощь, тем более теперь: ведь вам известно, за какое ответственное дело я взялся. Я должен знать, что вы счастливы, — вот в этом и будет заключаться ваша помощь.

Да, Нино была счастлива. Но страх не покидал ее — неужели возможно счастье после всего пережитого? Она была совсем еще ребенком, когда умерла мать, затем погиб отец. И наконец — гибель двух братьев, которая нанесла ее сердцу неизлечимую рану. Однако судьба все же улыбнулась ей. И работа приносила ей удовлетворение. Она всегда с радостью шла в школу, где ждали ее десятки любознательных глаз. Вспоминалась ей деревенская школа, деревенские детишки — полураздетые, полуголодные. И здесь, в городской школе, учились дети бедняков, но они были одеты гораздо лучше, нежели ее сельские воспитанники. Она часто думала об Окруашили, испытывая огромную признательность к этому робкому, застенчивому и поистине благородному человеку.

Еще одно событие переполняло ее радостью и гордостью: она стала свидетелем рождения первой в Грузии гидроэлектростанции.

К Геронти Эристави часто приходили инженеры, члены правительственной комиссии, различные специалисты, занятые в строительстве.

Как-то раз Геронти показал невестке схему проекта.

— Вот здесь думаем возводить плотину. Тут пройдет канал, а тут будет электростанция, — объяснял он. — Это еще не решено окончательно, но, думаю, это лучший вариант, на нем мы и остановимся.

— Счастливый вы, — проговорила Нино, вглядываясь в четко вычерченные контуры. — Вы делаете большое, нужное дело — это и есть счастье.

— Ты права, доченька.

— Я представляю себе тот день, когда закончится строительство. Свет зальет все окрест... Это будет похоже на сказку!

— И мы должны претворить эту сказку в жизнь, как бы трудно ни было, если даже придется работать голыми руками.

— Раз вы так уверены в победе своего дела, она будет!

— Коба никогда так не ободрял меня, — тихо произнес Геронти.

Он подумал, что отныне всегда может поделиться с Нино, и она поймет его, найдет идущие к его сердцу слова.

* * *

Односельчане не решались уносить что-либо из дома красноармейца Голы. Но посылали детей, и те тайком тащили из обветшалого разваливающегося домишки то бревно, то доску. Когда растаял снег и потекли ручьи, Вана, проходя мимо, остановился, глянул и остолбенел: как же все здесь разнесли! Он пошел к ближайшему соседу Голы, встал у ворот и завопил:

— Что вы натворили, пропади вы пропадом! Разве вы люди после этого?!

— Чего тебе от нас надо? — выбежали во двор стар и мал.

— Куда вы глядели? Почему разорили дом Голы? Вот вернется он, покажет вам, где раки зимуют!

— Да ты что! Мы-то при чем?! Мы не разоряли!..

— Я все расскажу, все! Выели здесь все, обглодали, как волк обглаживает кости ягненка. Эх, вы!..

— Да уймись ты! Дом сам развалился, мы тут ни при чем! — гаркнул на него хозяин. — Не мог же я сам встать вместо балки-основы этого дома!

А Вана побежал уже к другим воротам:

— Выжгли все, чтоб сами вы сгорели дотла!

— Чего ты орешь, чего проклинаешь попусту?

— Как вы смели так разграбить дом Голы?

— Да мы разве виноваты? Дом без хозяина, сам знаешь, умирает!

— Нет, ненадежные вы люди, ненадежные!

Заметив появившегося в проулке Окруашвили, Вана вмиг вытер слезы и бросился к нему.

— Смотри, учитель, что натворили!..

— Вижу, Вана, вижу... Будь здесь хозяин, дом бы не развалился.

— Конечно, учитель! Человек крепче дерева. Вот я у себя дома, и крыша стоит, не валится. Но скажи, какой совестью мы встретим Голу?

— Не беспокойся, Вана, он вновь отстроится.

— А может, он всему на свете предпочитал свой домишко. Вот я, например, всему свой дом предпочитаю.

Окруашвили помолчал. Ему было невыразимо жаль Вана. Он был уверен, что Гола возвратится сюда другим человеком и не захочет, да и не сможет жить, как жил прежде. А Вана? Он до конца дней своих не изменится...

Вана вдруг сорвался с места и побежал куда-то. Окруашвили посмотрел ему вслед. «Вот я в своем доме, и он не валится»... Может быть, другой бы выразился лучше, образнее, но ведь все равно в словах Вана — огромный смысл, — подумал Окруашвили. — Он верит, что живет на свете не зря, он — основа дома, надежда очага. И все-таки одинокий человек — словно дерево без корней...»

* * *

Геронти Эристави не хотел вспоминать тяжелые для него дни двадцать первого года. Главное было то, что добро восторжествовало. Работа увлекла его. Именно в этой серьезной и необходимой для страны работе нужно было ему проявить себя.

Строительство первой гидроэлектростанции он воспринимал не только как средство получения и передачи электроэнергии. Гидроэлектростанция представлялась ему надежной опорой новой эпохи, некоей монументальной скульптурой новой жизни.

Это сооружение со своей плотиной, бассейном, каналом и генераторным зданием должно было занять довольно большую территорию между Мцхета и Авчала. Вся местность эта известна выдающимися памятниками былой славы и величия Грузии, здесь находятся Светицховели, Джвари... В их соседстве и предстояло появиться ЗАГЭСу — образу мощи новой Грузии. Вот о чем еще думал Геронти Эристави, работая над проектом.

Кабинет его был завален снимками окрестностей Мцхета и Авчала. Схематический план рассматривался в мае. Решено было для верности посоветоваться с опытными немецкими специалистами в Берлине — профессорами Рейхелем и Вагенбахом, у которых учился Геронти Эристави.

Еще первый заступ не коснулся земли на месте строительства, как оживились заграничные фирмы «Сименс-Шукерт», «Асейя» и другие, которые, рекламируя свою продукцию, предлагали в случае приобретения их оборудования смонтировать его на месте.

Строительная комиссия не торопилась с ответом. До приобретения оборудования следовало произвести немало других работ, а средств для их проведения молодая республика не имела.

Однажды Серго Орджоникидзе пригласил к себе Элиава, Эристави и Чичинадзе. Вечером, как было условлено, они пришли в краевой комитет. Дверь в кабинет Орджоникидзе была открыта, оттуда доносился его веселый, бодрый голос. Завидев в дверях пришедших, он поднялся с кресла и пошел им навстречу.

— Входите, товарищи! Мы ждем вас! — Он пожал каждому руку, потом обратился к сидящим в кабинете: — Познакомьтесь, товарищи, это члены правительственной комиссии, а это — рабочие железнодорожного депо и трамвайного парка.

Когда все расселись по своим местам, Геронти окинул взглядом рабочих. Держались они скромно и сдержанно, но с достоинством и без тени робости.

Рядом с Серго сидел его соратник и друг Шалва Элиава.

— Делегация рабочих двух крупных производств нашего города попросила меня организовать эту встречу. Я и организовал ее, — заговорил Серго. — Теперь они сами выскажутся. Товарищ Размадзе, прошу вас!

Встал один из рабочих. Это был молодой парень, коренастый, невысокий.

— Садитесь, пожалуйста, ведь мы собрались здесь не для официальной беседы, — сказал ему Серго.

— Да, мы собрались не для официальной беседы, — улыбнулся рабочий и сел. — Мы пришли с предложением. Вот мы узнали, что на Куре думают строить

электростанцию. Но мы и то знаем, что стране нашей сейчас очень даже нелегко, денег нет, с машинами, туго, так вот мы, деповцы и трамвайщики, решили обратиться ко всем тбилисским рабочим и служащим превратить строительство электростанции в народную стройку. В неделю раз мы будем там работать. Бесплатно. Да и деньги можно собрать с каждого, совсем немного с полочки, а сколько соберется! И служащие поддержат нас, мы уверены. Товарищ Серго сказал, что и Ленин присылает нам деньги...

Геронти Эристави слушал очень внимательно и не верил своим ушам. Как может простой рабочий говорить вот так, наверняка он получил от кого-то задание, его научили, как и что сказать. Разумеется, все это было задумано, чтоб подбодрить строителей и проектировщиков: в кассе нет денег, а дело надо начинать. Неужели рабочие в самом деле по доброй воле решили работать безвозмездно?.. До сих пор Геронти не приходилось встречаться с революционно настроенными рабочими. Сегодня он видел их впервые. И хотя он думал, что слова, сказанные этим молодым парнем, безусловно, подсказаны кем-то, ему приятно было их слушать. Остальные рабочие горячо поддержали своего товарища.

Выступления, которые Геронти здесь услышал, пленяли непосредственностью и постепенно заставили убедиться в их искренности.

Невозможно одинаково произносить слова, идущие из глубины сердца, и слова, подсказанные кем бы то ни было. Геронти знал это и умел отличать искренность от неискренности, правду от фальши и лжи.

Было так отраднo, что тбилисские рабочие с таким энтузиазмом встретили весть о строительстве гидроэлектростанции. «Мы готовы! Мы придем на помощь!» — говорил каждый из них.

Геронти работал в Германии, работал прежде и здесь, в Грузии. Но подобного он не встречал нигде и никогда.

Серго Орджоникидзе явно был доволен. Он оглядел собравшихся в его кабинете специалистов и сказал:

— А вы что скажете, товарищи? Рабочий класс, как видите, готов помочь вам!

— Я был уверен в этом, — сказал Элиава.

— Во всяком случае мы не ожидали, что рабочие так поддержат нас, теперь можно надеяться, что и крестьяне не отстанут от них. А как продвигаются дела с проектом?

— Копия схематического проекта послана в Берлин. Посмотрим, что нам скажут профессора Рейхель и Вагенбах, — ответил Эристави.

— Мы, разумеется, прислушаемся к их мнению, но к строительству уже следует приступить. Я тоже готов помочь вам, могу работать рядовым чернорабочим, — улыбнулся Серго.

— И мы тоже готовы! — сказал один из рабочих.

— Вот и спросим инженеров, когда нам приступать, — Серго перевел взгляд на Эристави.

— Приблизительно в первых числах сентября, если, разумеется, к тому времени у нас будут деньги. Тем временем придут вести и из Берлина, и мы сможем окончательно утвердить проект, — ответил Эристави.

Чичинадзе во время беседы молчал: он вообще был человеком немногословным, молчаливым. Назначенный начальником строительства, он еще не приступал к исполнению своих обязанностей, а пока только помогал в подготовке проекта. Впереди ждали его немалые трудности. То, что голыми руками электростанцию не построишь, он хорошо знал. Встреча с рабочими в кабинете Серго Орджоникидзе и его обнадежила.

— Итак, товарищи, я только могу сказать вам спасибо. Вы сами прекрасно понимаете, что надо делать, — сказал Серго.

Рабочие встали. Следом поднялись и другие.

Серго, проводив рабочих, обратился к Элиава:

— Нам обещают один американский паровой экскаватор и две грузовые машины.

Элиава молча улыбнулся.

— Такой народ... — начал Геронти и кинул взгляд на двери, словно рабочие все еще стояли там. Он хотел было сказать что-то значительное, веское, но Серго Орджоникидзе, воспользовавшись его замешательством, закончил вместо него:

— Вот именно, такой народ может творить чуде-

са, и он совершит их! Теперь вы скажите мне, что же ответить заграничным фирмам?

— Мы считаем пока преждевременным завод рудования, — сказал Элиава. — Закончим подготовительные работы, проведем канал, заложим основание здания, к тому времени новый петроградский гигант «Элмаштрест» выпустит необходимое нам оборудование. Из-за границы нам, быть может, придется ввозить только турбины.

— По-вашему, когда мы все-таки сможем получить энергию?

— Лет через пять-шесть.

— Когда же такими темпами мы построим коммунизм! — Серго прошелся по кабинету, остановился. — Что ж, посмотрим. Дело покажет... А теперь нам пора прощаться.

* * *

Вот уже второе лето семья Эристави не ездит в Мухрани. Прежде они и не отдыхали в других местах, предпочитая всем курортам свое имение.

Княжеский дом, старый, но крепкий, основательный, стоял на вершине холма, величественно возвышаясь над всем поместьем с его садами, виноградниками, рощами. Он со всех сторон был опоясан широким балконом, откуда открывался великолепный вид на обширную территорию, принадлежавшую некогда великому князю Баадурю Эристави. Князь любил обозревать свои земли и чувствовать себя их властелином. Но менялись времена, и скудели, уменьшались рощи, виноградники, пашни, принадлежавшие Эристави. Князь послал сына учиться за границу, и по приезде молодому человеку мало что досталось от богатого наследства отца.

Геронти, человек образованный, просвещенный, пользовался большим уважением в деревне. Он не очень-то разбирался в том, как надо управлять поместьем, и потому поручил это дело своему управляющему.

А когда у него все отняли, дом был превращен в школу. Теперь здесь звенел звонок и на широкий бал-

кон выбегали дети. Дети обозревали расстилавшиеся вокруг земли, ибо теперь все это принадлежало им.

Прошлогоднее лето было жаркое и тяжелое. В этом году в Тбилиси и вовсе нечем дышать. Уже целый месяц Гуго просит Нино приехать в деревню, не одну только Нино, а все семейство Эристави, но она ждет, пока Коба сдаст последний экзамен. Геронти работает над проектом и не может уехать из Тбилиси, а Мариам, разумеется, не оставит мужа, хотя жару она сама совсем не переносит.

Наконец, Коба сдал свои экзамены, и они с Нино покинули душный город. Когда они сошли на метехской станции, Нино с сожалением сказала:

— Надо было все-таки уговорить маму. Видно, не нашли мы тех слов, которые могли убедить ее поехать с нами.

— Я не представляю, чтоб к маме кто-нибудь относился с большей теплотой, чем ты. Это столь редко между невесткой и свекровью, — улыбнулся Коба. — А если бы мама не была доброй, ты к ней относилась бы так же?

— Я не знаю, как бы я тогда относилась. Я люблю ее, и я счастлива, и давай не говорить о том, чего нет и не может быть, — она подняла на него глаза, и он прочел в них то, чего она не произнесла вслух и что заставило его ощутить еще большую нежность к ней.

Он бережно взял жену под руку.

— Пошли, дорогая, вот и коляска.

В коляске уже сидел один пассажир, пожилой крестьянин. Когда молодые люди подошли, он учтиво пересел на переднее место и уступил им места поудобнее.

Поначалу крестьянин, который держался, как и все грузинские крестьяне, с достоинством, незаметно, исподволь наблюдал за своими попутчиками. Наконец он не выдержал и спросил:

— Вы брат и сестра?

Они смутились.

Но тут крестьянин догадался, кем они приходятся друг другу.

— Красивые вы оба и, видать, добрые, хорошие... Но что-то рано взвалили на себя ярмо жизни, ей-богу!

— Мы часто слышим, что жизнь тяжела... Неужели это в самом деле так? Мы почему-то совсем не чувствуем этого, — улыбнулся Коба.

— Любите друг друга, потому, — ответил крестьянин.

Нино и Коба переглянулись с некоторым недоумением.

— Да, дорогие, любовь и счастье — это та крепость, которую трудно сокрушить бурям и невгодам жизни, — продолжал крестьянин. — Дай бог вам радости! Пусть всегда вам будет легка ноша жизни.

Крестьянин вскоре остановил коляску, попрощался с молодыми, сошел и твердым шагом направился к мельнице.

— Встретимся ли когда-нибудь? — тихо проговорил Коба. — Сам того не зная, он на всю жизнь оставит нам о себе теплое воспоминание.

— А ведь мы даже имени его не знаем... — отозвалась Нино. — Пожалуй, я никогда прежде его и не встречала... А может, это было привидение?.. — пошутила она.

— Ну да, конечно же, привидение, посланное провидением для того, чтоб сказать нам эти добрые слова!

* * *

Весть о строительстве гидроэлектростанции в Зэмо-Авчала разнеслась по всей Грузии.

Многие новшества, входившие в жизнь, вызывали в людях сомнения. Так было, когда по берегу Куры прошел первый паровоз...

Но строительство гидроэлектростанции с самого начала вселило в сердца людей надежду. Электричество превращалось в главную движущую силу экономики страны — это было ясно. Но что электричество может творить чудеса, крестьянин пока что не знал, однако о свете, о маленькой лампочке под потолком своего дома он уже мечтал.

И вот именно из Зэмо-Авчала пойдет этот свет!

В общий поток людей, устремившихся на строительство, влились также ахалкалакцы и гарикульцы.

Шамшэ не мэг представить себе, что кто-либо, кроме него, способен возглавить деревню. Тем более — Барна, которого он считал слишком мягким человеком, и, так сказать, передав ему власть, не спускал с него глаз. Подробно выпрашивал, что делается, с трудом, но все-таки добирался до конторы, будто бы заглянул «так просто», мимоходом. Он замечал, что кроме близких соседей, никто его не навещает. «Не любят меня», — с горечью и некоторой даже злостью думал он. Было обидно, но тут же, подбадривая себя, он добавлял: «Суровый я был, потому! А деревней и должен управлять крутой человек, не то сядут на голову, да и делу будут мешать!»

Летом он почувствовал себя гораздо лучше. Опираясь на палку, ходил, гулял по деревне, но недолго и недалеко от дома, мечтая о том времени, когда совсем поправится, сможет всласть находиться и вновь вернется к своим делам. Ведь он считал себя самым верным проводником Советской власти на селе.

Барна бывал у него довольно часто, рассказывал о проводимой работе, сообщал новости. И гордостью переполнялось сердце Шамшэ. Он снова чувствовал себя при деле, наставлял Барну, давал самые умные, на его взгляд, советы.

Барна внимательно слушал его. Не спорил, как прежде, держался так, словно принимал все советы Шамшэ. В действительности же он просто не хотел обижать больного человека.

Узнав о строительстве электростанции, Шамшэ взволновался не на шутку.

— Такое вокруг творится, все крестьянство поднялось! А что наши-то думают? — с беспокойством спросил он Барну.

— И мы решили помочь. Десятого сентября назначен субботник. Вот мы туда и отправимся.

— Эх, побывать бы там, — помрачнел Шамшэ. Барна подумал, что Шамшэ хотелось бы идти во главе односельчан так же, как в тот февральский день, когда он шагал с красным знаменем в руках впереди поднявшихся крестьян.

Барне не забыть тот день и идущего впереди всех знаменосца, который живым ни за что и никому не ус-

тупил бы знамя. Шамшэ никогда не был так горд, как в тот день. То же чувство испытал бы он и сейчас, если бы возглавил шествие гарикульцев и ахалкалакцев.

И еще Барна подумал, что если бы Шамшэ был здоров, он, Барна, непременно уступил бы ему эту честь.

— Вот бы побывать там!.. — повторил Шамшэ. — А сколько людей ты поведешь?

— Человек двадцать-тридцать.

— И «пьявок» сельских не забудь! — с презрением произнес Шамшэ.

Он читал о том, как относится партия большевиков к этой прослойке, и все-таки упрямо стоял на своем. «Нам дорого обойдется такой либерализм в отношении к ним», — твердил он, на свой лад произнося это чудное иностранное слово.

— Не нужны эти твои пьявки, — улыбнулся Барна.

— Ну вот, братец, а ведь прежде ты мне все твердил, что они нужны! Пусть они тоже пороят землю, пусть! Небось не надорвутся! Как только построят электростанцию, у них у первых окажутся лампочки, первыми их дома осветятся.

— Не горячись, Шамшэ! Ну как так можно? — вмешалась в разговор Анико, подавая гостю фрукты и вино.

— Сколько раз говорил я тебе, чтоб ты не совалась в мои дела, — рассердился на жену Шамшэ и снова обернулся к Барне. — Прихвати их, прихвати!

— Хорошо, — покорно согласился Барна.

— Ты должен был сам подумать об этом. Пусть роют! Пусть роют больше остальных!

— А если они не захотят идти?

— Прикажи им от имени ревкома!

— Я не имею на это права, Шамшэ. Все идет добровольно.

— Только что ты обещал, что захватишь, а теперь вдруг отказываешься? Мягок и добр ты, Барна, слишком уж мягок! До добра это не доведет! Ты лучше слушайся меня, не то все сядут тебе на голову. Ладно

уж, пей, пей, мне-то не надо, ты сам пей, — уже другим тоном проговорил он, угощая гостя.

Он еще долго поучал Барну, пока тот наконец не пообещал твердо взять на строительство «пьявок».

Уже когда Барна ушел, Шамшэ, стукнув себя кулаком в грудь, сокрушенно воскликнул:

— Надо же было мне сейчас болеть!

* * *

Участники субботника в Зэмо-Авчала ранним утром десятого сентября должны были быть во Мцхета.

Накануне, девятого, вечером все собрались у здания ревкома, чтобы выступить отсюда в путь и в назначенный час быть на месте.

Важа отправился вместе с Гиго. Он радовался, словно шел на храмовый праздник. Да и все крестьяне отправлялись на субботник и вправду как на большой праздник.

Некоторые не бывали в Зэмо-Авчала, иные лишь проездом видели эти места, по дороге в Тбилиси. Все стремились туда с великой охотой, с подъемом, сознавая, что они станут участниками грандиозного события. В большинстве шла молодежь. Некоторые из них говорили, что посмотрят, коли понравится, может, вообще останутся на стройке.

Их провожали всем селом. Сентябрь по календарю — осенний месяц, но в Грузии в сентябре, особенно в первой его половине, жарко по-летнему. И этот вечер был знойным. Алел закат. Уже завиднелись звезды. Чувствовалось, что и назавтра будет ясная, солнечная погода.

Шамшэ все-таки не утерпел, узнав, что участники субботника собрались на сельской площади, тоже отправился туда. Стоя среди провожающих, он высматривал «пьявок». Не увидев их, сухо спросил у Барны:

— Где они?

Барна с присущей ему невозмутимостью тихо ответил:

— Не расстраивайся. Смотри, какие ребята идут. Ну скажи, разве твои «пьявки» им под стать? Уж слишком разношерстный будет тогда отряд.

— А в деревне тебе не разношерстно? — так же тихо сказал Шамшэ председателю ревкома. — Ничего,

я не умру так, чтобы... — он не договорил и отвернулся. Барна успел заметить, как задрожала у него нижняя челюсть и покраснели глаза.

Опираясь на палку, Шамшэ зашагал прочь, и Барна так и не нашел слов, которые могли бы его успокоить.

— Чего ему надо? — спросил оказавшийся возле Гиго.

После истории с Алекси гариккульский кузнец невзлюбил бывшего председателя ревкома. Он лишь однажды побывал у Шамшэ, когда тот выписался из больницы, да и то вместе с другими односельчанами.

Рассвет они встретили на Военно-Грузинской дороге.

Лиловое небо постепенно светлело. Гулко шумела Кура. Жаворонки, устремляясь ввысь, приветствовали утро.

Важа с лопатой через плечо шагал рядом с Гиго. Он чувствовал себя взрослым мужчиной. И ничего, что он не спал. Свежесть утра наполняла его бодростью. Он смотрел по сторонам, видел сияющие, радостные лица, знакомые ему с детства, и старался идти в ногу с Гиго, не отставать.

Важе вспомнилась далекая декабрьская ночь, когда Гиго вел его из Тбилиси в деревню. Он запомнил тогда только Светицховели, а Джвари даже не заметил. И теперь храм на вершине горы, так гармонично вписывающийся в ландшафт, величественно парящий над округой, поразил его воображение, переполняя сердце особой волнующей радостью.

По дороге им встретился еще один отряд крестьян. Поприветствовали, порасспросили друг друга, узнали, что идут на общую стройку. Это оказались мцхетцы.

Важа с любопытством приглядывался ко всем, прислушивался.

— Что привело вас сюда из Гарикулы? — удивлялись мцхетцы.

— То же, что и вас, — отвечали гариккульцы.

Вот и совсем рассвело. И когда все они подошли

к Зэмо-Авчала, как-то внезапно из-за горы выкатилось красное солнце и, постепенно светлея, золотом залило все вокруг.

Люди остановились, побросали лопаты и кирки, кто сел, кто прилег на мокрую от росы траву, отдыхая в ожидании тбилисцев.

Важа взбежал на уступ скалы и осмотрел дорогу за поворотом, ведущую в Тбилиси. Кура ослепительно сверкала. По склонам вдоль ее берегов кралась желтизна, но выше царила зелень. А вдали горы были сиреневато-синими. Солнечные лучи проникли в глубь ущелья, рассеивая залегший с ночи туман.

Было ли у Важи когда-нибудь такое светлое, такое праздничное утро? Нет, конечно. Ничего подобного он не мог припомнить. Ему казалось, что собравшиеся здесь будут не только рыть землю, они совершат какие-то необыкновенные дела, которые останутся в его памяти навсегда. «Хотя бы поскорее пришли эти тбилисцы!» — с нетерпением думал Важа, глядя с уступа на дорогу.

Наконец там, вдали, появилась машина и следом за ней — люди. Множество людей!

— Идут, идут! — заорал Важа, сбегая вниз.

Гарикульцы и ахалкалакцы повставали на ноги, взялись за свои лопаты.

— Идут! Идут! Очень их много! — кричал Важа.

— Хорошо запомни этот день, сынок! — погладил его по голове Гиго. — Запомни все, что ты сегодня увидишь, чтобы ты мог потом рассказать это своим внукам, рассказать о нашем первом празднике труда!

«Праздник труда! Что-то будет, что-то непременно произойдет!» — кивая головой, подумал Важа.

Радостно билось сердце у мальчугана, и уверенность в чем-то великом и грандиозном, что должно произойти, все сильнее завладевала им.

Огромная армия тбилисцев подошла к Авчала.

В машине, кроме шофера, никого не было. За машиной шли Серго Орджоникидзе, Филипе Махарадзе, Мамна Орахелашвили, Шалва Элиава, члены комиссии строительства. Среди них был и Геронти Эристави, и начальник строительства инженер Чичинадзе.

— Увидев на дороге встречающих их крестьян, Сер-

го Орджоникидзе улыбнулся в усы и что-то сказал идущему с ним рядом Элиава.

— Здравствуйте, товарищи! — зычно приветствовал Серго крестьян, уже приблизившись к ним. Близстоящим пожал руки. — Присоединяйтесь, присоединяйтесь к нам!

Вскоре трудно было различить, кто откуда пришел. На строительство прибыла единая армия энтузиастов.

Важа незаметно потерял своих. И вдруг увидел перед собой того самого пышноволосого человека, который шел впереди тбилисцев. Он не знал, кто это. Просто увидел, как тот бойко орудовал лопатой. Всюду раздавался стук кирок, лопат и заступов о каменистую землю.

Пышноволосый мужчина в белой рубашке навывпуск, перепоясанной ремнем, тот самый, что шел с тбилисцами, заметив, что парнишка растерянно ищет кого-то, прервал работу и обратился к нему:

— Эй, парень! Ты кого ищешь?

— Я приемного отца потерял!

— Не бойся, здесь никто не потеряется!

— Нет, я не боюсь, но... надо ведь найти его!

— Тебя силком сюда привели? — спросил Серго Орджоникидзе, когда мальчик упомянул приемного отца.

— Никто меня силком не приводил, — обиделся Важа, приглядываясь к незнакомцу.

У человека в белой рубашке было доброе лицо, красивые глаза и огромные усы. Штанины серых брюк га-лифе заправлены в солдатские сапоги. Тут же, рядом с ним, копал Филипе Махарадзе, поблизости — Маmia Орахелашвили. Важа, разумеется, не знал тогда ни одного из них.

Серго, помогая Важе найти приемного отца, обошел весь участок, заодно присматриваясь ко всем и ко всему и беседа с Важа.

Важа нравился Серго. «Видать, смысленный парень», — думал он.

А вокруг кипела работа. Обнаженные по пояс люди успели загореть под солнцем. По смуглым лицам катился пот.

Они подошли к группе инженеров. Тут как тут оказался и фотограф.

— А ну, щелкни-ка нас, — обратился к нему Серго, обнимая Важу за плечи.

Фотограф щелкнул раз, потом еще и еще. И когда Серго с Важа отправились дальше, поспешил за ними. Тут Серго запротестовал:

— Ты что это, брат, неужто кроме нас снимать некого? Во-он сколько народу!

— Нужно!.. Это для потомства...

Геронти Эристави и Элиава пошли за Орджоникидзе. Сегодня, когда здесь, на этом грандиозном строительстве, трудятся свыше четырех тысяч человек, Геронти вспомнился день, когда он впервые встретился с Орджоникидзе. Руки, руки, руки!.. Руки и лопаты! Геронти не мог себе представить еще вчера, что субботник выльется в такой всенародный праздник труда.

Гиго, встревоженный, искал Важу и вдруг увидел его рядом с Серго Орджоникидзе.

— Куда ты запропастился, сынок?

— Хороший у вас сын! — обратился к Гиго секретарь крайкома.

— Да, это верно, — Гиго явно приятны были его слова.

— А я уже все о вас знаю, мне Важа рассказал. Доброе это дело — растить мальчика. Сколько же всего у вас детей?

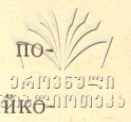
— Трое своих, трое племянников, да Важа седьмой.

— Пусть старость ваша будет покойной, — Серго на прощание протянул Гиго руку. — Вручаю вам вашего сына. До свидания, Важа. Если ты сюда еще приедешь, мы непременно встретимся, — он потрепал мальчика по волосам.

Серго, Филипе Махарадзе, Мамия Орахелашвили и Чичинадзе не спеша пошли вдоль будущего канала.

Важа долго смотрел им вслед. Улыбнулся, когда увидел, как вновь возник фотограф, а Серго с досадой махнул рукой.

— Пойдем, Важико, вконец я измучился, пока нашел тебя. Вообще-то здесь ты, конечно, не потерялся бы, но все-таки... — Гиго обнял мальчика за плечи и повел к односельчанам. — Где ты встретился с Серго Орджоникидзе?

— Да там же, где тебя потерял. Он сам меня позвал. А кто он, я и не знаю?..

— О, это большой человек! Он секретарь крайкома! — сказал Гиго.

— А я думал, он рабочий. Он рыл землю, — удивленно взглянул на Гиго мальчик. — А как он говорил со мной, будто с равным!.. Мы еще встретимся, сказал он, ты ведь сам слышал, верно? Знаешь что, давай часто ездить сюда, или же нет, лучше оставь меня здесь!..

Гиго улыбнулся.

— Это долгое дело, сынок. За два-три дня электростанцию не построишь. Погоди, вот сделаю из тебя хорошего кузнеца, приедешь сюда, будешь работать, и тогда встреча твоя с Серго будет совсем другой.

Гарикульцы и ахалкалакцы не отставали от других. Они уже вырыли порядочный ров.

— Куда ты запропастился, Важа?

— Без тебя дело не идет, давай-ка, бери лопату!

— А ну, покажи, на что ты горазд! — загалдели молодые ребята при виде Важи.

Важа спрыгнул в ров и принялся рыть, да с таким остервенением, что вскоре выдохся.

— Э-э, так работать не годится, — сказал ему Гиго. — С землей надо работать спокойно, не спеша, иначе она вмиг тебя свалит. Глянь-ка, как другие роют. Впереди еще длинный день. Если сразу устанешь, какой толк от нашей работы?

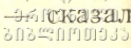
— Пусть отдыхает малец, много ли он наработает? — сказал кто-то из крестьян.

— Ничего, сколько сможет, пусть работает, — ответил Гиго. — Это ему только на пользу.

К ним приближался пожилой сутулый мужчина. В одной руке он держал лопату, в другой — грязную, залатанную рубаху. По загорелой груди и плечам было заметно, что он не первый день на земляных работах. Увидев Барну и Гиго, он остановился и уставился на них.

— Ты ведь Гиго, Гиунашвили? А меня не узнаешь?.. И ты не узнал меня, Барна? Датэба я, мельник Датэба!

— Датэба! Как это я тебя сразу не узнал! Гиго выбрался из рва, крепко пожал Датэбе руку.

— Надо же, и я с трудом узнал тебя, сказал Барна, подойдя к ним.

— Да, меня мудрено узнать... Сколько лет прошло...

— Как ты поживаешь, Датэба, что поделываешь? — спросил Гиго.

— Эх, что я могу делать! Вот видишь, землекопом стал...

— А мельница твоя?

— Не моя она больше... нет мельницы... Зять продал ее... И дома нет... — у Датэбы слезы выступили на глазах.

— Вот оно как... А дочка твоя где? — спросил Барна.

— Э-эх, дочка!.. И у дочки все вкривь и вкось пошло... Она у родственницы живет в Тбилиси, я — здесь, вон в том бараке. Одно слово — мыкаемся... А как это хорошо, что наши крестьяне тоже пришли сюда на помощь! И правительство здесь, видели? — оживился он.

— Датэба, Датэба! Ну и скрутила же тебя судьба! — сокрушенно покачал головой Гиго. — Пойдем-ка, поговорим, выпьем нашего вина, повидаем наших.

— Дай бог тебе здоровья, Гиго, ты не меняешься — всегда был сердечным человеком, таким и остался, — сказал Датэба. — Что ж, пойдем. До вина-то я не большой охотник, ты знаешь, но посидеть с нашими ребятами куда как хочется!

Датэба очень тосковал по односельчанам, по родным местам, но поехать туда не решался — не хотелось появляться в столь плачевном состоянии, да и не осталось у него там никого из близких. Но Гарикула была его родиной, и сердце его больно сжималось, когда он вспоминал о ней.

И вот сидит он, нищий и голый, отягощенный бедами и годами, среди своих...

Он поднял стакан, оглядел родные лица.

— Будьте здоровы и счастливы, дорогие, спасибо всем за привет, за память. Жизнь наша — маета и сумбур... нет, не у всех, конечно! Вот теперь еще великие перемены нам обещают... Дай-то бог! Все этого хотят... Может, и мне с дочкой как-то полегчает. Пошли бог

всем вам здоровья. До вечера ведь вы будете здесь? Еще увидимся. А теперь пошел я...

Гиго задумчиво смотрел вслед Датэбе, когда медленно брел вдоль канала. Видно, вспомнилась ему молодость Датэбы, и сравнил он того, прежнего Датэбу, с теперешним, надломленным, постаревшим... Почему судьба оказалась к нему так безжалостна?

Гиго и Важа снова взялись за лопаты. Важа заметно устал.

— Хватит, устал ты, сынок. Пойди отдохни где-нибудь в тени, — сказал ему Гиго. — Работы здесь еще много, да и рук рабочих достаточно. Канал-то должен быть огромный, такой, что в него вся Кура может уместиться.

— Правда? — поразился Важа. — А я думал...

— А ты думал, мы ров для орошения виноградника роем? — ухмыльнулся слышавший их диалог молодой парнишка.

Важа отер пот с лица, поднял голову и увидел на вершине ближней скалы фотографа — он снимал окрестности Зэмо-Авчала. Пройдет много лет, он покажет людям свои фотографии и скажет:

— Вот как все это было...

К концу октября в Зэмо-Авчала можно было насчитать десятки бараков, в которых жили рабочие. Приехавшие сюда крестьяне всю неделю трудились здесь и только на воскресенье уезжали в свои деревни.

В один из декабрьских вечеров, когда первый снежок робко побелил землю перед бараками, когда рабочие, закончив работу, поужинали и уже собирались ко сну, вдруг раздались выстрелы. Пули в нескольких местах пробили хрупкие стены барака, вдребезги разлетелось оконное стекло. Несколько человек упали на пол.

— Ложись! — крикнул кто-то и сбросил на пол лампу.

Выстрелы повторились.

Люди в бараках, ошеломленные, не могли понять, в чем дело, кто стреляет и почему.

Выстрелы, кажется, прекратились, но рабочие еще долго не решались подняться. Кто-то стонал, звал на помощь...

— Что за несчастье, боже!.. — воскликнул кто-то.

— Почему стреляли? Кто и в кого?

Страх сковал людей.

И вдруг...

— Убирайтесь отсюда! Все убирайтесь отсюда медленно, не то никому из вас несдобровать! — загремел снаружи чей-то зычный голос.

Снова раздались выстрелы, потом топот конских копыт.

И стихло все вокруг.

Медленно, все еще находясь во власти страха, поднимались люди. Кто-то нашел сброшенную на пол лампу с разбитым стеклом. Зажгли. Обнаружили раненых. Кто-то зло выругался.

Сначала с опаской, потом уже смелее вышли из барака, чтобы посмотреть, что делается вокруг.

Раненых оказалось двенадцать человек.

Выстрелы слышали и на станции Авчала. Дежурный тотчас понял, что у строителей творится что-то неладное, и бросился к телефону.

В ту ночь в рабочем поселке никто не спал. Все думали об одном и том же — как быть, если нападение повторится.

Датэба думал: «Злая судьба и от пули меня убергла. Нет чтоб убило меня, чтобы раз и навсегда избавиться... Но Хатуна? Несчастливая моя девочка?! Как она будет без меня? Ведь только ради нее и живу я на этом свете... А если бандиты придут и завтра? Что станет с нами?».

— Неужели никто не поможет? — произнес он вслух, вдруг охваченный страхом за свою жизнь, жизнь, которая все-таки нужна ему, потому что у него есть Хатуна.

Ему никто не ответил. Каждый думал о своем.

Еще не рассвело, когда в поселок прибыл начальник строительства Чичинадзе и велел отправить раненых в Авчала. Он был встревожен не меньше рабочих. В полдень Чичинадзе вместе с Элиава были в крайкомитете у Серго Орджоникидзе.

— Необходимо немедленно послать туда военных.

— сказал Серго, выслушав их сообщение. — Этого следовало ожидать... Как пострадавшие?

— Двое умерли в дороге, остальных доставили в Тбилиси, — ответил Чичинадзе.

Серго, заложив руки за спину, прошелся по кабинету. Тревога за судьбу рабочих переполняла его сердце.

— Нужна постоянная защита, Серго, — сказал Шалва Элиава.

Его голос вывел Орджоникидзе из задумчивости, он подошел к телефону.

— Надо было предвидеть это... пока не погибли люди.. — Серго несколько раз сердито покрутил ручку телефона, связался со штабом дивизии.

На том конце провода трубку снял Кутателадзе. Орджоникидзе велел послать в Зэмо-Авчала роту, а в дальнейшем оставить там взвод для постоянной охраны.

— Теперь все будет в порядке, — проговорил он, вешая трубку. — Ужасно, что погибли люди... Их надо похоронить с почестями, как солдат, павших на поле боя.

В тот же день в Зэмо-Авчала прибыла рота солдат. Рабочие освободили для них один из барачков. Теперь уже можно было спать спокойно.

При виде красноармейцев Датэба тотчас вспомнил Голу. В последнее время он все чаще вспоминал его и сожалел, что был так круг с ним. «Может, они знают Голу? — думал Датэба, глядя на красноармейцев. — Эх, что если бы и он был среди этих парней?». И вдруг он застыл, как громом пораженный. Он и в самом деле увидел среди них Голу. Нижняя челюсть у него задрожала, и он с трудом выдохнул:

— Гола!..

Гола оглянулся. Он не сразу узнал Датэбу.

— Дядя Датэба, ты ли это? — воскликнул он наконец, когда Датэба несмело улыбнулся.

— Я, сынок, я!.. Хотя бы все мои желания так исполнялись! Как я мечтал увидеть тебя, и вот!.. — Датэба обнял его, расцеловал и вдруг заметил в глазах

его слезы. И сам не выдержал, расплакался. — Сынок, дай бог тебе счастья, — сквозь слезы благословляя он Гола.

061135340
30220110333

— Ты здесь работаешь? — спросил тот.

— Да...

— А Хатуна? — покраснел Гола.

— Она в Тбилиси, приютила ее моя родственница.

Ты останешься здесь?

— Наверное... Я побегу, дядя Датэба, мы еще увидимся, — заторопился Гола, заметив, что отстал от своих. Поправив винтовку на плече, он побежал к бараку, к которому уже подошли солдаты.

С того дня Датэба, едва улучив свободную минуту, устремлялся к красноармейскому бараку.

— Расскажи, дядя Датэба, почему Хатуна в городе? — задал наконец интересующий его вопрос Гола.

— Я здесь, как видишь... А Хатуна... лучше мне было умереть! Я сам виноват в несчастье дочери, сам отдал ее в руки этого зверя!.. Поделом мне, дураку...

— Поделом... — тихо повторил Гола, подняв глаза на Датэбу. — Разве можно было отдавать Хатуна за этого зверя!

— Да, и остались мы оба, и я, и Хатуна, без дома, без крова, да и без куска хлеба, не начини я работать землекопом. Теперь вот здесь рою...

— Но что же у вас стряслось, и где сам Мгелуа?

— Да пропади он пропадом! Его и след простыл, слава богу! — и Датэба рассказал Голе о том, как зять развеял все его имущество и оставил его и дочку на улице.

— Вот ты говоришь, что поделом мне... Я не обижаюсь, сынок, знаю, не любишь меня, но... — сказал он под конец и кулаком утер слезы.

— Молчи, дядя Датэба! Как ты можешь говорить такое, люблю я тебя, люблю, потому и больно мне, и обидно за тебя... — Гола почувствовал, как к самому горлу его подкатил ком. Он тяжело вздохнул.

Всю неделю стояли солдаты в Зэмо-Авчала. Гола бывал в карауле то днем, то ночью...

По утрам он видел, как, покидая бараки, рабочие направляются к месту работы, расчищая по пути снег. Они шли, вооружившись заступами и лопатами, и на-

чиналась борьба с землей. А уже потом, попозже, начал тарыхтеть экскаватор. Смотрел Гола на Датэбу и сердце его переполнялось жалостью к старику. Они часто встречались, и Датэба всем сердцем привязался к открытому, смелому парню. Гола рассказал, что было с ним потом, после драки с Вардэном. Датэба понял, что все это Гола натворил из-за его дочери.

Некая мысль стала неотвязно преследовать его: «Может, Гола и есть судьба моей Хатуны, может, он и есть ее ангел-хранитель?.. Но захочет ли он взять в жены женщину, бывшую женой другого?.. Обрати, сынок, взор на нее, спаси мою девочку», — беззвучно шептал Датэба.

Он то и дело заводил речь о Хатуне, однако Гола внешне оставался совершенно безразличным и равнодушным. А между тем сердце его пылало, кровь закипала, когда Датэба заговаривал о дочери.

Спустя неделю красноармейцы покинули стройку, оставив только взвод бойцов. Гола, к великой радости Датэбы, был в числе оставшихся.

Зима-то оказалась поистине грузинской: снег сперва всех напугал, покрыв окрестности пушистым белым покрывалом, но очень скоро выглянуло солнце, и декабрь мигом перешел в март.

Снег растаял, земля превратилась в вязкую грязь. Рабочие, стоя по колено в воде, в грязи, продолжали рыть канал.

На авчальской платформе, на запасном пути, стояли два груженных лесом вагона. С десятков рабочих с утра до вечера сгружали этот лес, а волы лениво волокли на строительство огромные бревна.

Подходил к концу старый год. Еще два дня—и наступит новый. Погода стояла неустойчивая — то шел снег, то выглядывало солнце, то ветер мчался по ущелью Куры, пронизывая до костей.

Среди рабочих, которые разгружали вагоны, был и Датэба. Через несколько дней поедет он в Тбилиси к дочери и непременно купит ей новогодний подарок.

Завтракали, обедали и ужинали рабочие на станции, в темном и холодном зале ожидания. Расклады-

вали на скамьях скудную еду и ели все вместе. И спали они тут же, на скамьях, тесно прижавшись друг к дружке. Они предпочитали оставаться здесь, потому что не стоило поздним вечером идти спать в бараки для того, чтобы спозаранок снова бежать на станцию. Ночью пассажирские поезда не ходили. Последним проходил почтовый, и кругом воцарялась тишина. Ничто уже не нарушало сон уставших людей. Работа на станции сплотила их, все они поровну делили меж собой хлеб и тепло.

Датэба с болью в сердце вспоминал свою мельницу, свой небольшой, но обжитый дом. И если другие глядели в будущее с надеждой, то Датэба ничего хорошего от него не ждал, трудился лишь ради того, чтобы помочь дочери. Работая в зной и холод, не щадя себя, он словно стремился тем самым искупить свою вину перед ней. Но все равно облегчения не чувствовал.

Полночь. Рабочие спят. В зале темно, лишь слабый отсвет свежевыпавшего снега чуть-чуть разрежает тьму. Начальник станции скупится на освещение — едва проходит почтовый поезд, он гасит в зале единственный фонарь. Да и понятно — время-то тяжелое, нехватка во всем. И рабочие, благодарные ему за то, что он позволяет им ночевать в зале, конечно, молчат.

— Встать! — раздался чей-то грубый, хриплый голос.

Датэба едва различает фигуры вооруженных мужчин. Один из них чиркнул спичкой. Пламя на миг осветило его лицо, и Датэба оцепенел — перед ним стоял Авлабарский Мгелуа, Вардэн!..

— Вставайте! Вставайте! — повторил тот же голос.

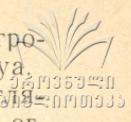
Во дворе заржали кони.

«Неужто меня ищет проклятый? — мелькнула у Датэбы мысль. — Не успокойся, пока не добьет вконец!.. А вдруг узнает?.. Узнает—убьет!.. Но зачем, зачем?!»

Рабочие повскакали со скамей. Мгелуа снова хотел чиркнуть спичкой, она не загорелась, — и тот же хриплый голос остановил его:

— Не надо!

Датэба стала бить дрожь. «Неужели он? Он, конечно! Не узнал...не узнал меня!..»

— Значит, убиваетесь за большевиков, да? — грозно спросил тот самый, который остановил Мгелуа. Когда Мгелуа зажег спичку, Датэба успел разглядеть и его. Он был в папахе, в черной бурке. Нос огромный, с горбинкой, глаза злые, жестокие.

Рабочие молчали.

— Завтра никто из вас не выйдет на работу. Мы будем держать вагоны под прицелом. Кто появится, тотчас уложим. И канал будет под прицелом. Передайте это всем своим товарищам и расходитесь по домам. А позовете солдат, будет хуже. Теперь валяйте, спите! Спокойной ночи!

Бандиты шумно вышли, сели на коней и ускакали. Вот уже и топот утих, а рабочие все еще пребывали в оцепенении. Наконец кто-то тяжело вздохнул и с отчаянием воскликнул:

— Чего им от нас надо?

И сразу все заговорили, будто только этого и ждали:

— Пусть стреляют! Убьют нас — придут другие!

— Надо и нам взяться за оружие!

— Вот тогда и пусть придут!

— Оружие нам нужно, оружие!

— Безоружные мы ничего не можем...

— Тише, вдруг они притаились где-то поблизости...

Датэба молчал, вдвойне потрясенный. Мгелуа был здесь!.. Слава богу, что он не узнал его в этом мраке.

Сейчас Датэба мечтал только об одном — скорее бы рассвело. Если бы за ночью не следовал день, как за отчаянием — надежда, за пасмурным днем — ясный, то чего бы стоила жизнь?

Угроза бандитов так и осталась угрозой. Никто не стрелял в рабочих на второй день. Их защищали красноармейцы.

В тот же день начальник строительства побывал у Серго Орджоникидзе с просьбой вооружить рабочих. Секретарю краевого комитета понравилось это предложение, он велел руководителям стройки незамедлительно его осуществить, тем более, что недавно был обнаружен склад с припрятанным меньшевиками оружием.

Датэба отыскал Голу.

— Сынок... — начал он, но тут у него так задрожала нижняя челюсть, что он слово не смог вымолвить.

Когда Датэба смотрел на Голу, он невольно вспоминал его стычку с Мгелуа. Правда, его при этом не было, но со слов очевидцев он знал, что дрались они не на жизнь, а на смерть. Мгелуа, конечно же, затаил злобу на Голу и, увидев его здесь, не преминет свести с ним счеты. Наверное, потому он и примкнул к бандитам, что душили его ненависть и злоба.

— Что с тобой, дядя Датэба? Бандиты напугали? А мы здесь для чего, а?

— Он здесь...

— Кто?

— Вардэн, Авлабарский Мгелуа.

— Мгелуа с бандитами? Откуда ты знаешь? — встрепенулся Гола.

Датэба удивился, когда в его глазах вместо страха увидел решимость. Гола выпрямился, расправил плечи, словно вырос на глазах.

— Оно и понятно! — проговорил он сурово. — Бандит и будет с бандитами. У него другого пути и быть не могло. Вот мы с ним здесь и встретимся в последний раз!

— Не погуби себя, сынок!

— Не беспокойся, дядя Датэба, но знай: я не прощу ему всего.

— Ты такой добрый, сынок, откуда в тебе столько ненависти к нему?

— Доброе сердце сильнее воспламеняется против несправедливости, дядя Датэба. Добрый глаз заметит зло скорее, чем недобрый. Зло не должно господствовать на земле.

Датэба молча прижал его к груди.

Они распрощались, и Гола направился к бараку. Шел он уверенным, решительным шагом, высоко держа голову, так, словно уже выиграл предстоящий бой и празднует победу.

В Душети недавно разгромили довольно большую банду, потому многие считали, что налет на строительство совершили члены этой банды.

Как бы то ни было, рабочие получили оружие. Дни текли спокойно, без всяких происшествий, но красноармейцы все-таки продолжали обучать рабочих стрельбе. Бригады выходили на работу вооруженные. Правда оружие им дали старое, но вполне пригодное в случае необходимости.

Датэба от ружья отказался. Никто не настаивал на том, чтоб он его взял. Работал он добросовестно всюду, куда направляли. Из теплой одежды у него только и было, что выдавшая виды заношенная куртка, но он, словно старый кряжистый дуб, выстоял в холод и стужу. Многие простуживались и заболели, многих свалил тиф, а он держался. Держался, и силы в руках еще хватало.

Гола ждал нападения бандитов. Но когда он узнал о том, что в Душети разгромлена банда, он потерял надежду на встречу с Мгелуа и очень сожалел, что его не отправили с теми, кто расправлялся с душетскими бандитами. Но был ли Мгелуа в Душети? А может, и нет, а может, его и вовсе не было среди бандитов, может, Датэбе в ту ночь просто показалось, что он его видел?.. На свете столько похожих друг на друга людей...

В одну из ночей в конце февраля, когда в воздухе запахло теплом и талые воды с окрестных гор устремились в Куру, когда бодрствовали караульные на постах, а рабочие спали крепким сном, раздались выстрелы.

Это было первое нападение с тех пор, как рабочие вооружились. Но они и сейчас так же растерялись, как в прошлый раз. Одни схватились за оружие, другие заметались, некоторые бросились на пол.

Но красноармейцы были в полной готовности к встрече с врагом.

Бандиты стреляли издали, не рискуя приблизиться к баракам, и потому пули не достигали цели.

У каждого красноармейца была своя группа вооруженных рабочих. У Гола, разумеется, тоже. Ночь была темная, и это было на руку защитникам строительства.

Когда Гола с товарищем пришли в барак к рабо-

чим, здесь царил полный переполох. Пока Гола навел порядок, выстрелы прекратились.

Датэба сидел на кровати в темном и пустом бараке, прислушиваясь к выстрелам и то и дело бросая себя крестом. До слуха его доносились обрывки фраз, отдельные слова. Сердце его тревожно билось даже тогда, когда все стихло.

Спустя время снова прогремел выстрел. И снова все затихло. Но вот раздался далекий крик петуха, он прозвучал в глухой тишине, как спасение.

«И сегодня пуля пощадила меня», — думал Датэба.

Бандиты все-таки не решились напасть на бараки, видимо, они хотели только поугадать рабочих. И все-таки командир устроил засады на дорогах в Мцхета, Сагурамо и Тианети.

Гола со своим отрядом оказался на мцхетской дороге. Если враг пойдет с горы, со стороны Джвари, он неминуемо пройдет мимо них.

Но в ту ночь встреча с врагом не состоялась. Бандиты отступили.

Утром, после беспокойной ночи, работалось плохо. Датэба спал до полудня. Никто не потревожил его.

В конце мая рабочие собрали денег и купили в Мцхета мясо. Чтобы привезти его, рабочие отправились на дом к мяснику. Гола сопровождал их. Мясник жил на самой окраине Мцхета. Когда к его деревянным воротам подъехали рабочие, он еще разделял туши.

Рабочие стали помогать мяснику, а Гола, оставшись возле повозки, стал оглядывать окрестности. Его взгляд привлекли развалины старой крепости, у подножия которой дорога заворачивала и исчезала за выступом горы. И вдруг Гола увидел там, на самом повороте, двух всадников. Они ехали в направлении к Мцхета, но, заметив повозку и красноармейца, повернули коней. Голе это показалось подозрительным, он тут же вскочил на повозку и погнался за ними. Рабочие выбежали из сарая и успели увидеть лишь хвост повозки.

Заслышав шум преследующей их повозки, всадники оглянулись и, увидев в ней лишь одного красноармейца, успокоились, повернули коней и оба одновременно выстрелили в Голу.

Гола держал в одной руке винтовку, в другой —

поводья. Когда мимо самого его уха прожужжала пуля, он выпустил из рук поводья, прицелился и на ходу выстрелил в одного из всадников. Тут кони, не чувствуя поводьев и испугавшись выстрела, рванули и понесли. Гола успел заметить, как один из всадников упал, а второй помчался ему навстречу.

Повозка, застряв колесом в яме, перевернулась набок. Кони остановились, но Гола свалился в канаву. Несмотря на боль, он не растерялся, не выпуская из рук винтовки, вскочил. И не успел оглядеться, как раздался выстрел. Он пошатнулся, правда, боли не почувствовал, хотя пуля попала ему в грудь и из раны брызнула кровь. Он выстрелил и увидел, как всадник беспомощно повис на шее коня, потом кулем свалился на дорогу.

Вооруженные рабочие бежали Голе на помощь. Он увидел их смутно, сквозь пелену. Силы покинули его, и он ничком упал на землю.

Убитых перенесли на мцхетскую площадь, а раненого Голу повезли в Тбилиси. Никто не верил, что он выживет, — рана была слева, над сердцем, — но пока он дышал, надо было ему помочь.

Когда прибыли в Зэмо-Авчала, все ринулись к повозке, в которой лежал Гола. Потрясенный случившимся, Датэба с трудом волочил ноги. Он шел и слушал, что рассказывал один из рабочих командиру.

Красноармейцы молча смотрели на своего командира, а тот нервно теребил подбородок и не мог сказать ничего утешительного.

Взглянув на Голу. Датэба не выдержал и разрыдался.

— Сынок! Сынок! — твердил он сквозь слезы.

— Чего шумите! — вдруг спохватился командир.

— Дорога́ каждая минута. Быстрее в госпиталь!

Он приказал двум красноармейцам сопровождать повозку с раненым, потом сообщить о случившемся в штаб дивизии, а сам отправился в Мцхета, чтобы выяснить, кто были те два всадника.

Возвратился он поздно вечером. Один из убитых был Мгелуа.

Датэба перекрестился:

— Исполнилась воля божья!

— Воля отважного человека, — поправил его кто-то.

— Это не первая их встреча. С Голой он уже имел стычку... — Датэба не мог успокоиться, в душе его бурлили два чувства — чувство облегчения, что месть свершилась, и боль от того, что ранен Гола. — Из убитых один мой зять... Я рассказывал о нем... Я видел его в ту ночь, на вокзале. Он не узнал меня... Да, получил он по заслугам... Но в сердце моем нет места для радости, я боюсь, как там Гола? Довезли ли его до госпиталя, неужто умер в дороге?

Дома, приютившиеся на самом верхнем склоне Мтацминды, не отличались пышностью. В основном здесь жил бедный люд. Хотя изредка среди неказистых домишек можно было увидеть дома и побогаче, но их было мало, да и они как-то терялись в таком окружении.

Здесь, у дальней родственницы, и жила Хатуна. Боясь встречи с мужем, она вовсе не выходила из дому, в две недели раз навещал ее отец.

В один из вечеров Датэба, как обычно, пришел к дочери. В комнатенке было сыро и мрачно, тускло светила крохотная керосиновая лампа. Хатуна, увидев отца, вскочила с тахты. Датэба был грустнее обычного.

«Бедный отец...» — думала каждый раз Хатуна, когда приходил Датэба. А Датэба, в свою очередь, думал о ней: «Бедная моя девочка...». Он чувствовал себя безмерно виноватым перед ней, хотя Хатуна не только никогда ни в чем не упрекнула его, но и ничем не дала ему понять, что винит его в своих несчастьях. Это еще более терзало его. Если бы Хатуна хоть раз, хоть невзначай упрекнула его в чем-то, Датэбе было бы легче. Но в глазах дочери он всегда видел лишь боль и сострадание к нему.

Родственница Датэбы, у которой жила Хатуна, была глухонемая. До того, как Хатуна у нее поселилась, она жила одна. При необходимости объяснялись они жестами, и Хатуна постепенно стала тоже как немая — ей не с кем было слова сказать, и она молчала дни напролет. Только когда приходил отец, бедная женщина обретала дар речи. С каждым приходом сюда Датэба

убеждался в том, что его ненаглядная дочь, его красавица, тает день ото дня.

— Доченька, Хатуна... — заговорил он, едва отбывавшись и усаживаясь на единственный стул. — Знаешь... убили Мгелуа... — он произнес эти слова так, словно в них было единственное их спасение.

— Убили? — тихо произнесла Хатуна и посмотрела на отца.

— Да. Свершилось!.. Не думал я, что когда-нибудь могу обрадоваться смерти человека... Но теперь ты свободна, и как же мне не радоваться?

— Я очень боялась за тебя, когда ты сказал, что встретил его на станции... Убили, это точно? Кто тебе сказал?

— Я видел собственными глазами... на мцхетской площади... Похоронили его, как собаку.

«Ты хоть сейчас выскажи мне обиду, доченька!» — думал Датэба.

Хатуна обняла отца, расцеловала. Датэба услышал, как она тихо произнесла: «Бедный ты мой...»

— Убил их Гола, — сказал Датэба.

— Гола? Тот, что подрался с ним? — у Хатуны вспыхнули глаза.

Сколько раз с тех пор, как Мгелуа впервые поднял на нее руку, вспоминала она этого парня, который мог бы ее защитить — так почему-то она о нем думала.

Узнав, что Гола ранен, Хатуна огорчилась.

— Если с ним что-нибудь случится, я не перенесу, — проговорил Датэба. — Я приехал узнать, как он. Завтра пойду в госпиталь.

— И я с тобой!

— Хорошо, доченька... Если он выкрутится!.. — Датэба замолчал и долго смотрел на дочь.

Смотрел на дочь и думал о Голе, мечтал о том, чтобы Гола выздоровел, и тогда у Хатуны будет верный и надежный друг. Вот когда излечится его израненное сердце и канут в прошлое беды.

Всю ночь он просыпался, вертелся на узенькой и короткой деревянной тахте, на которой обычно укладывался, когда ночевал у дочери. Беспокойные мысли о Голе отгоняли сон. Выживет или нет? Неужели судьба

И тут посмеется над Датэбой и все его мечты о будущем развеются в прах?

На другой день отец с дочерью пришли в гостини- таль. Их впустили лишь во двор.

Была солнечная теплая погода. Цвела сирень, и приятный запах ее разливался вокруг.

— Ты подожди меня здесь, доченька, — сказал Датэба. Усадив Хатуну на скамейку, он пошел к дверям здания. Его не пропустили, но сторож сжалился над ним и пообещал, что все узнает.

— Сын? — спросил сторож, когда вернулся.

— Нет... Мы односельчане, соседи...

— Ну, коли не сын... — он махнул рукой. — Что тебе сказать, плох парень... Сделали ему операцию, пулю вытащили... а как дальше будет, и сами не знают...

— Горе мне, горе! — в полном отчаянии воскликнул Датэба.

Сторож растерялся, начал успокаивать его.

— Да ты не бойся, жив он, дышит... ведь целых три дня прошло... Значит, не судьба еще умирать!..

Датэба кое-как овладел собой, поблагодарил сторожа и направился к дочери.

— Отец... — взволнованно произнесла Хатуну, увидев слезы на его глазах.

— Живой он, доченька... — Датэба, не в силах более сдерживаться, заплакал.

В это время во двор вошли военные. Проходя мимо, они увидели плачущего Датэбу и остановились.

— Почему плачешь? — спросил самый представительный из них.

Датэба вытер слезы, встал.

— Здесь лежит раненый... третьего дня оперировали...

— Гогиташвили, что ли?

— Он самый...

— Кем вы ему приходитеесь?

— Мы из одной деревни.

В это время к ним подошел мужчина в белом халате поверх военной формы. Это был начальник гостиницы. Его Датэба, разумеется, не знал.

Тот, который разговаривал с Датэбой, обратился к нему:

— Что, плохи дела?

Начальник госпиталя взглянул на Датэбу и раздумчиво покачал головой из стороны в сторону. Вероятно, решил, что перед ним отец Голы.

— Пошли-ка, — сказал тогда военный и двинулся вперед. Все последовали за ним.

Датэба уже не плакал и на дочь не глядел. На противоположной стороне улицы, напротив госпиталя, за забором стоял кирпичный дом. Взгляд Датэбы был прикован к одному из его окон. Мальчуган, стоя у открытого окна, пускал мыльные пузыри. Пузырь медленно летел в воздухе, разноцветно сверкая на солнце, и вдруг, лопнув, исчезал, но следом летел другой, такой же сверкающий. Казалось, вся суть жизни заключалась сейчас для Датэбы в этой игре мыльных пузырей.

Он сел на скамейку, не зная, как ему быть. Возвращаться на Мтацминду никто из них не хотел. Лучше сидеть здесь, в этом саду. Датэба не мог поверить, что дни Голы сочтены, что парень никогда больше не увидит солнце, эту цветущую сирень, Хатуну... Он поздно понял, что Гола любит Хатуну, что именно любовь к ней столкнула его с Вардэном. Когда он понял наконец все это, было уже поздно.

Военные в сопровождении начальника госпиталя вскоре вышли из здания и, идя через двор, снова остановились около Датэбы.

— Ну, дядюшка, — обратился к нему начальник госпиталя, — не тужи. Три дня парень выдержал, выдержит еще... Я уверен. — Однако произнес он эти слова не очень-то уверенным голосом. Зато ободряюще улыбнулся.

— Дай бог вам здоровья! — пролепетал Датэба.

Когда начальник госпиталя проводил гостей и возвращался, Датэба обратился к нему:

— Кто это был, не скажете?

— Кутателадзе, командир дивизии. Все с нетерпением ждут выздоровления этого парня. Мы сделали что могли, теперь...

— Вы верите в судьбу? — спросил вдруг Датэба. Начальник госпиталя неопределенно покачал го-

ловой и улыбнулся. Когда он отошел, Датэба заговорил, размышляя вслух:

— Все сделали... Остальное же... Все будет так, как написано в книге его судьбы... А кто знает, что там написано?.. Эх, никто этого не знает!

...Если бы в самом деле существовала книга судьбы, в ней было бы написано следующее:

«...Рана замучает. Будет стоять лицом к лицу со смертью... Но однажды утром Микел-Габриэл уйдет: весенним утром, когда солнце заглянет в палату, парень, рожденный для жизни, слабо улыбнется. День ото дня ему будет лучше. И тогда бедный Датэба заплачет от радости, а сердце Хатуны впервые забьется в предчувствии счастья»...

И в самом деле, выздоровление Гола было для Хатуны счастьем.

Наконец им разрешили навестить раненого. Девушка робко шла за отцом. Они миновали длинный коридор и вошли в палату.

— Сынок!.. — взволнованно произнес Датэба и опустился на колени перед кроватью Гола.

Гола увидел Хатуну, и губы его тихо прошептали: — Здравствуй, Хатуна.

— Здравствуй, — произнесла Хатуна, но сама от волнения не слышала своих слов. Пальцы ее крепко сжимали спинку железной кровати.

— Как ты теперь, сынок? — спросил Датэба. Ему казалось, что он виноват, безмерно виноват и перед этим парнем.

— Не утомляйте его разговором, — произнес врач.

— А мне так многое хочется рассказать ему... — произнес Датэба.

— Встань, дядя Датэба, чего ты... — попросил Гола. — Спасибо, что пришли... Хатуна... Как ты изменилась... А я ведь убил твоего мужа... — Хатуна опустила голову. — Я не знал наверняка, что это он... Фамилию второго я позабыл... Начальник дивизии говорит, что меня должны наградить... — Гола глубоко вздохнул и посмотрел на Датэба. — Как странно... Когда я в тот раз подрался с ним, меня на десять суток поса-

дили, ругали на всю дивизию... Теперь я убил его, а меня награждают...

Гола перевел взгляд на Хатуна. «Как ты прекрасна!» — хотел он сказать, но не посмел, лишь глаза озарились и потеплели.

Датэба не мог вымолвить ни слова, молча качал головой и глядел на Гола с надеждой и любовью...

Им не разрешили долго сидеть у раненого. Они попрощались с ним и ушли.

В конце июня Гола уже мог гулять по госпитальному саду. Его часто навещали Датэба и Хатуна. Датэба рассказывал о строительстве, а Хатуна большей частью молчала. Но молчанием своим она говорила ему очень многое.

Часто навещали Гола и товарищи. В дивизии все болели за него и с нетерпением ждали его выздоровления. В один прекрасный день товарищи пришли и поздравили его с наградой: он получил саблю с серебряным эфесом. Это был личный подарок Кутателадзе, а еще его ждет награда правительства.

*..В книге судеб, если бы она существовала, были бы начертаны и такие слова: «...Заболел Датэба, будет лежать в домишке своей родственницы на горе Мтацминда, и вскоре силы жизни покинут его, и предстанет он перед лицом господ...»

Да, так оно было: не свалила Датэбу зима, а пришла весна, и не стало человека...

Гола все глаза проглядел, ожидая прихода Датэбы с дочерью. Но они все не появлялись.

Спустя две недели Гола кто-то вызвал к воротам. За воротами он со спины увидел женщину в черном. Она повернулась — и Гола обмер: перед ним стояла Хатуна. Бледная, похудевшая, глаза покрасневшие, заплаканные.

— Отец.. — только и произнесла она.

— Умер?! Когда?.. Вот почему ты не приходила!..

Хатуна молчала, только смотрела на него. Так и стояли они друг против друга.

Гола взял руку Хатуны. Рука была ледяная.

— Что же ты будешь делать? — спросил он.

— Не знаю...

Гола молчал, все не выпускал из своих рук маленькую руку Хатуны, и в его молчании Хатуна чувствовала утешение и поддержку.

Теперь Хатуна приходила ежедневно. Наконец военно-врачебная комиссия признала Гола здоровым настолько, чтобы можно было его выписать. Однако в армию вернуться ему не пришлось — рана-то зажила, но бойцом быть он уже не мог.

Трудно было Голе прощаться с дивизией. Но у него появилось иное счастье — рядом была Хатуна.

— Давай поедем на Мтацминду, к моей родственнице, — предложила Хатуна, когда он вышел к ней из части.

— Нет, Хатуна... Поедем в деревню.

— У тебя ведь ничего не осталось в деревне... Дом-то, наверное, совсем развалился...

— Ничего, построим новый дом! Жизнь потому и прекрасна, что если одно рушится, то на его месте строится новое... Поедем, там и твои, и мои корни.

Хатуна опустила голову.

— Не могу я... Кто я тебе?.. — помолчав, тихо проговорила она.

Гола понял, что она жаждет услышать от него те заветные слова, которые и ему хотелось произнести.

— Кто ты мне? — повторил Гола. — Я не могу жить без тебя.

— И я не могу. У меня нет никого, кроме тебя, Гола. И я поеду с тобой хоть на край света!..

На Метехской станции пассажиров поджидал фаэтон. Гола и Хатуна подошли к вознице. Тот с добродушной улыбкой оглядел молодых людей, они ему понравились.

Когда подъезжали к Гарикуле, возница повернулся и спросил:

— Куда вас везти?

— В деревню.

— Деревня большая!

— Потому-то мы и едем туда!..

СЛЕДЫ

Здесь лань была... Оленя крик
Разнесся эхом по долинам,
Затих. И лунный гул возник,
Сокрытый в имени любимом.

О, как же родина нежна,
Покуда этот гул над нами!
Волненье белая луна
Внушает белыми псалмами...

Истает снег. Взойдут следы
Фиалкой в мартовской лазури.
И усыпит меня Ингури
Кипеньем голубой воды...

Вдоль берега, лугом — туман.
Вдали, за рекою — костер.
Забывшую песню узнал,
Послушал и слезы отер.
Печаль — как следы на песке.
Но образ пути нерушим:
Навеки опора реке —
Горбатые крылья вершин.

Незримая в сумраке дней,
Лишь вечность стоит перед ней.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Морской волны тяжелое стекло,
Где глубина граничит с тишиной...
Вот солнце алым облаком легло
На кромку гор в пространстве надо мной.
Я различаю: нежное ко мне
Из немоты протянуто — бери!
Так осторожно, будто бы во сне,

Подснежник тронул сердце изнутри.
Откуда вдруг? Игра и не игра
Тревожит сердце на исходе дня,
И то, что было далеко вчера,
Зовет меня и трогает меня.
Закрыв глаза и словно бы продрог.
Завороженный замыслом большим,
Я думаю о крутизне дорог,
О цели их, о возрасте вершин,
О женщине одной в долине дня,
Которой нестерпимо без меня.

И вновь иные дни передо мной
Встают и светят из небытия:
Далекий дом, воистину родной,
И мама там. И рядом с нею я.
Предупреждая (как она стара!)
Причуд сыновних каждый поворот,
Беспечных дней учитель и сестра
Науку сердца мне передает...
Ушло. Ушло... Но я не одинок,
Чтоб, сея холод, время окликать.
Роняет память белый лепесток,
И светом звезд ко мне нисходит мать.
Меня украдкой радует она,
Снующая в заботах о тепле,
С почтеньем вспоминает имена
Шота,
Цотне,
Давида,
Эрекле,
Потом и деда вспоминает: «Вах!
Твой дед Фома, ты знаешь, был каков?!»

Она не размышляет о стихах,
Доверив сердце вьюге лепестков.

Я вышел в путь, и отступить нельзя.
Минуют дни, в свое погружены...
Меня ведет бессонная стезя,
Рискуя превратиться в тень луны.
И далеко, как прежде, до высот,
И прежней жизни вовсе канул след.

Вновь пепел слов готов просыпать плод,
А близкой цели не было и нет.

И разве только мать понять могла,
Что это ремесло без ремесла.

Возможно ль душу выдумать? Навряд.
Хотя, наверно, кто-то будет за.
Но песни те, что сердцу говорят,
Приходят к нам — как слезы на глаза.
В них глубина и благо глубины.
В них до конца — желанье одарить!
И в каждом звуке мы повторены.
И мы их вновь стремимся повторить.
В косом луче тепла моя щека.
Я ощущаю солнца торжество.
И, как новорожденная река,
Ищу приметы русла своего.
Вершины новых гор в глазах моих —
Ни дождь, ни снег не отягчают их.

Осознаю призвание свое,
• Черты пути... Надежда движет мной.
Не подменяю жизни суровье,
А просто верю истине земной,
Что слово есть,
Что власть и тайна в нем,
Что клятва есть — какую не предать.
Что не напрасно, озаряя дом,
Меня находит утра благодать.

И я иду.
Тропинка льнет к ногам.
Вершины — там.
И будущее там.

Мне возвращает ночь часы мои.
И, ощутив отвагу, время дня,
Летающее в счастливом забытьи,
Зовет меня и жалуется!
Впитала взгляд рассветная хвоя!
Вдруг стали мысли прежние тесны.
И в слезы счастья обратился я,

Как виноградник в зеркале весны.
Скорее! Небо льет голубизну.
Спешу за светом, ясностью храним!
Я все пройду и наново дерзну,
Врачуя душу травами равнин.
Бывало, ночь по имени звала,
Стесняла речь, и в сердце плавал хмель.
Но вот он — день: как скифская стрела,
Я знаю путь и различаю цель.
Каков я есть, такому и нести
Планиду ту, что названа моей.
Так горы держат непогоду в горсти
И прах растений носит суховой.
Вновь даль моя лежит передо мной
До горизонта. И смятенья нет.
И вера дышит памятью немой
О боли тех, кто вправду был поэт.
Я различаю: нежное ко мне
Из немоты протянуто — бери!
Так осторожно, будто бы во сне,
Подснежник тронул сердце изнутри.
Земля кружится, души окрылив,
Переместив созвездий череду...
Я слышу счастье в шепоте олив.
Мой путь — во мне.
И я его пройду.

Перевел Владимир ЕРЕМЕНКО

ПУСТОТА В СТАРЫХ ОКОПАХ

Как русла пересохших малых рек,
окопы старые,
и ежечасно войны оживают в книгах,
и дремлют в глубине отцовских глаз,
как будто львы, посаженные в клетку.

На цыпочках в окопах прежних лет
гуляет пустота.
Дай повод — всем своим огромным телом
здесь вздрогнет тишина,
спокойствие небес разверзнется громами,
сверкнет изломом — непогода настанет.

В свинцовый цвет оденется народ,
и обомрет душа в минуты расставаний.
Так и уйдут отцы и братья, дети,
под горький плач сестер и матерей.
Вновь кверху брюхом поплывут мальки,
заперхают окопы,
закопятся, как будто потолок
мегрельской древней пацхи...

О, пусть, как русла пересохших рек,
окопы старые,
и ежечасно войны оживают в книгах,
и дремлют в глубине отцовских глаз,
как будто львы, посаженные в клетку.
Пусть гуляет пустота
на цыпочках в окопах прежних лет,
пусть пахнет от нее травую прелой,
но порохом и дымом — никогда.
И небо наше нежное, о, пусть не рухнет
от нечеловеческого крика.
и матери слеза не упадет
на спящего младенца в колыбели,
не распахнется пусть июньский день
навстречу дулам раскаленных пушек.

Перевел Сергей БИРЮКОВ

Иза ДЖАЧВАДЗЕ

ОМАЛО, 1981 ГОД, 11 ИЮЛЯ

Стали явью, сбылись мои думы-мечты!
Вновь звучат голоса с высоты.

Гулкий грохот и стук отдаются вдали —
Бьется сердце гористой земли!

Верь, пастух, в свое счастье — оно впереди,
На исхоженном древнем пути.

Вот придет поколение новых людей,
Сильных, смелых и стойких в беде,

И поднимутся всходы, и смех зазвенит,
И повсюду зажгутся огни.

Зазвучит колыбельная в каждом окне,
Сладость детства рождая во мне.

Вместе с горцем взойду я по тропам крутым
В возвращенное царство Мечты

И над горной грядой, высоко-высоко,
Поселюсь на груди облаков.

Бегут минуты.

Отдаюсь во власть
Тропинки, уходящей вверх по круче.
Но вдруг стена на склоне поднялась —
И сердце сжалось

от печали жгучей.
Остатки древней крепостной стены,
Разрушенной,
сожженной в пекле боя.

След вражеских набегов,
след войны...

Как я должна носить ярмо такое?!
Но сеятель поднялся.

За века
Еще не раз он поднимался снова.
И никогда он не прощал врага,
И не покинул он родного крова.

...Бежит тропинка.
Слышу в тишине

То вздох, то голос —
тихий и глубокий:

«Пригнись к земле,
прислушайся ко мне —

Здесь твои корни,
здесь твои истоки!»

Моя Тушети,
слышишь, я пришла!

Как я люблю тебя!
Из рук молчанья

Я ускользнула,
чтоб тебя от зла
Оберегать,
хранить твои преданья.
Я обниму весь этот мир окрест,
Взбираясь на вершины с пастухами.
Там, где стоит святой Лашарский крест,
Весь склон горы
покрою я стихами!

ЖДУТ МЕНЯ ГОРЫ

Ждут меня горы! И сердце готово
К штурму любой высоты.
Горы, скажите желанное слово,
Дайте мне крылья мечты!

Крылья, чтоб в небо взметнулась я птицей —
В синий, бескрайний простор.
Я б и ходить не смогла научиться,
Если бы не было гор!

Снежным хребтам и ущельям угрюмым,
Ввысь, в неоглядную даль
Я понесу сокровенные думы,
Радость свою и печаль.

Мне бы вдохнуть опьяняющий ветер,
Мне бы шагнуть в вышину!
...Ждут меня горы прекрасной Тушети,
К синему небу прильнув.

Перевела Галина ПАВЛОВСКАЯ

ПУШКИН НА КАВКАЗЕ

Вот
эти гордый Дарьял,
Степанцминда,
Терека мутный поток.
Сдержанность
хмурых скал —
вложенный в ножны клинок.
Вечера вольных богов на небе,
и над земной тишиною —
возглас невольный:
Кавказ подо мною!

Вальс
и кадрили отшумели.
Жажда далеких просторов
и близкой души
терзала его с колыбели.
Здесь он над Тереком в тиши,
саблю повесив на выступ скалы,
в бронзу воды опустив персты,
слышит в себе
серебряный звон чистоты.
Влажный зеркальный лоб
солнцу скала подставляет послушно.
Южная муза, солнцем согрета,
Зевса приветствует простодушно,
точно духанщик монету.
Кто-то, играя на тонкой свирели
в облаке света,
сверху заметил уже
лиру поэта.

ВАЖА ПШАВЕЛА

Арагви!

Чтоб верили в мою верность,
в незамутненность души невзгодами,
хочу породниться навеки
с твоими прозрачными водами,
с тобою слиться в долине.

Пускай подтвердит мою верность
Казбек,
на чьей могучей вершине,
как ворот неба, белеет снег.
Арагви!

Хочу поведать смело,
как много с тобой у нас общего:
азбука Миндия, раны Лухуми
и Сакартвело —
наши сокровища.

Перевела Лариса ЛЕОНИДОВА

НАДЕЖДА

Не покидай меня
В час, для разлук неуместный...
Не покидай меня,
Милая, над черной бездной.
Гостем навеки
Войди в золотую обитель
Радостным, нежным,
А не в печальной обиде...
Не покидай меня
В месяц апреля сумбурный,
Не проклинай
Парусов этих в дали лазурной —
В небе плывущей любви...
Вдруг обрушится ливень,
Жизнь — это дождь,
Светоносный, майский, счастливый.
Не искривляй
Путь, опущенный в травы и росы.
В птиц улетающих не обращай
Мои грезы.
Нам бы дойти до порога,
Где нас ждут, где нам рады.
Ну, а не ждут —
Все равно нам дойти туда надо.
Не позволяй
Позабыть мне о прошлом, о звездном —
Мы все равно
Попадем в него рано иль поздно.
Ради прибежища счастья —
Страны неизвестной —
Не покидай меня
В час, для разлук неуместный.

Перевел Лев БЕРИНСКИЙ

Казалось мне: я чуть не вознеслась,
Привстав на цыпочки, я приподнялась и
Воздела руки к небесам.

Затем

Ко мне навстречу солнце покатилося,
А я один лишь лучик отняла,
Застенчиво, нисколько не боясь...
Лишь только отломила, как сплелись
Вдруг паутиной белые тропинки,
Где я иду и проношу с собой
В руках клинок из солнечного света —
Быть может, он понадобится нам.
Что, если я все сделала не так?
Но грех мой был свершен из-за любви;
Прости, создатель, деве слабость эту,
Надежды и забвенья властелин.
Когда-то где-то там, у горизонта
Слепящий диск меж небом и землей
Расстанется со мной...

Перевел Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ

ТАМ, НА ОТДАЛЕННОЙ ПЛАНЕТЕ

ИЛИ ТРИНАДЦАТЬ
БРОСКОВ ИЗ ЖИЗНИ
АРТЕМА ГАСПАРОВА

● Роман

БРОСОК ВОСЬМОЙ

МЕЖДУ тем Артемом, который самозабвенно танцевал шалахо в одном из дворигов Авлабара в декабрьскую ночь первого послевоенного года, и Артемом, отправившимся на отдаленную планету, лежит дистанция почти в сорок лет. Многие за эти годы изменилось в жизни планеты Земля, в жизни нашей страны, изменились и тбилисские нравы. Конечно же, и Артем, перемолотый колесом эволюции, тоже уже не тот. Шапка волос выбелилась, лицо поистрепалось, походка, не лишившись, впрочем, деловитости, стала суетливой, движения утратили гибкость, да и весь облик нес уже отпечаток житейских бурь или, как принято выражаться сегодня, нервных стрессов. Их в жизни нашего героя было предостаточно. Однажды, например, Артема на работе ударил ток более чем в четыреста вольт. Вопреки прогнозам присутствовавших при этом киношников, Артем выкарабкался и из этой катавасии.

Окончание. Начало в № 2.

Но спросите — какой ценой? Нет, не то чтобы он стал импотентом. Подобная опасность Артему, видимо, не угрожает до самых преклонных годов. Однако проиграть на свет себе подобных он уже был не в силах, хотя очень долго об этом даже и не подозревал.

Однако давайте все по порядку.

Первый удар Артему нанесла жена Дора, когда ушла из дома вместе с ребенком. Беда свалилась неожиданно. Артем вернулся с работы домой и видит — дом полон соседей и женщин в белых халатах. Оказывается — скорая помощь. Плохо Рузанне. Она лежит в постели. На лбу — примочка. Взор затуманен.

— Глубокий шок и сотрясение мозга, — шепчет Артему милиционер, прибежавший сюда на шум.

Рузанна мотает головой, силясь произнести слово «ведьма», но голосовые связки и язык ей пока неподвластны.

— Вева... веда... вева...

Мать сидит у постели, гладит ее по рукам и волком смотрит на сына. Как рассказывает Артему сосед, выведя его на балкон, тут в его отсутствие был настоящий бой.

— Дору, случайно, не забрали? — спрашивает Артем, кивая в сторону окон милиции. Оказывается, нет. Не успели. Сама ушла, побросав в свой деревянный чемодан все необходимое. И сына с собой увела. Вот такая неприятная ситуация.

Употребив в своем рассказе слово «бой», сосед немного преувеличивал. Боя как такового не было. А просто после того как Рузанна накинулась на невестку, тыча ей в нос пиджак Артема, который та якобы не очень тщательно вычистила, Дора, проживающая у мужа в атмосфере непрерывного террора, наконец-то не вытерпела и со всего маху рубанула Рузанну по скуле. Причем в удар этот была вложена такая сила, что если допустить, что нечто подобное случилось бы на ринге во время поединка боксеров, арбитр тут же прекратил бы бой. Он и счета не открывал бы. Рузанна была в нокауте. Очувтившись под столом на четвереньках, она только мотала головой, силясь произнести слово «ведьма». Она и сейчас это делает, правда, безуспешно: «вева... веда... дьма... вева...»

Вначале Артем подозревал, что Дора отправилась

в свой Краснодар на тайно припрятанные от него сбережения. Но не прошло и месяца, и на квартиру к нему заявился старшина — парень-косая сажень в плечах. Он сообщил Артему, что тот должен явиться на следующее утро в суд на свой бракоразводный процесс. Артем мужественно, но вместе с тем несколько ошалело уставился на эту глыбу и спросил:

— А как же сын?

— За сына, извиняюсь, алиментики придется платить, — подло улыбнулся старшина, как выяснилось впоследствии, служащий тюремной охраны.

— А хошь, не плати, — добавил он тут же, озабоченно подняв бровь над левым глазом и тяжело вздыхая. — И так проживем.

Только сейчас понял Артем, что перед ним не просто глыба, а муж его бывшей жены. Оказывается, Володя (так его звали) познакомился с Дорой на вокзале, где она умоляла проводников боржомского поезда довести ее до Краснодара, предлагая вместо билета оброчальное кольцо.

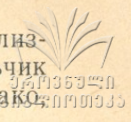
— До Боржоми с удовольствием, дорогая, но до Краснодара никак не могу, — говорил ей пожилой проводник.

Тут и познакомился с ней Володя и увел к себе. Как показала жизнь, Володя оказался мягким и приличным пьянчужкой и совсем уж не «змеей», как это показалось Артему вначале.

Артем остался один. Ему сочувствовали, жалели его, исходя из соображений, что такие красотки, как Дора, на улице не валяются.

— Я хрен положил на ее красоту, — мужественно отвечал Артем. — Мне то жалко, что засранца увела.

Сына (Акопа) он называл не иначе, как этим словом, проявляя при этом к нему самые нежные чувства. Честно и исправно на протяжении пятнадцати лет Артем выплачивал алименты из всех видов официального заработка, а на деньги, заработанные «налево», баловал сына как только мог. Когда срок алиментов истек, сын стал обходиться Артему втрое дороже — то джинсы американские ему покупай, то фирменные часы, то ботинки на каком-то странном дамском каблуке, которые, вопреки всякой логике и смыслу, стоят двести

рублей. Артем не жалел. Акоп был единственным близким ему человеком. Красивый светловолосый мальчик с грустными армянскими глазами, в которых, однако затаилась хитринка, трогал его душу.

— Сына, — говорил ему Артем. — Папа твой бедный человек. Есть отцы, оставляют детям целое состояние, а я что тебе оставляю?

— Да ладно, пап, хватит тебе, — с подчеркнuto русским произношением, с недовольным видом отвечал Акоп.

— А я тебе оставлю библиотеку, — продолжал Артем. — Единственное, что у меня есть. Знай, Акоп, это все твои книги, — и Артем устремлял взгляд на глубокую застекленную нишу в стене, за которой просвечивали подписные издания классиков.

— Да ладно тебе, пап, ты что — умирать собираешься? — дулся красивый Акоп, хмуря свои каштановые красивые брови.

Еще до рождения Акопа Артем начал работать на киностудии «Грузия-фильм» или, как она тогда называлась, — Госкинпроме. Сначала простым осветителем. Потом монтером и бригадиром. И только совсем недавно названию его профессии придали необходимый в наши дни лоск — мастер света. Но поскольку в те годы Госкинпром в три-четыре года снимал по одной, максимум — две картины, Артем то и дело находился на простое. Хотя зарплату, в отличие от творческих работников, находившихся в состоянии ничегонеделания, получал регулярно. В дни простоя Артем частенько появлялся на «бирже» всевозможных шабашников. Тут же подворачивался заработок — «левый заработок», как его тогда называли. Но еще чаще Артема можно было встретить на углу площади Ленина и улицы Леселидзе, где он пристраивался у перил магазина электротоваров в двух шагах от лотка, с которого продавали мороженое. За лотком стояла красавица Ася. К этому времени она вернулась в стан шустрых тбилисских мороженщиц. Как и в прежние годы, со знакомых денег она не брала, а незнакомых обжуливала. Артем наблюдал за этими ее манипуляциями снисхо-

дительно и иронично, как взрослые смотрят на детские шалости.

— Артем-джан, я опять погорю на этой работе, — помни мой слова, — бросала ему время от времени Ася, делая тревожное лицо.

Артем понимающе усмехался. Иногда Артем заходил в магазин электротоваров и тут же появлялся вновь. Монтер делал вид, что стоит тут в ожидании каких-то дефицитных электропринадлежностей. Он скептически усмехался, провожая взглядом глазающих на Асю мужчин. А за весь день случалось, что лишь двое-трое престарелых чудаков, проходя мимо, не обращали на нее внимания. Остальные глазели во все глаза — было на что глазеть! Особенно мощный бюст и распущенные веером черные волосы. Красивое лицо Аси было в ту пору уже несколько потрепано, влажные голубые глаза лучились добротой и расположением к кому бы то ни было — к неважно одетым детям, потрепанным пенсионерам, уродливым толстухам. Некоторую потрепанность лица Ася компенсировала ярко напмаженными губами.

Если какой-нибудь проходящий мимо лотка мужчи на оглядывался, чтоб еще раз взглянуть на Асю, Артем усмехался и не очень громко командовал:

— Кругом!

И прохожий, словно выполняя приказ, оборачивался снова.

— Еще раз, — бросал Артем, еле скрывая ликование, и мужчина снова оборачивался.

Артем посмеивался и мотал головой — ну и ну, мол.

— Да оставь их в покое, пусть себе смотрят, — говорила Ася, опасаясь, что Артем может устроить скандал.

— Глаза потеряют, — зло усмехался Артем.

Иногда Ася отлучалась от своего лотка — нужно было бежать в школу, где опять накуролесил один из ее сыновей, и сидеть там на «скамье подсудимых». А иной раз обстоятельства обязывали бежать в отделение милиции, куда опять за что-то угодил уже другой ее отпрыск, и вызволять его из беды.

И тогда у лотка оставался Артем. Он отпускал покупателям брикеты с видом человека, который в свое

время вершил человеческими судьбами, а сейчас, в результате недоразумения, вынужден вот заниматься подобными глупостями. На вопрос — сколько стоит? он снисходительно улыбался.

— А черт его знает, сколько оно стоит.

Такой ответ освобождал его от обязанностей давать сдачу. И тут, шутя и валяя дурака, он неожиданно для себя сделал открытие — оказывается, на таком пустяковом деле можно неплохо нажиться.

— Торговля, — говорил он глубокомысленно и в то же время насмешливо.

— Вот я наконец стал мороженщиком! — весело бросал он знакомым, застававшим его за этим, как ему казалось, пустейшим занятием, причем произносил эти слова с таким видом, будто он до этого был народным комиссаром или полпредом в какой-нибудь первостепенной капиталистической державе.

— Серьезно? — удивлялись знакомые.

— Этого еще не хватало, — отвечал Артем, лукаво поблескивая глазами. — Аська побежала в школу, а я тут смотрю, чтоб не растаскали.

Ася тем временем действительно прибегала в школу, чтоб «спасти» одного из своих наследников, и со слезами на глазах умоляла учителей, завуча и директора не применять суровых мер. Директор школы тем временем, насупившись, разглядывал ее с ног до головы, давая возможность высказаться учителям. А когда учителя, высказавшись, покидали кабинет, он оставался с ней наедине, и трудно было сказать, на какие темы вел беседу — педагогические или какие-нибудь более волнующие. То же самое происходило в кабинете начальника милиции. Ася шла на все, лишь бы отвести от детей беду.

Однажды Артем, стоя, как обычно, неподалеку от лотка и снисходительно наблюдая за тем, как идет торговля, выждал момент, когда никого не было поблизости, и сказал:

— Слушай, Ася, стань моей женой.

Ася сделала страшные глаза и взмолилась:

— Артем, не надо шутить! Это нехорошая шутка!

Умоляю!

Лицо ее залилось румянцем.

— Нет, если не хочешь, не надо, — равнодушно пожал плечами Артем.

Ася взмолилась с еще большим пылом:

— У меня пятеро детей, Артем! Как можно так шутить?! На коленях прошу — молчи!

Их действительно было пятеро — Альберт, Эмиль, Рудольф, Эдуард и Жак, на любой вкус: черные, светловолосые, смуглые, белокожие, один рыжик, у одного нос, как маузер Деникина, у другого внешность голливудской звезды. Единственное, что было общим у братьев, — имена: все на иностранный манер.

— Нет, если не хочешь, другое дело, — пошел было на попятную Артем, но было уже поздно.

Ася уставилась на него влажными влюбленными глазами.

— Родной! — произнесла она с чувством. — Артюша!

— Только не надо шума, — с недовольным видом попросил Артем.

Но шум все-таки получился. Ася расплакалась, а когда к ней подошли три девочки покупать мороженое, она обняла сразу всех троих и стала целовать их в головки.

— Дай бог и вам, дети мои, счастья и любви! Берите бесплатно! Берите, даром берите, все берите!

Слезы радости вместе с тушью текли по ее щекам.

Они расписались в тот же день, а вечером сыграли свадьбу. Бухали пробки шампанского, всюду разрывался патефон. Рузанна, к той поре уже замужняя особа, сидела рядом со своим супругом, контролером ТУЭСа Рубиком, по правую сторону от Артема. Рядом со счастливой Асей неподвижно, как изваяние, сидела крохотная мать Артема. И у сестры, и у матери был несколько кислый вид. Своему сыну и брату они, как никак, желали бы в жены женщину несколько иного пошиба, тем более, что эта была старше Артема лет на пять. Но Ася, кажется, не замечала их постных лиц.

— Пей, мама! — сияла она, обращаясь к матери Артема. — За Артема! До конца!

С этого дня Артем стал жить уже на две семьи: зарплату целиком приносил матери, а то, что зарабаты-

вал «налево», отдавал жене. Рузанна перешла к мужу. Сам Артем то оставался ночевать у Аси, то приводил жену к себе.

Надо сказать, что сыновья Аси, наконец-то обретшие отца, с подчеркнутым уважением относились к Артему.

— Папа спит, — предупреждал старший, Рудольф, остальную ораву. — Кто закричит, голову оторву!

И ребята тихо и послушно покидали квартиру.

Каждый приход Артема в дом выливался в настоящий праздник. Альберт или Эмиль, завидя приближающегося к подворотне Артема, стремглав бежали в дом с восторженным воплем:

— Идет!!!

Артем бодро входил во двор, здоровался с соседями и, тщательно вытерев подошвы о половик, заходил в дом. В руках он держал свертки — сыр, кулич, мясо, банки с консервированным зеленым горошком. Не было случая, чтобы он пришел в дом с пустыми руками. Ася сияла, бросалась к нему, целовала в щеку и забирала свертки.

— Тут без тебя можно подохнуть со скуки! — восклицала она.

Она по-прежнему продавала мороженое, но, улучив минуту, бежала на квартиру к Артему, чтоб помочь его матери убрать комнату или приготовить обед. Она окружала ее вниманием и дефицитными лекарствами. Ко дню рождения Рузанна Ася испекла торт такой величины, что пришлось нанимать машину, чтоб доставить его по месту назначения.

— Ася оправдала себя на все сто! — с серьезным видом говорил Артем. — А если кто-нибудь что-нибудь, то... то пусть он, если мужчина, придет и скажет мне это в лицо. Я прав?

— Еще как прав! — заверяли его приятели.

Ася же, если речь заходила об Артеме, каждый раз заявляла, что окружающие его плохо знают.

— У этого человека золотое сердце! — говорила она, нежно улыбаясь. — Надо только его понять.

Она столько твердила о его золотом сердце, что, кажется, и окружающие уверились в этом. Бывало, во

время застолья, когда пили за Артема, оратор каждый раз не забывал отметить именно эту деталь.

— Чем ты нам дорог, Артем? Внешностью? Врунда. Может, ты министр культуры? И этого не скажешь. У тебя золотое сердце! А это самое главное.

Артем слушал с загадочным видом и не сводил с оратора глаз. Иногда в знак согласия слегка кивал головой. Он не возражал. В конце концов не он навязал им эту мысль. Нравится — пусть говорят. Со временем, правда, ему несколько надоело однообразие этих тостов.

— Про «золотое сердце» мы уже слышали, ты что-нибудь новое скажи, — перебивал он оратора.

Нередко Артем забирал ребят с собой в киностудию на съемку. И дети потом с увлечением рассказывали своим товарищам о том, как снимается кино. Видя, как Артем распоряжается на съемочной площадке (где он проявлял куда больше активности, чем сам постановщик), сыновья Аси считали, что их новоиспеченный отец — главное лицо среди всех остальных путающихся тут под ногами.

— В кино главное — это свет, — поясняли они товарищам. — Артисты всегда найдутся.

Артем становился семьянином. Он любил посещать родительские собрания. С видом усталым, но снисходительным выслушивал он выступающих тут бабушек и мамаш, а если позволял себе реплики с места, то всегда очень короткие и по существу:

— Много говорим, мало делаем.

Или:

— Булочки выдают с недовесом. Тоже неправильно.

Одним словом, семья крепла и процветала. Старший из сыновей, Рудольф, несмотря на то, что конопат, лопух и рот до ушей, поступил в один из технологических институтов в Москве. Эдик стал чемпионом республики по боксу среди школьников. На финальный бой этого турнира, проводившегося в Кутаиси, приехал и Артем. Эдик попросил у тренера команды разрешения, чтоб именно отец — Артем — был его менеджером. Как заправский менеджер, в спортивной пижаме и с полотенцем через плечо, вывел его Артем на ринг и, потрепав по волосам, хитро ему подмигнул.

В перерывах между раундами он вовсю обмахивал

Эдика полотенцем, горячо убеждая при этом не давать противнику опомниться.

— Бей его без передышки! В случае чего я сам выскочу на ринг.

— Нельзя, папа, — испугался Эдик. — Мне поражение засчитают.

— А ты делай так, чтоб я не выскакивал!

Гонг прервал эту поучительную беседу. Эдик ринулся в бой, и у Артема, по правде говоря, уже не было повода выскакивать на ринг.

— Сын или ученик? — доброжелательно улыбаясь, поинтересовался после боя один из болельщиков.

— И то, и то, — скромно ответил Артем.

Вот так насыщенно и плодотворно протекали дни Артема. Он был близок к счастью. (И он был бы счастлив, если б не ужасный микроб «КИЧ», как его называют на отдаленной планете).

Надо было, чтобы именно в этот, такой безоблачный период жизни Артема его ударил ток свыше четырехсот вольт! Несчастье произошло прямо на съемочной площадке одного из тех фильмов, существование которых не оправдывает принесенные ему жертвы.

Известие об этом прискорбном факте пришло по телефону к соседке Аси — так, мол, и так, Артема ударил ток и его сейчас закапывают в землю, чтоб размагнитить. Соседка кинулась на угол площади Ленина и улицы Леселидзе, чтоб сообщить жене о случившемся. Но делать ей этого не пришлось. Едва увидев ее, Ася вмиг поняла, что произошло что-то неладное.

— Что с Артемом?! — крикнула она и стала белой как бумага.

— Ток, — ответила девушка.

Больше она ничего не успела сказать. Испустив страшный вопль, Ася потеряла сознание.

Но, к счастью, все обошлось. Как только Артема закопали в землю, он открыл глаза и слабым голосом поинтересовался, будут ли еще дубли. Когда его наконец-то привезли домой, он был в полном порядке. Только что-то напряженное появилось во взгляде.

— Артюша! — крикнула Ася и кинулась к нему, чтоб прижать к груди.

— Без нежностей, — противным голосом попросил Артем и отстранил жену.

В последующие два-три дня он был молчалив и несколько инертен. А через неделю дирекция киностудии предоставила осветителю путевку в один из санаториев в Гагра. На вокзал Артема провожала вся семья.

Вернувшись через двадцать четыре дня обратно, Артем все еще находился, как думали окружающие, в шоке. Он почти не разговаривал, и во взгляде его сквозила напряженная мысль. Вскоре он отправился в командировку в Москву с одной из хроникальных групп.

Из Москвы Ася получила короткую, но довольно-таки ясную телеграмму: «Не могу простить тебе прошлого, остаюсь навсегда в Москве».

Ася не заплакала, не ударилась в истерику. А очень спокойно подошла к стене, на которой в рамке висела фотография Артема, и плюнула ему в нахальное, смело устремленное в объектив лицо. Через три дня ее разбил паралич. Последние десять лет своей жизни она провела в постели.

Как только мать слегла, старший из сыновей, собрав всех остальных, сказал:

— Наша мама не хуже других. А может быть, даже лучше. Я уверен, что такой мамы не было и не будет ни у кого. Этого осветителя, где увижу, там же выпущу из него кишки. Так должен сделать каждый из нас. А плакать не надо, — обратился он к младшему из братьев — Альберту. — Сейчас не плакать надо, а действовать.

И они стали действовать. Странная метаморфоза произошла с самыми отпетыми шалопаями района. Мальчики стали хорошо учиться. Всех без исключения учителя ставили в пример другим ученикам. Пятерки, которые они стали приносить в своих дневниках, были единственной отрадой парализованной женщины. Губы ее улыбались, а глаза наполнялись слезами.

Ася больше ни разу так и не увидела своего последнего из законных мужей. Артему же суждено было увидеть ее только в гробу.

Со временем в Тбилиси просочились слухи, что еще будучи в санатории в Гагра, Артем познакомился с далеко не молодой, но хорошо сохранившейся доценткой

московской консерватории, скрипачкой Алисой Васильевной. У них начался роман. И Артем, прощаясь, дал слово своей возлюбленной во что бы то ни стало приехать к ней в Москву.

— Я жду тебя, мой бог, — якобы ответила доцентка.

Что она имела в виду, называя Артема богом, не очень ясно. Хотя и можно предположить, что он был в ее жизни первым мужчиной.

Итак, человек с золотым сердцем отбыл в Москву за государственный счет, чтоб остаться там навсегда.

Я не очень осведомлен об этом периоде жизни моего героя. Но можно предположить, что жил он со своей скрипачкой неплохо. Работал бригадиром на «Мосфильме». Обжился. И вообще в какой-то степени почувствовал себя москвичом. Если какой-нибудь из прохожих останавливал его на улице с тем, чтоб спросить, как пройти, скажем, на Сивцев Вражек, то Артем с бывалым видом давал исчерпывающий ответ:

— Так вы на Сивцев Вражек не попадете. Сверните тут на Метростроевскую и дуйте на пятом автобусе до метро «Кропоткинская». А так вы только дорогу себе удлините.

Если кто-нибудь у гастронома спрашивал его, будет ли он третьим, Артем, не сбавляя шага, отвечал:

— Условно. Только условно.

Однажды он от кого-то услышал такой ответ, и он ему почему-то понравился.

По вечерам Артем с супругой часто посещали Большой зал консерватории — слушали Брамса и Скрябина. Иногда Артем засыпал на этих концертах и, слегка посапывая, вносил в партитуру новый особый нюанс. Короче говоря, о московской жизни Артема знаю я очень мало, а врать не хочу. Известно только, что до определенной поры жизнь его протекала спокойно. Единственное, что омрачало его существование, — это отсутствие здорового потомства. Алиса все никак не беременела, а между тем время, отведенное ей природой на эту утеху, подходило к концу. Артем неоднократно советовал ей пойти к врачу, на что Алиса отвечала, что неплохо бы то же самое сделать ему са-

тому, ибо она проверялась трижды. В соответствующем медицинском учреждении, куда Артем обратился, его подстерегал жестокий удар.

— Не вините жену, — сказал ему доктор. — Она тут ни при чем.

— Но у меня сын, — возразил побледневший Артем.

Врач поинтересовался, не было ли в жизни Артема за последние годы какой-нибудь физической травмы — не попадал ли он в аварию или не выпадал ли из окна. Ничего подобного не было. Правда, его года три тому назад ударил ток в четыреста вольт — чудом уцелел! — но ничего другого не происходило. Врач понимающе кивнул головой — вот она, причина.

В подавленном настроении Артем вернулся домой. Конечно, знай он, что его ожидает дома, скорее всего обошел бы его стороной и напрямик — на Курский вокзал. Но Артем ничего не знал.

Ласкаясь и тихонько хихикая, Алиса сообщила ему сногшибательную новость — она беременна.

Дверь в ее квартиру взломали соседи после того, как услышали ужасные вопли и грохот валящихся шкафов и этажерок. Вся квартира была разгромлена.

Алису увезла скорая помощь, Артема — милицейская машина.

Его судили за убийство беременной жены. Адвокат Артема представил суду медицинские справки, подтверждающие полную несостоятельность Артема в отношении плодовитости. Артем, сидя на скамье подсудимых, с безразличным видом осматривал крайне нелепую проводку в помещении заседания и ковырял спичкой в зубах. Не помню точно, сколько ему тогда присудили, но вышел Артем на свободу через шесть лет. И, приехав в Тбилиси, попал на похороны Аси.

К этому времени сыновья ее уже пробилась в люди. Рудольф, защитив кандидатскую диссертацию, остался в Москве при институте. Второй по возрасту — Эдик кончил в Москве физкультурный институт, грудь его украшала медаль чемпиона Москвы по боксу, Эмиль работал адвокатом в Ереване, Альберт — главным администратором какой-то сочинской гостиницы. Все они уже разъезжали на собственных автомобилях и крепко стояли на ногах. Похороны матери сыновья устроили

торжественные. Были приглашены профессиональные плакальщицы и ансамбль дудукистов. Тьма народа. Цветы. Траурные ленточки в петлицах. Распорядитель. Все честь честью.

Артем появился неожиданно — словно вылез из вырытой могилы. Появился в тот самый момент, когда гроб устанавливали возле ямы для последнего прощания.

— Как кладешь? — сделал он замечание могильщику. — Поворачивай гроб сюда. Головой туда. Ну-ка, взяли.

Он был сплошь седым. По щеке его и шее ползла плешь псориаза. Кисти рук шелушились. На лбу — мелкие ранки. Вид у него был ужасный, и одет он был как босяк. Это обстоятельство ничуть его не смущало.

— Нежности потом, — отстранился он от одного из сыновей покойной, когда тот подошел к нему, меньше всего думая пускать пузыри от радости. — Сначала сделаем дело.

Он заглянул в могилу и сокрушенно покачал головой.

— Кривую могилу вырыли... сволочи!..

Он суетился вокруг гроба, помогая могильщикам просунуть в ручки веревку. Потом попросил толпу отойти от гроба подальше.

— А вы что стали за три километра? — обратился он к двум сыновьям Аси, которые несколько ошалело смотрели на него издали: — Подходите, прощайтесь с матерью.

На поминках, которые братья устроили в ресторане «Самадло» в Сололаки, Артем с мрачной торжественностью сидел на самом видном месте. Его понурая седая голова всем бросалась в глаза. Третий тост тамада, не особенно посвященный в семейные перипетии усопшей, поднял тост за Артема. Он сказал, что из всех оставшихся на нашем бренном свете существ больше остальных смерть незабвенной Аси переживает ее супруг, человек с золотым сердцем, потерявший верного друга жизни.

— Одиночество — страшная пытка, — сказал он в заключение. — Хуже строгого режима.

Собравшиеся поддержали тост. Один за другим на ноги поднимались мужчины, призывая Артема к мужеству, советовали не распускаться, не отдаваться торю целиком, а постараться взять себя в руки, ибо этого же ему пожелала бы и сама Ася. Сыновья Аси все еще ошалело поглядывали на бывшего «папаню», удивляясь его наглости появиться в их семье после своей убийственной телеграммы и всего, что за нею последовало. Однако сейчас, на поминках, было не место и не время выяснять отношения и выносить на обсуждение посторонних семейные дела.

БРОСОК ДЕВЯТЫЙ

НАДЛОМЛЕННЫЙ, поседевший и уменьшившийся, словно обтаявший, Артем производил тягостное впечатление. Казалось, что жизнь его подошла к концу. Оставалось лишь подвести ей черту. Однако сам он и не думал сдаваться. И никому, в том числе и самому Артему, в голову не приходило, что впереди его ждали новые взлеты и падения, радости и удары. Из серии новых потрясений самое сильное пережил Артем, когда его сын Акоп украл у него библиотеку.

Но давайте все по порядку.

Первым долгом, возвратившись из Москвы, Артем восстановился на работе в киностудии бригадиром-осветителем. Вскоре его выбрали профоргом цеха, ибо сочли, что все, происшедшее с ним в Москве, следует отнести к разряду трагедии, но не преступления. Во время общестудийных собраний Артем частенько сидел в президиуме. При этом лицо его выражало легкую иронию, точно так же, как бывало, когда он наблюдал, как Ася продает мороженое.

К этому времени сын Артема, Акоп, был уже молодым человеком с высшим образованием и работал в системе связи. Обычно, выезжая на съемки в экспедицию, Артем оставлял сыну ключи от квартиры. Так произошло и в тот злополучный раз. Я думаю, нет необходимости распространяться на тему, для чего мо-

жет понадобится изолированная квартира молодому и неженатому (а впрочем, и женатому тоже) человеку. К тому же Акоп в скором времени должен был отбыть на двухгодичные курсы по повышению квалификации в Москву, и Артем чем только мог баловал своего любимца. Вернувшись из экспедиции, Артем обнаружил, что ниша, в которой помещались книги, пуста.

Я уже рассказывал, что на протяжении всей жизни Артем собирал книги. Не то чтобы он их прочитывал, Артем предпочитал смотреть телевизионные передачи, а если и углублялся в чтение, то это были фронтовые мемуары каких-нибудь малоизвестных авторов. Но библиотеку собрал что надо. В нише, которую он сам выдолбил в стене и застеклил, расположились подписные издания классиков—Дюма, Бальзак, Мопассан, Диккенс, Голсуорси, Достоевский, Толстой, Горький. Бедная и неудобная комната холостяка как бы изнутри озарялась всепоглощающим светом человеческой мысли.

— Сына, — бывало, говорил Артем Акопу. — Твой папа бедный человек. Другие отцы оставляют сыновьям дома, дачи, автомобили, облигации. Ничего этого от меня не жди. Нету! Зато я оставляю тебе библиотеку, которой ты вправе гордиться.

— Да ладно, пап, хватит тебе, — с недовольным видом и с сугубо русским произношением отвечал молодой человек с красивыми армянскими глазами. — Ты что, на тот свет собрался?

— А что я, по-твоему, Кашей Бессмертный? — интересовался Артем.

— Да ладно, пап, слышать об этом не хочу, — еще больше хмурился Акоп.

И вдруг — такое! Артем, только переступив порог комнаты, сразу же увидел опустевшую нишу и ощутил неприятный привкус купороса во рту. Он тут же позвонил сыну.

— Здравствуй, Акоп, как дела? — спросил он как ни в чем не бывало.

— Да ничего, пап, завтра лечу в Москву. А как у тебя? — словно бы ничего не произошло, отозвался Акоп.

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

— Это ты увез книги? — спросил Артем, приглушающая волнение.

— Да, пап. Ты же говорил, что эти книги мои тут, видишь, я на два года уезжаю в Москву. Мало ли что... Как самочувствие, пап?

Ох, как не понравился Артему этот ответ. Особенно «мало ли что».

— Я зайду перед отъездом проститься, — сказал Акоп.

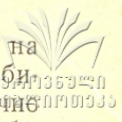
Но проститься он не пришел. Артем это предчувствовал. Пустые полки в нише наводили на беспросветно печальные мысли. Получалось, что сын похоронил его еще при жизни.

«Не рано ли, сынок?» — размышлял Артем.

Через три месяца от Акопа пришло письмо, которое кончалось словами: «Папа, очень скучаю. За книги не обижайся. Если можешь, пришли немного денег. Надоело сплошное недоедание. Крепко тебя целую. Акоп».

Артем разорвал письмо и вышел в город — ему не хватало воздуха. Однако Акоп знал, что пишет. «Сплошное недоедание» не вылезало из головы отца целую неделю. В конце концов он не выдержал — пошел на почту и переслал сыну пятьсот рублей.

Когда боль постепенно улеглась, Артем задался целью собрать еще более роскошную библиотеку, чем ту, которую потерял. Он стал рыскать по букинистическим магазинам, доставать талоны, выдающиеся за сдачу макулатуры, и в спешном порядке приобретать все то, что считается у нас дефицитом: Моэма, Шарлотту Бронте, Сименона, сборник сонетов русских авторов (вот уж совершенно не нужная ему книга!) и прочее, чего нельзя купить в книжном магазине. Пустующие полки вновь заполнились книгами. Но, конечно же, это было не то: одно дело — подписные собрания сочинений классиков и совсем другое — отдельные хорошие книжки. Деньги на книги в ту пору имелись. Артему, вернувшемуся гол как сокол из бутырской тюрьмы, дважды предоставился случай крупно (по нашим, конечно, масштабам) разбогатеть. Дело в том, что дом, в котором он жил, как в один прекрасный день объявили жильцам, подлежал сносу. Семьям тут же предложили квартиры в отдаленном массиве. Одних это устраивало, другие временно воздержались от переезда. Артем

сразу смекнул, что тут пахнет монетой. Он ринулся на поиски многодетной женщины, желающей иметь в Тбилиси прописку и квартиру. Так или иначе, ему лично больше однокомнатной квартиры все равно никто бы не дал.

— Много я не возьму. За все — пятнадцать тысяч, — говорил Артем тем, кто обещал подыскать для него подходящий экземпляр.

Экземпляр подкинули те, кого Артем опасался больше всего прочего в жизни. Работница паспортного стола свела его с женщиной, имеющей двух детей. Артем в ударном порядке расписался с ней в загсе и прописал ее и детей у себя на квартире, за что получил вознаграждение в размере десяти тысяч (пятнадцать так и не выгорело). А спустя три месяца развелся. Так что комиссия исполкома, вторично наведавшись в подлежащий сносу дом, в квартире № 7 застала уже не одного Артема. Комнату надвое разделяла фанерная стена. За стеной жила разведенная жена с двумя детьми. Понятно, что ей вынуждены были предложить двухкомнатную квартиру в отдаленном массиве. Она «нехотя» согласилась. Ни для кого не секрет, что за десять тысяч прописаться в Тбилиси и получить квартиру — неслыханная удача. Так что обе стороны были удовлетворены сполна.

Итак, «жена» отбыла. Стена из фанеры была убрана.

Каково же было удивление председателя комиссии из исполкома, когда он, заявившись сюда в третий раз, обнаружил, что квартиру Артема вновь перегораживает фанера и одну ее часть занимает еще одна только что разведенная с Артемом провинциалка с одним ребенком. Надо сказать, что и этот экземпляр был подкинут все той же паспортисткой. На этот раз Артем, согласно договору, удовлетворился семью тысячами пятьюстами рублями.

Представитель исполкома очень обозлился и сказал:

— Ловко вы тут химичите!

— Все по закону, — возразил Артем с видом законченелого законника.

— Все ли? — сделав наивное лицо, поинтересовался председатель комиссии.

Ему предложили триста рублей, на что он, прозвизгнув глазами, спросил:

— За кого вы меня принимаете?

После этого ему дали пятьсот, и тем не менее он покидал двор с выражением оскорбленной добродетели на своем постном чиновничьем челе... Вторая «жена» и по сей день занимает половину артемовской жилплощади. А дом все так и не разрушили.

— Если дом не снесут до конца года, женюсь еще раз, — решил Артем, почувствовав аппетит, который приходит во время еды.

— И попадешь в фельетон, — предупредил я.

— Деньги не пахнут, — буркнул Артем, на этот раз, как мне показалось, не к месту.

Надо сказать, что сумму в семнадцать с половиной тысяч Артем потратил довольно-таки быстро и ничего особенного, кроме книг, не приобрел. Черт его знает, куда они уходят — деньги. Одна поездка в Ленинград, где Артем лечился от псориаза, обошлась ему в две тысячи рублей. Лечение вроде бы помогло. В Тбилиси Артем вернулся «чистым», как стеклышко. Но тут как раз и произошла история с библиотекой, которую увез Аноп, и псориаз вспыхнул с новой, невероятно жестокой силой. Руки, особенно кисти, спина, голова, ноги — все тело стало какого-то бурого цвета, и всюду шелушилась серебристая атрофированная кожа.

— Кончу жизнь самоубийством! — восклицал доведенный до отчаяния Артем.

И все же он не унывал.

— Через три года выйду на пенсию. И пенсию буду получать, и зарплату, — с оптимизмом размышлял он, строя планы на будущее. — Обставлю новую квартиру, сделаю из нее куклу. А женюсь на простой девушке из деревни.

— Из какой деревни, Артем? — спрашивал я с подчеркнутой печальной иронией.

— Из армянской горной деревни, — говорил Артем, не замечая, а может, просто игнорируя мое недоверие. — Возьму девушку чистую, неиспорченную.

Честно говоря, меня немного раздражала наивность такого бывалого человека. Артема мало интересовал

вопрос, пойдет ли за него чистая и неиспорченная девушка из горной армянской деревни. А если и пойдет, то за какие такие блага? Только потому, что он живет в Тбилиси и имеет в кармане книжицы участника войны и отличника кинематографии? Но это все — планы на будущее. В тот же момент, когда к нему заявился агент с отдаленной планеты, Артем все еще жил в перегородженной фанерой комнате. Капитал, приобретенный с помощью двух фиктивных браков, был на исходе. Но в тайнике, расположенном в нише, все еще обитала серебряная ящерица на малахитовой подставке (знай о ее существовании Акоп, забрал бы не только книги). Может, именно с ней связывал Артем надежды на счастливое будущее рука об руку с неиспорченной девушкой из горной армянской деревни.

— Продай и купи новую машину, — посоветовал агент с отдаленной планеты.

Этого еще не хватало Артему Гаспарову, чтоб бог весть откуда взявшийся проходимец учил его, как жить и что делать!

БРОСОК ДЕСЯТЫЙ

ЕСЛИ бы на отдаленную планету был доставлен человек с широким образованием, причем при условии, что он тщательно подготовлен к подобного рода экспедиции, то он, несомненно, доставил бы на Землю весьма любопытный материал по целому ряду областей — философской, социальной, технической и так далее.

А какой спрос может быть с Артема — человека с семиклассным образованием, тем более, что попал он на эту планету, как с корабля на бал. И, видимо, с одной стороны Артему даже повезло, что ему никто не поверил. В противном случае его замучили бы вопросами, на которые он не смог бы ответить, и довели бы его до настоящего помешательства. В меру своих сил я попытался придать его сумбурным и обрывочным сообщениям елико возможную стройность и последовательность. При этом я придерживался курса ничего от се-

бя не добавлять, не придумывать, не приукрашивать. Правда превыше всего. Ниже вкратце предлагаю общие сведения об отдаленной планете.

Планета называется Ани.

Она почти вдвое меньше Земли, причем суша занимает всего одну пятую ее часть. Остальное — моря и океаны.

Население — 93 миллиона человек.

Ввиду обилия морей и океанов предпочтение отдается местам, расположенным в глубине трех отделенных друг от друга материков.

Продолжительность суток на планете Ани равна 31 с половиной земных часов.

Язык — армянский, очень похожий на современный армянский язык, ибо понятно буквально все из того, что они там говорят. Но язык этот лишен латинизмов и прочих «измов», проникших во все языки нашей планеты. Поэтому отдельные слова, столь привычные на Земле, им не известны. Ну, например, такое распространенное слово, как «милиция».

— Это кто ловит тех, которые нарушают порядок: воров, убийц, мошенников, — так объяснял Артем своей тамошней знакомой, пытаясь выяснить, имеется ли у них милиция или нет.

И та сразу же догадалась, о чем идет речь.

— Конечно, есть, — сказала она. — Законка.

На планете Ани проживает горсточка людей неармянского происхождения — представителей других цивилизаций, доставленных сюда в свое время в качестве подопытных кроликов (а может, и по другим соображениям), но они так ассимилировались, что сейчас уже трудно отличить их от подавляющего большинства граждан.

На планете Ани на одну женщину в среднем приходится пять мужчин. Эта пропорция не случайна. Дело в том, что на планете заранее программируется рождение ребенка, и родильные дома, по указанию свыше, ведут строгий учет для сохранения этой пропорции. Были времена, целые столетия и эпохи, когда женщин на планете было вдвое больше мужчин. Это привело к тому, что мужчины разнежались. Представьте себе — полное изобилие продуктов, отсутствие войн и прочих конфликтов и почти что никакой конкуренции в выборе

любимого существа. Мужчины до того ослабли духом, что многие из них чуть что — кончали жизнь самоубийством. Боязнь труда и борьбы делала их пассивными. В этот период население планеты уменьшилось до десяти миллионов. Над планетой витал призрак полной атрофии. И тогда правительства трех держав ввели резкую диспропорцию в количество женщин и мужчин. Это, как ни странно, помогло. Борьба за выбор любимой женщины укрепила мужской дух. Дело пошло на поправку, и население резко увеличилось. Представьте себе — было десять миллионов, а стало девятью три. Резкая диспропорция в количестве женщин и мужчин сделала женщину одним из самых острых дефицитов. Мужчины добивались своих возлюбленных в борьбе. Были разрешены даже дуэли. Одним словом, делалось все, чтоб поддержать в мужчине дух бойца. И результаты не замедлили сказаться. Женщина на планете стала главной фигурой. Сколько горьких обид претерпели от них мужчины, теперь уже не счесть. Их нахально эксплуатировали, наставляли им рога, превращали чуть не в своих рабов. Мужчины все терпели безропотно. Другого выхода не было. Эта несправедливая пропорция сохранялась на планете и в момент пребывания на ней Артема.

Например, Артем рассказал мне следующий эпизод. Гуляя вечером по городу, он остановился у пруда, в котором резвились одна женщина и трое мужчин.

— Здоровые мускулистые парни, как наши толкатели ядра, — рассказывал Артем.

— А она? — поинтересовался я.

— А она — ничего особенного. Худая, длинная, и рот как кнопка. К тому же лысая. И совсем девчонка. А мужчины уже в возрасте.

Артем остановился неподалеку и наблюдал за ними. Вначале все было хорошо — купались, смеялись, плескались. А потом вдруг женщина говорит одному из них:

— Хорик, подойди к Петросу и ударь его по лицу. Я хочу узнать, кто из вас сильнее.

И Хорен — это полнейшее ничтожество — подошел

к товарищу и двинул его кулаком по уху. Началась драка.

— Хорен и Петрос, она так и сказала? — ресовался я.

Артем задумался.

— Что-то в этом духе, точно не помню, а врать не хочу, — ответил он.

Итак, началась драка. Третий, который не дрался, подошел к женщине и говорит:

— Ахчи, цавтанэм, прекрати, а то они утопят друг друга.

— А ты сиди и помалкивай, — прикрикнула на него Ахчи. — А то их обоих заставлю тебя излупить.

И только когда дело дошло до крови, она прекратила схватку.

— Еще убьете друг друга, а кто у меня есть кроме вас? — сказала она ласково и поцеловала одного, а потом второго.

— Едем в ресторан! Одевайтесь! — весело сказала она и, обратившись к третьему, который не дрался, добавила строго: — А ты будешь сидеть тут голым и вздыхать по мне целую ночь. Имей в виду — ни с места. Я проверю, как ты меня любишь.

И этот третий покорно кивнул головой. Девчонка вместе с теми двумя, которые дрались, села в машину и укатила. А третий остался голым у пруда, как демон на картине Врубеля. Он сидел в задумчивой позе, когда к нему подошел Артем.

— Страдаешь? — спросил Артем.

«Демон» кивнул, даже не взглянув на Артема.

— И не стыдно вам, мужикам, подчиняться этой шлюхе? — попытался пристыдить его Артем.

— Что? — прорычал здоровяк и вскочил на ноги.

Сжав громадные кулаки, он грозно смотрел на Артема.

— Немедленно возьми свои слова обратно, а то утоплю, — сказал он.

— И ты взял? — спросил я Артема, рассказывающего этот эпизод.

— А что мне оставалось делать? — с расстроенным видом признался Артем. — Передо мной стоял зверь со стальными мускулами и пустой башкой. Кроме того,

я сам был виноват, кто меня просил вмешаться в их дела.

Артем спасовал и с неприятным ощущением униженности отошел от пруда. Единственным его утешением в тот момент было сознание собственной вины: пострадал, мол, за дело — не нужно было вмешиваться.

До двадцати пяти лет жители отдаленной планеты делают, что заблагорассудится — учатся, бездельничают, резвятся, влюбляются, гуляют. По истечении этого срока каждый, будь то мужчина или женщина, обязан приступить к трудовой деятельности. Кем он будет работать, определяет высшая квалификационная комиссия. Для тех, кому работа нелегко, подыскивают совершенно пустяковые обязанности — скажем, обслуживать автоматы. Но некоторые боятся приступить даже к этому, занимающему не более трех часов в день, делу и в отчаянии кончают жизнь самоубийством. Вот до чего избалованы люди.

Деньги на планете Ани существуют. Был период, когда их отменили, ибо вокруг — полное изобилие. Но потом деньги снова ввели — сочли, что это все же необходимо. Например, для приобретения драгоценностей, какого-нибудь острова с дворцом, вертолетов и ковров и для фешенебельных ресторанов. Но можно спокойно прожить и без денег — питание в столовых, обслуживаемых автоматами, бесплатное. Кстати, Артему очень понравилась тамошняя сметана.

— Свежая, жирная, хоть ножом режь. Даже сочинской до нее далеко, — с жаром рассказывал он.

А сейчас — коротенький исторический экскурс.

Цивилизация на планете Ани исчисляется сроком более чем в двадцать тысяч лет.

Уже пять тысяч лет тому назад корабли планеты стали проникать в отдаленные точки Вселенной, налаживать связи с цивилизациями других планет. Но и по сей день известны лишь только семь цивилизаций в необъятном океане Вселенной. Хотя имеются абсолютно точные сведения, что существует еще целый ряд цивилизаций, до которых представители Ани пока еще не сумели добраться.

Приблизительно четыре тысячи лет тому назад планете Ани угрожала неминуемая гибель. Ее обусловил микроб, КИЧ, завезенный с одной из отдаленных планет со смешанной цивилизацией. Назовем эту планету условно Рома. Два-три раза Артем, как мне показалось, так и назвал ее, но на вопрос, как она называется, растерялся и сказал:

— Откуда я знаю?

— Ты же сказал — Рома.

— Ничего подобного я не говорил, — начисто отрицал Артем.

Итак, с планеты Рома на планету Ани был завезен микроб КИЧ. КИЧ по-армянски — мало. Попадая в организм человека, КИЧ делает его ненасытным. Болезнь эпидемией захватила большое количество жителей. Медицина была бессильна противостоять ей, а социологи быстро подсчитали, что когда микроб поразит все население планеты, это быстро приведет к ее гибели.

Были приняты срочные меры: подверженных болезни сжигали на кострах вместе с их имуществом. Это было жестоко, но другого пути к избавлению не было. Планету объял ужас.

Обнаружив в захолустье Вселенной малоизвестную другим цивилизациям планету Земля, решено было носителей микроба отправлять на поселение на Землю. Промышленность планеты переключилась на сооружение межпланетных кораблей — их было построено более тысячи. В каждый вмещалось около ста человек.

К этой же мере, тоже остановив выбор на планете Земля, прибегли власти планеты Рома. И доставка людей на Землю произошла почти одновременно. На Земле в ту пору обитали животные и крайне неразвитые, но внешне вполне приемлемые и бесконечно доброжелательные представители человеческого рода. А именно: аборигены американских материков, какими их застал Колумб, австралийские аборигены, кое-какие племена, населяющие Крайний Север и тайгу, отдельные негритянские племена. Еще до того, как на Землю стали высаживаться жители Ромы и Ани, сюда уже были переселены представители желтой расы. Откуда и когда — неизвестно и поныне. На этот счет имеются лишь от-

дельные, крайне противоречащие друг другу версии и гипотезы.

Планета Рома так и не справилась с изоляцией носителей микроба. Он поразил все население. И планета в скором времени взорвалась. Сегодня по ее орбите носятся бесформенные метеориты, холодные и зловещие — кладбище некогда процветающего рода.

— А как сегодня? — поинтересовался Артем. — Вылечиваются люди от этой болезни?

Оказывается, медицина разрешила эту проблему.

— Тогда полетите на Землю и спасите от нее нас, — требовательным тоном заявил там Артем, но ему сказали, что нас лечить уже поздно, ибо болезнь перешла в хроническую форму.

— Выходит, что мы тоже взорвемся? — недоверчиво спросил Артем.

Ему ответили, что может быть — да, а может и нет. Сегодня на Земле этому ужасному микробу его злосчастные носители противопоставили силу разума. Весь вопрос — кто кого.

Артем был не очень большого мнения о разуме землян, но на всякий случай счел нужным заявить:

• — Если так, то разум победит. Можете не сомневаться.

— Никто и не сомневается, — ответили ему с удивительным безразличием.

— Короче, вам наплевать? — напрямик спросил Артем.

— Не совсем, но... Поставьте себя на наше место. Долго ли вы будете сокрушаться, если вам сообщат, что где-то безумно далеко, на краю Вселенной, взорвалась планета, на которой жили разумные существа? Вы забудете об этом через три минуты. А может, и раньше.

— Кто забудет, а кто нет, — не очень уверенно возразил Артем и позволил себе задать еще один вопрос:

— Вот вы, арийцы. Цивилизация хоть куда. С одной планеты перелетаете на другую почем зря. Неужели вам не было известно, как туго приходилось на Земле армянам раньше? Мы-то выстояли без посторонней помощи. Но где была ваша совесть?

Артему ответили, что дорога на планету Земля от-

крыта не всегда. Бывают годы, а иногда целые десятилетия, когда нет никакой возможности добраться до Земли. Все зависит от расположения звезд. Это во-первых. А во-вторых, почему он так уверен, что армянам в трудные минуты истории не была протянута рука помощи?

— Вы протянули? — неожиданно обозлился Артем, начиная краснеть. — Вы, человек на улице умирать будет, стакан воды ему не подадите!

— Почему вы так думаете? — заулыбались вокруг холеные лица.

— Вижу, — уверенно произнес Артем.

Он вспомнил человека, который в 1915 году, еще совсем мальчишкой, пешком притащился в Тифлис из горной армянской деревни. Спина его была исполосована прутьями, а пальцы ног обрублены топором. Те, кто так «весело» над ним подшутил, видимо, считали, что он, унося от них ноги, не пройдет и двух километров и умрет от гангрены. Но человеку суждено было добраться до большого города, пролежать около месяца в больнице для бедняков, встать на свои обрубленные ноги, устроиться на фабрику... У него не было ни одного родственника — всех он оставил мертвыми там, где его изувечили. У него не было ни одного документа, и работал он на фабрике под именем другого человека — Соломона, хотя и отлично помнил, что в детстве его называли Амо. И прежде чем наконец предстать перед богом и потребовать у него ответа, он умудрился жениться и народить четверых детей: трех мальчиков и одну девочку. Двое из сыновей отдали жизни стране, когда она потребовала это. А самый младший живет и здравствует, пребывая в данный момент на очень отдаленной планете.

— Дайте стакан воды, — попросил Артем, глядя себе под ноги.

Ему принесли целый графин и прозрачный хрустальный бокал. И только выпив его до конца, Артем поднял глаза.

— Что еще? — спросили его жливно.

— Человек, которого вы послали за мной, угадывал мои мысли, — сказал Артем. — Но не это меня интересует. Мне интересно, как он очутился в милиции, когда я запер его на два поворота ключа?

На этот вопрос ответили не сразу — замешкались. Спросили, а кто, собственно, за ним заезжал, и узнав, что это был Григорий, весело заулыбались и поинтересовались, где он сейчас. Выяснилось, что Григорий уехал к себе на дачу и копается там в огороде.

— Он вас и обратно должен доставить на Землю, — сказали Артему. — Вот и спросите, как он сумел вас одурачить. Но, скорее всего, пока вы закрывали сначала одну дверь, а потом вторую, он выскочил в окно. Он читал ваши мысли с помощью аппарата, помещенного в шляпе. (Вот почему этот прохвост отказался снять шляпу, когда потребовал Артем). Он заранее знал, куда вы пойдете, и опередил вас. Видимо, так и было. Впрочем, он сам все расскажет. Что еще?

— Григорий сказал мне, что у вас в зоопарке имеются динозавры величиной с нашу телевышку. Хотелось бы увидеть.

Артему ответили, что за этим дело не станет, пусть сначала отдохнет в отведенном ему номере, освоится, оглядится.

Надо сказать, что сознание Артема отключилось еще на Земле — в момент, когда он мужественно принял решение лететь на отдаленную планету. На чем он прилетел, как летел, что было в пути — этого он просто не знал. Мироощущение вернулось к нему уже в столице государства, в которое его доставили. Именно государства — одного из трех мирно соседствующих держав, расположенных на разных материках. Очнувшись, Артем увидел город с высокими белыми домами, сделанными, как показалось Артему, из фарфора и чем-то напоминающими высотные дома в Москве, хотя и не такими высокими. Его удивило обилие прудов и зелени. Несмотря на то, что в столице проживало около полутора миллионов человек, город показался почти безлюдным. По широким улицам бесшумно скользили роскошные автомобили, но и их было очень мало. Город был расположен на пяти или шести холмах и окружен горами. Небо вдоль и поперек пересекали непрерывно движущиеся вагончики канатных дорог. В небе, помимо этого, летали крохотные вертолеты. Причем, как утверждает Артем, город очень напоминал

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

Ереван. Очутившись возле гостиницы и услышав армянскую речь, Артем было решил, что находится в ереванской гостинице «Двин».

— Ну как так, Артем, — возразил я ему. — Ты же сам говоришь — дома из фарфора и похожи на московские высотные дома. Что общего с Ереваном?

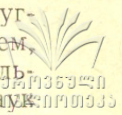
— Что-то, — ответил Артем, прищурился в задумчивости глаза. — Расположение. Горы. У них даже свой Арарат есть. Копия нашего. Но называется как-то иначе.

Григорий, проводив Артема до гостиницы, сел в роскошный автомобиль и уехал, как потом сообщили Артему, на свой огород. Артема поразило, что у такого ничтожества имеется столь шикарная машина, но, оказалось, на Ани нет собственных машин. К тому времени в вестибюль прибывали посланцы различных цивилизаций, было очень оживленно и многолюдно. Артема сфотографировали. Фотографировали и других посланцев далеких миров. Среди них были и люди, но слишком примитивные, вроде наших папуасов. Например, у одного из гостей в ноздрю была продета серьга. Артем с восхищением уставился на гиганта-негра, который всем радушно улыбался и здоровался за руку. Поздоровался он и с Артемом.

— Приезжай к нам на Землю, — скаля зубы и высоко задрав вверх голову, сказал ему Артем. — Я тебя научу играть в баскетбол, первым человеком будешь.

Но негр его не понял. Улыбнулся, помотал головой и отошел в сторону. Внимание присутствующих привлек дельфин, которого доставили в баке с водой и тут же пустили в большой бассейн. На лапах этого дельфина Артем увидел пальцы — по десять пальцев на каждой. Видимо, это был высокоразвитый и умный дельфин. Однако нечто подобное Артем уже видел и в батумском дельфинарии и тратить попусту время на дельфина счел нецелесообразным. Бедняга просто не мог допустить, что уже на следующие сутки он вззоет от тоски и не будет знать, куда себя деть. Неприятно поразил Артема появившийся в вестибюле гигантский, с колесо самосвала, паук. Восемь лап, на которых передвигалось это чудовище, были величиной в человеческую руку. Чувствовалось, что лапы мускулисты. Тело паука было отвратительным — кожа как у человека, только неприятного серого отлива. На лапах и туловище рос-

ли редкие, но крепкие, как щетина, волосы. Два круглых блестящих глаза внимательно наблюдали за всем, что происходит вокруг. Лапы заканчивались тремя пальцами с когтями — сильными и страховодными. Паук невозмутимо разгуливал по вестибюлю, пошел вместе со всеми к бассейну, посмотрел на дельфина и вернулся обратно. Артем одним глазом следил за ним, опасаясь, как бы он не оказался рядом.

Сами жители планеты Ани, в отличие от косноязычного и убогого Григория, были молоды, красивы, одеты легко и просто. Среди них было много бритых — не поймешь, то ли женщина, то ли мужчина. Некоторые, впрочем, имели длинные, как у девушек, волосы. Тут тоже трудно было сказать, где он, а где она, ибо и те, и другие были высокими, стройными и молодыми.

Артему сказали, что он будет жить на седьмом этаже в номере 22, и дали ключи. Номер оказался роскошным: три комнаты, на полах — ковры, телевизор, ванная, бассейн. Экран телевизора показался Артему очень маленьким, но оказалось, что он раздвижной. Покрутишь колесико, и экран увеличивается чуть не до размеров киноэкрана. Одним словом, квартирой он остался доволен, и все было бы прекрасно, если б не ужасный паук. Выходя из своего номера, Артем увидел, что паук отпирает ключом дверь через одну комнату от него. Это ему не понравилось. Спустившись в вестибюль, Артем прошел к администратору и попросил поместить его на каком-нибудь другом этаже.

— Это легче легкого, но вы напрасно волнуетесь, — ответили Артему. — Паук доставлен с планеты, цивилизация которой не уступает земной. Уже 50 лет, как они запускают свои спутники. И вообще большие умницы. Всю планету одели в стекло. Так что опасаться нечего. Кроме того, если уж дело дойдет до столкновения, что конечно, вряд ли возможно, вы по всем данным не должны уступить пауку в силе и выносливости.

— У него восемь рук, а у меня две, — сказал Артем.

— Ваши две сильнее, чем его восемь, уверяю вас, — ответил Артему распорядитель. — К тому же они очень мирные.

Насколько они мирные, Артем убедился через пол-

тора часа, когда после отдыха у себя в номере решил выйти на прогулку. По коридору молодой лысый человек тащил за рога двух упирающихся баранов. Артем проследил, куда их тащили. Оказывается, к пауку. Молодой человек открыл дверь его комнаты, загнал туда баранов и, весело насвистывая, пошел обратно. Через некоторое время из номера паука послышалось жалобное, а вслед за этим душераздирающее бляение. Артем помчался к администратору, но его уже не было. В кресле за конторкой сидела серьезная, совершенно лысая женщина и что-то записывала в книгу. Артем обратился к ней.

— Я из двадцать второго номера.

— Знаю, — сказала женщина, мельком взглянув на Артема. — Земля.

— Рядом со мной поселили паука. Я прошу немедленно перевести меня на другой этаж.

— А в чем дело? — поинтересовалась женщина.

— Он высасывает кровь у живых баранов.

— А вы кушаете мясо этих баранов, немного его поджарив, — ответила женщина. — Какая, в конце концов, разница?

— Ходит голый, противно смотреть, — сказал Артем.

— Привыкнете, — сказала женщина, и вдруг Артем почувствовал, что это вовсе не женщина, хотя и не мужчина тоже.

— Простите, — сказал Артем. — Я человек тут новый. Вы женщина или мужчина?

— Нетактичный вопрос задаете, — сделало ему замечание существо неопределенного пола. В его глазах вспыхнул злобный огонек. — У вас там все такие же грубияны?

— Я к вам сюда не напрашивался, — напомнил Артем. — Привезли, так терпите.

— Придется уж. Но где, болван, твои глаза? Разве не видно, что я мужчина?

— Если б было видно, я бы не спросил.

— Склочный человек, — заметило существо. — То ему паук не нравится, то он еще чем-то недоволен. Вон, кстати, спускается ваш дружок.

Артем оглянулся. По лестнице косолапо спускался его новый сосед. При этом он что-то попискивал.

В одной из лап он держал какой-то прибор, напоминающий трубку. Артему уже до этого кто-то объяснил, что эта трубка — переводчица. Паук в нее что-то попискивает на своем языке, напоминающем сигналы азбуки Морзе. А с другого конца трубки вылетают слова на анийском языке. И наоборот. Когда вы ему что-нибудь говорите, он, приложив трубку куда-то между глаз, получает сигналы на своем языке — ти, ти; ти-ти, та, ти, тии-та, ти-та.

— Поучились бы у него, как надо себя вести, — сказала Артему существо, назвавшееся мужчиной.

Но Артему вовсе не улыбалась перспектива знакомства со страшным соседом.

— Много говорите, мало делаете, — бросил он на прощание не совсем к месту и единственно для того, чтоб последнее слово осталось все же за ним. И поспешил к выходу.

Выйдя из гостиницы, он снова восхитился белоснежными дворцами из фарфора. По всем направлениям плыли вагончики канатной дороги. В дымке легкого тумана просвечивал величественный анийский Арарат с белой шапкой на заостренной макушке.

— Это вы хотели посетить зоопарк? — спросил Артема быстро подошедший к нему синеглазый мужчина с мушкетерской бородкой. — Мне поручено вас туда отвести. Чем вы недовольны?

Артем рассказал незнакомцу о перебранке с существом неопределенного пола, на что молодой человек сначала сделал страшные глаза, потом от души расхохотался.

— Так и спросил: женщина вы или мужчина?

— А что мне с ним цацкаться.

— Ты знаешь, с кем разговаривал? Это наш министр по межпланетным контактам. Он — ума палата. Вид такой. А ума хоть отбавляй. И характер хороший. Надо его понять.

— Человек с золотым сердцем? — не без иронии спросил Артем.

— Ну и скажешь же ты, — усмехнулся молодой человек. Он вывел Артема на стоянку автомобилей и сказал:

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

— Выбирай любую.
Тут Артем и узнал впервые, что все эти автомобили общественные. Ему приглянулся маленький красный автомобиль, отдаленно напоминающий чехословацкую «Татру».

Садясь в машину, он невольно оглянулся. В дверях гостиницы стоял паук и с тоской смотрел на него. Видимо, бедняга опасался выходить в город один. Артем быстро отвел взгляд. Он не хотел давать пауку повод заговорить с ним и сблизиться.

Забегая вперед, скажу, что, возвратившись из зоопарка, Артем снова встретил паука в коридоре и невозмутимо, словно бы ему всю жизнь только и приходилось иметь дело с пауками, прошел мимо. Паук что-то пропищал в свою трубку. И Артем услышал вылетевшие оттуда слова: «Здравствуй, сосед».

— Привет, привет, — на ходу бросил в ответ Артем, делая вид, что очень торопится. Впрочем, он действительно торопился.

БРОСОК ОДИННАДЦАТЫЙ

ЗООПАРК произвел на Артема большое впечатление в том смысле, что ни одно из проживающих тут животных не сидело в клетке. Каждому были созданы естественные условия. Роскошные вольеры с многочисленными прудами и рощицами, чистый, не вонючий воздух — все это свидетельствовало о высокой культуре жителей планеты. Сами же животные Артема не удивили. Львов, крокодилов, бегемотов и дикобразов Артем имел счастье видеть и на Земле. Его интересовали только динозавры.

И вот он — громадный ров, простирающийся на сто двадцать километров. На огромной территории, покрытой лесами и пересеченной рекой, живут около трехсот динозавров. Это единственный заповедник динозавров на всей планете. Однако, подойдя к заградительной сетке, Артем ничего, кроме живописного ландшафта, не увидел. Его спутник — синеглазый пижон с бородкой Д'Артаньяна, сказал, что динозавры очень редко приближаются к заградительной сетке и, скорее всего, их сейчас укрывает от глаз поросший лиственными

ми деревьями холм. Временами откуда-то издалека раздавался страшный рев.

— Они? — спросил Артем, на что его спутник вердительно кивнул головой и, хихикнув, сказал: — Не я же.

Они постояли у рва минут двадцать, но динозавры так и не показались.

«Везет же мне как утопленнику», — подумал Артем.

— Осмотрим другие вольеры, а там, может, они и покажутся, — предложил молодой человек, на что Артем ответил, что он даже даром (будто с него тут брали деньги) не будет их смотреть.

— Этого добра и у нас достаточно.

— Тогда сам отправляйся к ним, — предложил Артему его спутник.

Вначале Артем подумал, что он шутит, но молодой человек повел Артема куда-то по аллее—вниз, под откос скалы, где на небольшой площадке Артем увидел десятка два маленьких, похожих на жуков, экипажей на гусеницах. Желающие садились в эти экипажи и через небольшой тоннель выезжали на территорию заповедника. Спутник Артема показал ему, как управлять машиной. В частности, он предупредил, что если динозавр подойдет на слишком близкое расстояние и возникнет опасность, что он схватит экипаж, то надо будет тут же нажать красную кнопку. Динозавра ударит ток силой в тысячу вольт, и он тут же повернет обратно.

— И станет непроезжаем? — живо спросил Артем, но спутник не понял всей глубины и печальной иронии этой фразы.

— А тебе не хочется самому? — спросил Артем, кивнув на экипаж.

Спутник ответил, что у него через четырнадцать минут свидание с одной «крошкой» и если он опоздает хоть на минуту — хана, девчонка ему не простит.

— Другую найдешь, — сказал Артем.

— Попробуй найди, — усмехнулся спутник.

И убежал. Артем остался один. Слышно было, как по ту сторону гранитного откоса время от времени рычат страшили-великаны. Артем немного поколебал-

ся: — стоит ли ни за что, ни про что рисковать своей жизнью? А вдруг красная кнопка не сработает? Что тогда? Но потом он увидел, как в соседние экипажи садятся подростки и смело устремляются на них к тоннелю.

«Пропадать, так с музыкой!» — решил Артем про себя и влез в экипаж. И тут же к нему подсел высокий стройный юноша с бритой головой.

— Не возражаете? — спросил он.

— Ерунда, — отозвался Артем. — Поехали.

Они въехали в тоннель и через минуту выползли из него на своем жуке по ту сторону рва. Артем смело направил машину в глубину заповедника. И вскоре, обогнув холм, они увидели живого динозавра. Тяжело передвигая задними конечностями, он шел им навстречу. Артем был несколько разочарован. Григорий говорил ему, что динозавры величиной с нашу телевышку, а этот был гораздо меньше, приблизительно — в шестнадцатизатажный дом. Громадный и сильный хвост его мощно извивался по земле. Морда — как у нашего крокодила. Только гораздо крупнее. Временами динозавр останавливался, раскрывал пасть и ревел на всю округу.

— Чтоб тебе пусто было, — добродушно улыбнулся Артем.

— Мне страшно, — сказал юноша и пододвинулся к Артему поближе.

— А чего тут страшного? — спокойно ответил Артем.

— Моего дедушку раздавил динозавр, и с тех пор я боюсь их, — сказал юноша.

— Почему же он не нажал на красную кнопку? — спросил Артем.

Оказывается, под рукой кнопки и не предвиделось. Дедушка юноши выходил к динозаврам совершенно беззащитный — это было его хобби. Он любил играть со смертью. Однажды он поспорил с товарищем, что поднимется по хребту динозавра, как по отвесной скале, до самой головы. Но до головы добраться ему не удалось. В руках у него был молоток и железные колья. Он вбивал эти колья в панцирь животному, как скалолаз, а потом привязывался к ним веревкой. И вот он вбил в панцирь животного очередной кол, да, види-

мо, не рассчитал глубины брони. Динозавр взвыл от боли. Почувствовав на своем горбу инородное тело, он попытался скинуть его вниз резкими толчками и вильянием тела. Но смельчак, привязав себя веревками к кольям, мужественно выдержал эту атаку. Он предполагал, что динозавр выбьется из сил, и тогда он сможет продолжить свое восхождение. Но динозавр не унимался. В конце концов он опрокинулся спиной на землю, и от несчастного дедушки осталось лишь мокрое место.

— Бабушкины сказки, — не поверил Артем.

Вскоре перед их взором возник еще один динозавр, а затем и целое стадо. Артема бесило хвастовство Григория — величиной, мол, с вашу телевышку. «Не люблю, когда врут», — думал он про себя.

— А что это у вас на руках? — спросил юноша, коснувшись пальцем псориаза.

— Не только на руках, — ответил Артем и, задрав сорочку, показал ему бурую шелушащуюся спину.

— Это раны, полученные на войне, — сказал Артем мужественным голосом.

Юноша еще ближе пододвинулся к нему.

«Что это значит?» — не понравилось Артему.

Но именно в этот момент юноша поймал руку Артема и приложил к своей груди. Артем наконец-то понял, что рядом с ним женщина. И, разглядев ее повнимательней, убедился, что она не так уж и молода. Лет за тридцать. А она вдруг схватила Артема за его копну седых волос, запрокинула его голову и впиалась губами в его губы.

— Вот когда нас правда могли раздавить динозавры, — скаля зубы, рассказывал Артем.

— А красная кнопка? — напомнил я.

Артем посмотрел на меня с лукавым укором.

— Нам до кнопки было, скажешь ты тоже!

Женщина оказалась скучной и надоедливой. По дороге домой, а затем и на протяжении всего дня, когда они разгуливали по городу, она повторяла одну и ту же фразу:

— Ты не бросишь меня, Артем?

— Нет, — не очень приветливо отвечал Артем, которому надоело толочь воду в ступе.

— Никогда, никогда?

— Никогда, — бесстрастно отвечал Артем.

— На веки веков? — спрашивала женщина.

— Через два дня улетаю на Землю! — воскликнул тут Артем. — Какие тебе еще века?

Но она все не унималась.

— Я тебя где-то видела, — говорила она. — Могло ли это случиться в научном центре?

— Говорю тебе человеческим языком, я прибыл сегодня утром.

— Ну и врун же, — отвечала она и лезла целоваться.

Впоследствии Артем рассказывал:

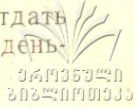
— Эта подлинная красавица, настоящая Афродита, хоть и лысая (на Земле я никогда не имел таких женщин), надоела за один день хуже горькой редьки. И не то было противно, что целоваться лезла. А то, что — неискренняя.

«Афродита» показала Артему город. Большое впечатление на него произвел дом для престарелых. Вернее, два дома. В одном жили старики, в другом старухи. Надо сказать, что средняя продолжительность жизни на Ани короткая: пятьдесят лет. Но эта цифра выведена с учетом многочисленных самоубийств, к которым прибегают молодые люди, не найдя в жизни смысла. А нормальный человек живет в среднем сто — сто десять лет. Если учесть, что продолжительность суток на Ани превышает земные на семь с половиной часов, то получается, что живут на Ани долго. Этому способствует совершенная медицина и хорошее питание. Что же касается нервных стрессов, то их в жизни тамошних чудаков предостаточно, тем более, что они умеют делать из мухи слона и сокрушаются по всяким пустякам. Например, многие мужчины кончают жизнь самоубийством только лишь потому, что их бросила женщина. Большое количество самоубийств приходится и на женскую половину.

Артем со своей дамой пообедали в одном из тех ресторанов, где платят деньги. Съели по порции кровавых бифштексов и выпили по бутылочке вишневого сока. Дама хотела было расплатиться, но Артем не позволил. В гостинице ему выдали небольшую сумму и сейчас эти деньги — суточные на три дня, как говорил

Артем, — пришлось все до последней копейки отдать официантке. А та даже не поблагодарила. Взяла деньги и ушла с недовольным видом.

— Я ей мало дал? — спросил Артем.

— Обойдется! — небрежно бросила «Афродита».

В городском парке внимание Артема привлекли петушиные бои. Вокруг стояли любители этого дела и бурно переживали события на арене.

— Психи, — шепнула на ухо Артему его спутница. — День и ночь только этим и заняты.

Потом она повела его к себе в дом. Жила она в белоснежной махине на двадцать втором этаже.

«Мой номер в гостинице тоже 22», — подумал Артем, удивляясь этому совпадению.

Она жила одна в четырех комнатах. Одна из них представляла спортивный зал. Тут была шведская лестница, гантели, аппараты для массажа тела.

У нее Артем и провел ночь. А утром, приняв душ, помчался к гостинице. Он знал, что должен выступить по телевизору, и опасался, как бы не опоздать. Но в гостинице, где у конторки с кислым видом сидел знакомый Артему администратор, ему сказали, что передача назначена на пять часов. Администратор осведомился, не потерял ли он радиодатчик, который ему было велено иметь все время при себе. Артем достал из кармана это чудо техники величиной со спичечную коробку и показал администратору.

— Ни на минуту не расставайтесь с прибором, — попросил тот. — С его помощью мы узнаем, где вы находитесь.

— Знаю, — ответил Артем.

По земной привычке Артем поднялся в свой номер, чтоб узнать, все ли там в порядке, хотя и не очень ясно представлял, в чем именно мог бы выразиться непорядок. Вещей, которые могли бы украсть, у Артема не было. В вестибюле около лифта он опять встретился с восьмируким пауком и первым с ним поздоровался. Паук прямо ожил, увидя Артема. Части тела и лапы его судорожно задвигались. Он что-то пропищал в свою трубку испуганному такой реакцией Артему, и из трубки вылетели слова:

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

— Это мы так смеемся. Не обращай внимания!
— А что смешного? — спросил Артем и, улыбаясь, покачал головой.

В глубине души ему стало немного жаль паука, который, по всей вероятности, с минуты прибытия так и не покидал гостиницы. Понятно, что на улице его могли бы забросать камнями. А Артем столько успел повидать за длинный, более чем тридцатичасовой день.

— На три дня? — спросил Артем паука.

— На три, — вылетело из трубки, в которую паук что-то пискнул.

Артем помчался обратно к своей возлюбленной — он обещал ей вернуться сразу же, как только уладит свои дела.

Поднявшись на двадцать второй этаж, Артем постучался в дверь. Ее тотчас открыла «Афродита». Вид у нее был взволнованный.

— Уходи, Артем, у меня Мальчик, — произнесла она, с опаской оглядываясь. — Быстро уходи, пока он тебя не увидел.

Это была новость. Ни о каком Мальчике она до этого ему не говорила.

— Быстро уходи, Артем, он очень нервный и может с тобой подраться. Ребенок. Шестнадцать лет. Много ли он понимает? Исчезай!

— Я-то исчезну, — усмехнулся Артем. — Но зачем надо было клясться в любви? Не люблю, когда врут.

— Я и не врала, Артюша. Я полюбила тебя сразу. Но Мальчик. Ему шестнадцать лет. Он безумствует. Я его маме обещала его не обижать. Его мама очень просила.

Тут дверь распахнулась во всю ширь и Артем увидел этого Мальчика. Он был ростом на две головы выше Артема. Тупой, мускулистый подросток.

— Пусть немедленно убирается вон! — закричал он. — Или я его сейчас выброшу в окно.

Артем, заложив руки глубоко в карманы брюк, смело уставился Мальчику в глаза и спросил:

— Меня выбросить собираешься?

— Он пошутил, — взмолилась хозяйка, но Артем грубо отстранил ее в сторону и, грозно уставившись на Мальчика, пошел на него тараном.

— Повтори-ка, что ты сказал!

Мальчик неожиданно струсился, убежал в соседнюю комнату и заперся там.

— Прости, Артюша, что так, — взмолилась хозяйка дома. — Я обещала его маме... Он такой нервный! Уходи, родной!

— Он тебе родной?! — закричал из-за запертой двери Мальчик и, судя по звукам, стал биться головой о дверь.

— Да перестань ты, я сейчас, — отозвалась она и, быстро сняв с пальца кольцо, протянула Артему.

— На память о нашей любви, — сказала она, приглушая голос.

Артем презрительно отмахнулся.

— Бери, бери. Это бриллиантовое колечко. Бери, родной, — и она надела кольцо ему на палец.

...Тут Артем замолчал, полез в карман, вынул кольцо и протянул его мне. Кольцо как кольцо. Я попытался надеть его на палец. Оно оказалось впору.

Артем уже показывал его ювелиру, и тот сказал, что это ручная работа. Бриллиант, сказал ювелир, чуть меньше карата, чистый, без изъяна. Я вернул кольцо Артему, и он продолжил рассказ.

Он еле поспел к гостинице к пяти часам и влетел в вестибюль. Передача о разумных существах с отдаленных миров уже началась.

Вначале разговор шел о пауке. Артем увидел своего соседа на экране. Кстати, сам паук сидел тут же, неподалеку, на ковре, и тоже смотрел на экран. Показали город, покрытый прозрачными стеклянными домами. За стеклом Артем увидел целые скопища таких же страшных пауков.

Диктор говорил, что пауки больше всего на свете боятся лжи и поэтому сами решили строить себе жилье из стекла, чтоб все было видно — кто что ест, кто что делает. Артем покосился на паука. Тот внимательно смотрел на экран. В глазах его поблескивали слезы.

Надо сказать, что Артема несколько удивило, что в вестибюле очень мало народа. И даже те, кто присутствует, довольно-таки равнодушно смотрят на экран телевизора. Кое-кто перешептывается. А один из на-

ходящихся тут стариков просто-напросто спал в кресле. Артему казалось, что передача вызовет больше интереса и шума. В конце концов не каждый же день происходят такие удивительные события. Впрочем, он утешил себя мыслью, что это все-таки телевизор, а не кино, и что большинство тех, кого волнуют проблемы далеких миров, сидят у себя в квартирах и смотрят телепередачу.

Показали, как питается паук. Как и предполагал Артем, питаются они исключительно кровью. Расковыряв когтем ранку на туловище барана, паук обхватывает животное своими восемью лапами и всасывается ртом в ранку. Баран при этом блеет как ошалелый. Высосав немного крови, паук замазывает ранку каким-то смадобьем и выпускает барана. Потом принимается за второго. Так что дело до гибели животного не доходит. Баранов, потерявших кровь, отправляют на кормежку, приводят новых. А там снова очередь доходит до тех, кого уже однажды отсасывали. В общем, ничего страшного.

Передача вскоре наскучила Артему. Он закурил и вышел из гостиницы. Его опять удивило, что на улице так мало народу.

«Где их черт носит?» — подумал он про себя.

Но тут в дверях появился паук со своей трубкой.

— Уже! Уже! Про тебя! — вылетали из трубки слова.

Артем кинулся в вестибюль.

Сначала показали земной шар. Артем, ковыряясь спичкой в зубах, смотрел на знакомые очертания материков. Земля показалась ему маленькой, далекой и какой-то удивительно беззащитной.

— Чтоб тебе пусто было... — по привычке чертыхнулся Артем.

Потом показали Тбилиси — общая, так сказать, панорама города. Всевозможные вывески, старомодные фонари, стенды и всевозможные рекламы — все это после роскошных дворцов из фарфора производило впечатление жалкое и провинциальное.

Потом показали комнату Артема. Оказывается, Григорий еще до прихода Артема расставил в комнате телекамеры. Артем поморщился, увидев свое убогое холостяцкое гнездо. На стене — две репродукции в де-

шевых аляповатых рамах: «Даная» Рембрандта и «Сюз Земли и Воды» Рубенса. И прикрепленная к стене кнопками фотография обнаженной японки — этой несчастной девушки, которой за деньги приходится выставляться напоказ в чем мать родила, да еще и улыбаться при этом. Кровать, которая от прикосновения к ней с внешней стороны спинки разваливается в то же мгновение, занимала одну треть комнаты. Круглый стол, уют на подоконнике. Одинокие книжонки за стеклом в нише. Старый телевизор. Висячие провода, пересекающие комнату вдоль и поперек. Лампочка, приспособленная под самым потолком, вместо люстры.

«Живу, как бог», — с горькой иронией подумал про себя Артем.

И все же это была его комната — крохотная точка во Вселенной, принадлежащая на время ему одному.

«Надолго ли?» — пронеслось в его голове. В этой комнате он родился, вырос и прожил всю жизнь. Тени давно ушедших отсюда людей всплыли в сознании Артема: отец... братья... мать... Как привидение, перед глазами проплыла молчаливая Дора. А потом он вдруг увидел ярко напояженную женщину с красивым, но уже несколько потрепанным лицом и влажными голубыми глазами, излучающими добро. По щеке Артема ползла слеза. Паук оглянулся и умными блестящими глазами посмотрел на него.

А потом на экране телевизора появился и сам Артем, сердитый, стремительный, деловой. И он увидел всю сцену встречи с Григорием, описанную нами в четвертом броске.

«Старый хрыч!» — думал Артем, глядя на себя со стороны.

За этим последовала сцена в вестибюле гостиницы: Артему задают вопросы, а он отвечает, и наоборот. Артем был уверен, что это ни к чему не обязывающая беседа, а оказывается — все фиксировалось на пленку. Вскоре Артем убедился, что его обманули, когда говорили, что в кармане его лежит радиодатчик, по которому будут определять его местонахождение. На самом деле это была телекамера. Скрытая телекамера. Ибо на экране показывали все, что с ним случилось вче-

ра и сегодня на планете Ани: как он бесстрашно сел в экипаж, чтоб отправиться навстречу динозаврам, как к нему подседа «Афродита», которую он принял за юношу. Артем испугался, как бы не показали того, что произошло в экипаже на территории заповедника. К счастью, у авторов передачи хватило такта не показывать этого. Но то, что они показали, привело Артема в содрогание: к экипажу, в котором он сидел, почти вплотную приблизился динозавр и удивленно его разглядывал. Показали и безобразную сцену в дверях квартиры на двадцать втором этаже. Артем молча возторгался своим мужеством, когда он, набычив шею, как таран пошел на соперника, а тот, струсив, убежал в соседнюю комнату и заперся там.

Дикторский текст, сопровождающий передачу, заострил внимание зрителей на этом моменте. Диктор сказал, что Мальчик по своим физическим данным мог бы умертвить пятерых таких же Артемов за две минуты. А тем не менее струсил.

— Сила духа — великая сила Вселенной, — говорил голос диктора.

Передача кончилась. Артем в расстроенных чувствах побрел к администратору и спросил — не могут ли они доставить его на Землю уже сегодня, ибо миссия его на планете Ани закончена. Администратор ответил отрицательно, ссылаясь на то, что межпланетные корабли готовятся к рейсу ровно три дня. Артем поинтересовался, почему он не смотрел передачу и что означает его кислый вид.

— Издал книгу стихов, а ее никто не покупает. За неделю не продан ни один экземпляр, — сказал администратор. — Допустим, стихи не годятся. Но ведь надо прочесть хоть одно, чтоб прийти к этому выводу.

— Мне бы твои заботы, — иронически бросил Артем и направился к выходу.

БРОСОК ДВЕНАДЦАТЫЙ

ВСЕ оставшееся время пребывания Артема на планете Ани превратилось в сплошную муку. Он не знал, чем себя занять, и изнывал от тоски. Часами он в одиночестве просиживал в салоне подвешного вагон-

чика: канатки, катался туда и обратно, потом переа-
живался на другой маршрут, и все повторялось сна-
чала — туда-сюда. Проплывающие мимо вагончики
были пусты, а к вечеру и вовсе пустели.

Сутки в 31 с половиной земных часов показались
длиной в год. Идти в гостиницу не хотелось — Артем
избегал встретиться с пауком, который то и дело ис-
кал повода заговорить с ним, войти в контакт. И хотя
отношение к пауку по сравнению с первым днем не-
сколько потеплело, Артем не испытывал страстного же-
лания углублять с ним дружбу.

«Буду держать его на расстоянии», — решил он. —
Привет! — Привет! — Как дела? — Как твои? — И ни
слова больше».

Тем не менее он заглянул в гостиницу, решив уз-
нать, где находится Григорий. Все же это был наибо-
лее близкий ему человек на всей планете. За конторкой
вновь сидело существо неопределенного пола.

— Как найти Григория? — спросил его Артем.

— Какого Григория? — не понял министр межпла-
нетных контактов.

— Который доставил меня на эту планету.

— А-а! Этот подонок? А черт его знает, где он.

Артему, промолчавшему более десяти часов, очень
хотелось поговорить, и поэтому он сказал:

— Как вам понравилась телепередача?

Министр посмотрел на Артема и сказал, как бы
ставя ему на вид:

— Кстати, ваш номер был самый слабый.

Артем огорчился.

— Забрали бы с Земли какого-нибудь химика или
поэта. А то привезли дурака, а сейчас, конечно: самый
слабый номер.

— Люди всей планеты были возмущены, каким
тоном вы разговаривали с женщиной, — сказал ми-
нистр, зло поглядывая на Артема. — Мы получили бо-
лее тысячи писем, и все в один голос называют вас
грубияном и неблагодарной скотиной.

— Мне наплевать, — ответил Артем.

— Вам-то, конечно, — зло усмехнулся министр.

Он углубился в свою книгу, давая понять, что раз-

говор окончен. Но Артему очень хотелось поговорить еще.

— Вы простите меня за тот раз.

— А что было в тот раз? — оторвался от книги министр и, затаив тревогу, зло смотрел на землянина.

Паук незаметно приблизился к беседующим и остановился возле.

— Помните, я не мог понять, мужчина вы или женщина...

— У вас хватает наглости вспомнить это? — обозлился лысый министр.

— Сейчас-то я вижу, что вы мужчина, а тогда не сообразил.

— Да заткнетесь вы или нет! — заорал министр и вскочил на ноги. Видимо, ему была очень неприятна эта тема.

— Хотя бы постеснялись паука!

Артем только сейчас увидел соседа.

— А, это ты? Привет. Как дела?

— Скучно, брат! — вылетели из трубки слова.

— Как вам спалось? — с подчеркнутой вежливостью поинтересовался у паука министр.

Паук ответил, но трубку вовремя ко рту поднести не успел. И послышались короткие сигналы на тоненьких высоких нотах: ти-ти-тити-та.

— Потерпите еще немного, — сказал министр. — А вы можете идти. Нечего стоять над головой, — бросил он Артему.

Артем матернулся. Совсем по-земному. И быстро зашагал к выходу — последнее слово должно было остаться за ним, иначе он просто не мог.

Была ночь. Он понятия не имел, куда деться. Подвесные вагончики ему осточертели.

«Столько энергии зря расходуют!» — думал он, зло косясь на канатку.

Артем подошел к дому «Афродиты», поглядел на окна двадцать второго этажа. В окнах горел свет.

«Может, все же подняться?» — размышлял про себя Артем и все же решил не идти — не унижаться.

От нечего делать он снова сел в пустой вагончик.

И вдруг он увидел залитое звездами небо.

«Интересно, которая из них наше солнце?» — по-

думал землянин, настраиваясь на сентиментальную волну.

И он стал вспоминать Землю. И перед глазами вновь проплыли родные силуэты — мать, отец, братья... Все они уже отошли, как говорится, в мир иной, а попросту говоря, в землю. Кажется, впервые в жизни, ибо на Земле времени было всегда в обрез, Артем ударился в воспоминания. Перед взором его промелькнули видения далеких лет: спящие беженцы, которых он расстрелял из автомата, малолетние оборвыши на крыше товарного вагона с его вещмешком в руках, соскакивающий с подножки трамвая Марлен Верийский в кепочке на макушке, вихрастый пианист за роялем на сцене концертного зала консерватории в Москве. А потом все видения исчезли, и он увидел густо напозаженную женщину с красивым, но немного потрепанным и, как говорили некоторые, вульгарным лицом. Ее влажные голубые глаза лучились любовью и состраданием к тем, кому не повезло, — к бедно одетым детям, немощным старикам и некрасивым склочным толстухам. И вся планета Земля в этот миг в сознании Артема обрела форму и краски самой красивой тбилисской мороженщицы первых послевоенных лет.

Глаза Артема наполнились слезами. Звезды в небе слились в мутный бессмысленный узор. Сейчас, о чем бы ни думал Артем, из головы уже не выходила Ася. Он вспомнил, как танцевал с ней шалахо в одном из авлабарских двориков еще задолго до женитьбы. Она в этом дворике чувствовала себя как дома — накрывала на стол, утешала Оника. Интересно, кем ей приходился тот милый толстячок — хозяин дома? Артем так и не успел спросить ее об этом при жизни. Но скорее всего, он был просто приятелем. Может, Ася за деньги убирала его дом и обстирывала его. Скорее всего, так и было. Для любовника он был староват. Хотя кто его знает. В сознании Артема всплыла картина — он и Ася с сыновьями встречают Новый год. Тут же и одинокий сосед — грузинский еврей Рафиэл, которого Ася из жалости пригласила в свой дом. В центре внимания — Артем. Он рассказывает о своей работе, о фильме, который снимает киностудия. Вся компания слушает его

Лезан Челидзе. Там, на отдаленной планете...

как замороженная. Особенно дети. Ася не спускает с него влюбленных глаз.

В углу комнаты стоит убранный елка и на ней блестят разноцветные фонарики. Эту елку Артем сам срубил на Комсомольской аллее и, засунув в мешок, притащил домой.

Немного захмелев, Артем предлагает что-нибудь спеть, потому что — что же за Новый год без песен и танцев. Идет горячий спор — какую будут петь песню. Мальчишки наперебой предлагают свои песни. Артем берет на себя инициативу и начинает петь первое, что пришло на ум. Но как складно все получается. Голоса подхватывают песню. Поет и еврей Рафизл. Ася поет, не спуская с Артема восторженных глаз. Песенка не ахти какая — старая, глупая, простенькая песенка тех времен, когда Тбилиси назывался Тифлисом. Но сколько в ней прелести и даже, как показалось Артему, философии:

Два кувшина я купила — вай-вай,
С ушками да без ушками — вай-вай..
На том свете вместе будем — вай-вай,
С ушками да без ушками — вай-вай!

Артему неожиданно захотелось, чтоб эта песенка прозвучала и тут, на отдаленной планете Ани. Он спел ее с начала и до конца. Получилось не так, чтобы на бис, но Артем остался доволен.

Среди ночи Артем вернулся в гостиницу. И в холле видит — паук! Ходит взад и вперед по ковру. Бедняге тоже не спится.

— Не спится? — спросил Артем.

Но паук не успел расслышать. Он только сейчас достал откуда-то из-за одной из пазух свою трубку и приложил ко лбу.

— Не спится? — повторил Артем.

Паук стал что-то попискивать в свою трубку, и из нее начали вылетать слова:

— Такие длинные сутки. У нас они вдвое короче. Просто не знаю, куда себя деть!

Чувствовалось, что он тоже истосковался по собеседнику. Артем разглядел его повнимательней. Тело и волосинки вызвали отвращение. Но лицо паука пока-

залось Артему даже симпатичным. Особенно глаза. Круглые, блестящие и умные.

— Очень я страшный? — спросил паук.

— Сойдет, — добродушно ответил Артем. — Надо только привыкнуть.

— У нас на планете я считаюсь не очень красивым, — сказал паук. — А ты?

— Помесь бульдога с носорогом, — ответил Артем. Паук оценил шутку. Лапы его задвигались.

— Не все понятно, но все же смешно, — сказал он. — Жена есть?

— Были, — ответил Артем. — Две умерли, одна ушла. А у тебя?

— Есть. Есть и дочка. Первая в нашем городе красавица.

— А у меня сын. Тоже, прохвост, красавец.

— А почему прохвост? — спросил паук.

— Библиотеку у меня стырил. До сих пор не могу простить ему этого. Тем более, что книги я собирал, чтоб оставить ему.

— Чего же тогда расстраиваешься? — спросил паук.

• — Обидно, что без спроса. Я и сам отдал бы их. Но попросил бы. Прав я?

— В том, что сын унес к себе библиотеку, я не вижу ничего плохого, — сказал паук. — Пусть читает.

— На здоровье, — бросил Артем и поинтересовался: — Дочка замужем?

— Да нет. Не хочет идти замуж. Не хочет оставлять меня со старухой. Добрая, хорошая девушка. Я говорю — выходи, пока не поздно, ведь состаришься в девках. А она — нет и нет. Вы, говорит, мне дороже всех на свете.

Некоторое время они помолчали. Паук уже не казался страшным ничуть. Милый, добрый, спокойный, рассудительный паучок.

— Ты так и сидишь в гостинице, как приехал? — спросил Артем.

— В первый день они отвезли меня в зоопарк. А с тех пор все сию.

— Понравились тебе динозавры? — спросил Артем.

Оказывается, паук так и не увидел динозавров, но зато ему очень понравились павлины.

— Этого добра и у нас полно, — сказал **Артем**.

— Главное, что меня меньше всего интересовал зоопарк, — сказал паук. — По профессии я стеклодув. Я попросил показать мне какое-нибудь стекольное производство, а они меня — в зоопарк.

Впереди была долгая ночь. Но было уже не страшно. **Артем** наконец-то нашел человека.

— Выйти одному на улицу — тоже не дело, — сказал паук. — Еще пристрелят, как какую-нибудь гадину.

— Пусть только пальцем тронут, — с воинственным видом сказал **Артем**. — Я сам выведу тебя на прогулку.

— Не стоит беспокоиться, — вежливо ответил паук.

— В шахматы играешь? — спросил **Артем**.

— Да не очень. Но люблю.

— Вот и сразимся, — обрадовался **Артем**.

Однако ночью шахматы они не нашли. И партнеры сыграли только на следующий день, утром, когда пришла обслуга.

А тогда, не найдя шахмат, друзья решили побаловаться чайком. Паук никогда раньше не пил чая. Чай ему понравился. Только он приступал к питью, когда чай становился совсем холодным, а иначе было горячо.

— А у нас наоборот, любят, когда горячий, — добродушно пояснил **Артем**.

Паук сказал, что у него в номере три молодых багряшка, и предложил **Артему** пососать кровь у одного из них.

Артем улыбнулся и помахал рукой — все, все, но сосать живую кровь — это не для него.

— Что это у тебя? — спросил паук, прикасаясь щупальцами к плечи псориаза.

— Псориаз, — ответил **Артем**. — На Земле он не вылечивается. Я надеялся, что тут мне помогут, но... видишь — им на нас наплевать.

— У нас тоже эта болезнь неизлечима, — сказал паук. — Нервничать меньше надо. Сын украл библиотеку. Сын же, не посторонний!

— Спасибо, — сказал Артем и похлопал паука по спине.

— Попробуй смазываться цинковой мазью, — советовал паук. — Быстрого исцеления не жди. Но многим это помогает.

И Артем еще раз поблагодарил паука, похлопав его по лапе. А потом снял с руки свои часы «Заря» и протянул приятелю:

— Бери от меня на память.

— Мне нечем тебя будет отблагодарить, — сказал паук.

— Бери, бери, — настоял на своем Артем. — Какие могут быть счеты!

Они пили уже по третьему стакану.

— Суточные тебе выдали? — спросил Артем.

Паук долго не мог понять, что Артем имеет в виду, но наконец догадался:

— Мне они не нужны.

— Если не нужны, то отдай их мне. Я свои в ресторане потратил.

— Они у меня в комнате. О чем речь — бери! — сказал паук.

• — Дочке скажи, пусть срочно выходит замуж за богатого. Скажи, так дядя Артем ей советует.

— Скажу, — сказал паук.

Непонятно для чего — на всякий случай — паук и Артем обменялись адресами.

— Ну и страшно же у вас, — улыбнулся Артем.

— У вас гораздо страшнее, — ответил паук.

Когда пили по седьмой чашке, Артем сказал:

— Я вижу, котелок у тебя варит. Скажи — что в жизни самое главное и дорогое?

— Близкие души. Дороже ничего нет, — ответил паук.

— А если они уже умерли? — спросил Артем.

— Все равно — умерли или живут, — ответил паук. — Это не имеет значения.

— Как это так — не имеет?! — озадачился Артем.

— Их нет. Я их не вижу. Я не могу их пощупать. Я их помню. Но с каждым годом многое забывается. Я смот-

рю на их фотографии, и иногда мне кажется, что их вообще никогда не было — сплошная афера.

— Они есть, — возразил паук.

— Где? — развел руками Артем и уставился пауку в глаза.

— В нас, — сказал паук.

— Бабушкины сказки, — отмахнулся Артем.

И все же ему очень захотелось, чтобы то, о чем говорит паук, было правдой, хоть эта правда и выше его понимания.

— С детства зарабатываю на хлеб, — сказал Артем, глядя пауку в глаза своими черными, широко открытыми глазами. — Всю жизнь — как белка в колесе: там — то, тут — это. Даже в уборную заскочить иногда нет времени. Хочешь жить — умей вертеться. Верчусь. Всю жизнь верчусь! А толк?

Паук протянул свою лапу и похлопал Артема по плечу.

— Будешь на моей планете, поезжай на «Грузия-фильм», это киностудия, и спроси: кто лучший осветитель на студии? Все тебе ответят — Артем Гаспаров. Я и тут, я и там. Как Фигаро. Все режиссеры требуют только Гаспарова, потому что там, где Артем, там всегда все в порядке. А дальше? Что из этого?

Артем показал пауку кукиш и многозначительно посмотрел ему в глаза. Паук еще раз похлопал его по плечу.

— Мне на Земле будет тебя не хватать, — сказал Артем.

Паук прослезился.

— А вот этого делать не надо, — сказал Артем. — Все-таки мы мужчины.

— Прежде всего мы пауки, — сказал паук.

— Это ты паук, а я — человек. Вернее, ты тоже человек.

— Вернее, ты — паук, — сказал паук.

Паука насмешили случайно возникшие каламбуры, и он задергал лапами. Артем тоже расхохотался, по-паучьи стал дергаться руками и ногами и мотать головой.

Весь тот день они провели вместе. Артем вывел его на прогулку в ближайший сквер и грозно тарасил глаза на каждого, кто, проходя мимо, смотрел на паука.

— Глаза потеряешь, — обращался он к тем, кто, пройдя мимо, оглядывался назад.

— Пусть смотрят, — сказал паук, опасаясь, что тем может устроить скандал.

Вечером они вновь засели за шахматы уже в номере паука. И Артем сам не заметил, как заснул на ковре рядом со своим новым товарищем. При этом он даже позабыл о суточных, которые паук пообещал дать ему. Не вспомнил он о них и на следующий день.

Утром неожиданно появился Григорий в своей черной потрепанной шляпе. На этот раз он показался Артему еще более облезлым. Григорий сказал, что все три дня беспробудно пьянствовал с родственниками за городом и что они обещали подыскать для него какую-нибудь женщину.

— Дай бог, — сказал Артем.

— Старухи мне не нужны! — сердито и решительно заявил Григорий.

— Чтоб не забыть, — сказал Артем. — Дай мне адрес того рыжика. У которого я отнял вещмешок с серебряной ящерицей.

Григорий сказал, что это не так-то легко. Но все же полез в карман и вынул записную книжку, на обложке которой Артем успел прочесть слова: «Все об Артеме Гаспарове».

— Одну минуту, — сказал Григорий, роясь в записной книжке. — Ага. Вот. — И он продиктовал Артему адрес Никиты Лунева.

Настал час прощания.

— Плакать не надо, — посоветовал Артем пауку, хотя и сам еле сдерживал слезы.

Артем обнял паука. Паук обхватил Артема всеми восемью лапами.

— Мы опаздываем, — противно шепелявя, напомнил о себе Григорий.

ПОСЛЕДНИЙ БРОСОК

ЧЕЛОВЕКУ не так страшно умереть, как сознавать то, что ты исчезнешь бесследно, не оставив о себе памяти. Герострат, не отличаясь ни умом, ни талантом, оставил о себе не очень добрую память — он под-

жег храм в Эфесе. Хвали его или ругай, а своего он добился. И такая, скажем, фраза, как «комплекс Герострата» — очень ходкая и в психиатрии, и в обыденной жизни.

Психиатр с мировым именем, внушавший Артёму, что вся история с пребыванием на отдаленной планете — не что иное, как мираж и видение, с первого дня знакомства с пациентом знал, что померещиться ему все это не могло. Он имел дело с человеком с удивительно здоровой психикой и железной нервной системой. Оставалось два варианта: или все, что он рассказывает, — правда, или все это он выдумал. Психиатр разложил эти два варианта в следующей пропорции: за то, что это было правдой, — один процент. Остальные за то, что все это он выдумал. А выдумал для того, чтоб заставить о себе говорить. Получилось: 1 к 99.

Психиатра не смутили отдельные подробности рассказа — он сразу понял, что имеет дело хоть с простым, но довольно-таки сообразительным и по-своему талантливым человеком. Правда, его озадачило «четвертое измерение», закон которого, как говорил Артём, будет открыт на Земле в первой четверти двадцать первого века. Озадачило психиатра и бриллиантовое колечко. Он попросил его у Артема на два дня. Оказалось, что колечко с бриллиантом не золотое. Из чего именно — лаборатория до сих пор так и не дала определенного ответа. Артему же вернули золотую подделку. Бриллиант был бриллиантом. Эти два обстоятельства — четвертое измерение и металл — дали основания психиатру изменить пропорцию двух имеющихся версий. Первой было отдано уже 2 процента. У второй оставалось 98.

Когда Артему подкинули вариант с миражом, он за него ухватился тут же. Началась игра. Тонко разработанная шахматная партия — правда, уже в какой-то степени изученная, но осложненная домашними заготовками. Пока Артем находился в больнице, психиатр с помощью его сестры Рузанны проник в его комнату. И среди прочих книг Артема нашел Детскую Энциклопедию, изданную в 1914 году. В третьем томе в разделе «Вселенная» он отыскал фотографию созвездия Цефея. «Вот где собака зарыта», — сказал он про себя.

Паук, динозавры, красная кнопка на экипаже, прочие подробности — все это плод фантазии.

Но откуда взялось колечко и где Артем находился все три дня? Скажем, исчез. Но для чего нужно было оставлять машину с открытым багажником?

Скажем, колечко потерял в его автомобиле какой-нибудь пассажир. И оно досталось Артему. Такая находка его, понятно, взволновала, и он решил на время исчезнуть. А появившись, выдвинул сногшибательное алиби — он находился на отдаленной планете.

Адрес Никиты Лунева, как считал психиатр, имелся у Артема со времен заплучения изделия Фаберже. Трудно представить, что в вещмешке солдата не было бы его адреса или каких-нибудь других данных.

Мой рассказ о том, что я и Артем слетали в Челябинок, где неподалеку от города, в деревне Сосновка, нашли престарелую мать бойца, отремонтировали ей дом и прочее, не удивил психиатра. Он улыбался и понимающе кивал головой. Мы не только отремонтировали старухе дом и снабдили ее продуктами, но и на могиле ее сына — Никиты Лунева — установили мраморную плиту. Более того, мы привезли из Челябинска священника с рыжей бородой и он, как того пожелала мать бойца, отслужил панихиду на могиле.

С короткой речью выступил и Артем.

— Никита был бойцом, — сказал он. — А это много значит.

Все это мы проделали после того, как старушка — мать Никиты наотрез отказалась от предложенных ей денег. Деньги, как не трудно понять, Артем выручил, продав изделие фирмы «Фаберже».

После поездки в Челябинск у него осталось шесть тысяч. Деньги эти он распределил между шестью сыновьями. Именно так он стал называть сыновей Аси. Он разослал деньги по их адресам под самый Новый год. К каждому из переводов он сделал приписку: «Дети, примите мой новогодний подарок. Простите за все, если можете».

— Правильное решение, — одобрил этот поступок психиатр. — Сыновья бывшей жены на сегодня — люди большого размаха. Они ему нужнее, чем деньги.

Психиатр знал, что говорит. В семье Артема после

того, как его простили, произошли небольшие перегруппировки. Акоп, повышающий свою квалификацию в Москве, перешел на жительство к брату Рудольфу, с которым они подружились. Эдик тоже жил неподалеку. Каждый вечер братья собирались то у Эдика, то у Рудольфа и обсуждали свои семейные дела.

Артем на пять дней съездил в Сочи — к Альберту, и, хотя тот настаивал на том, чтоб отец остановился у него на квартире, Артем предпочел номер в подвальной Альберту гостинице.

— Мне тут будет свободней, — сказал Артем.

В Тбилиси Артема ждал сюрприз — его шикарная библиотека вернулась в застекленную нишу.

Увидев это, Артем тотчас позвонил в Москву.

— Это ты, сына? — спросил он, когда трубку поднял Акоп.

— Да, пап, — как ни в чем не бывало отозвался Акоп.

— Это ты приволок книги?

— Да, пап. Как здоровье?

— Ты мне мозги не крути — «здоровье»! Почему ты это сделал? Это же твои книги.

— Не только мои, пап. Нас же шестеро.

— И то верно, — согласился отец. — Ты что, приезжал в Тбилиси?

— Да, пап, на два дня.

— А как попал в квартиру?

— Через окно.

— Чтoб тебе пусто было... — добродушно пробурчал Артем.

Психиатр и я еще немного поговорили о необыкновенном путешествии Артема, как бы уточняя детали. Когда я рассказал психиатру о том, как Артем распевал в подвесном вагончике на отдаленной планете песенку — «два кувшина — вай-вай», он расхохотался и перебросил единичку из цифры 98 в обратную сторону пропорции. Получилось: 3 к 97.

— Кончено! — сказал он. — Пропорция обрела окончательный вид. Если завтра же ко мне заявится сам министр межпланетных контактов — это лысое существо неопределенного пола, даже он не в силах будет изменить соотношения чисел.

Глаза психиатра улыбались совсем по-мальчише-

ски. И я подумал: как это, должно быть, здорово дожить до седины и не потерять такой вот по-детски пухляковской и беспечной улыбки.

Недавно у себя на шестнадцатом этаже я собрал старых друзей. Заявился и Артем. Автомобиль его стоял в ремонте и поэтому он позволял мне наполнять его стаканчик вином. Было шумно и весело. Захмелели все очень быстро. А тут вдруг заглянули две незамужние и довольно привлекательные особы. Конечно же, никто не позволил им уходить, что они вознамерились сделать, увидев десятерых подвыпивших мужчин. Думаю, что они не пожалели. Количество комплиментов, высказанных им в этот вечер, превысило годовую норму. И танцевались они до упаду. Мои друзья лезли из кожи вон, чтоб завоевать их внимание.

— Десять мужчин и две женщины — совсем как на планете Ани, — шепнул я Артему.

Чтобы снять напряжение диспропорции, я и Артем решили на время покинуть общество. Запихнув в карман бутылку водки и две глиняные чарочки, я потащил его на крышу. Дул страшный ветер. Дребезжали телевизионные антенны, пыль била в глаза. Но небо оказалось чистым, и мы быстро нашли на нем скопление звезд, именуемое созвездием Цефея. Звезды, казалось, подмигивали нам с высоты. Артем, хитро улыбаясь, смотрел на небо. Я разлил водку по чарочкам и, чтоб заглушить шум ветра, прокричал ему в ухо:

— За паука!

— И за его дочку! — прокричал в ответ Артем.

Мы выпили, и я разлил по второй.

— Я-то знаю, что со мной случилось, а на остальное мне начхать! — прокричал мне в ухо Артем.

— Не надо было портить отношений с министром межпланетных контактов! — прокричал я ему в ухо. — Возможно, он выдал бы тебе справку. Сам знаешь — без бумажки ты букашка...

Мы выпили за здоровье Министра и Григория.

— Эй, ребята! Мне бы справочку! — закричал Артем, уставившись в небо.

Дуло так, что казалось, ветер сорвет сейчас крышу и нас вместе с ней. Мир казался прекрасным. И я вспомнил слова телекомментатора с отдаленной планеты Ани: «Сила духа — великая сила Вселенной!».

А со стола
Так странно смотрит
Телефон,
Что мнится:
Дома в этот час —
Не только я...
Не только он...
А кто-то, кто-то
Кроме нас.

День лучезарный
Померк, погас...
Пустынна улицы колея.
Но — кто-то
Встретится мне сейчас.
Его увидя,
Воспряну я.

УТРО

Что за рассвет,
Что за огромный рассвет —
Он с трудом на земле уместился!

После бессонных книг,
После тяжелых снов —
Будет рассветный миг
Чист, многолюден, нов.

И, позабыв беду,
Яркому солнцу рад,
Я по земле веду
Девочку в детский сад!

Перевела Татьяна БЕК

ОДНА • Рассказ

ВЕЧЕР был удручающе тих. Казалось, все застыло, онемело в природе. Даже краски утратили яркость, звуки — резкость. Перламутрово-серая неподвижная гладь моря сливалась с таким же дымчато-непрозрачным небом. Малиновое солнце в оранжевом ореоле висело низко и тяжело. Лес подступал к белесой полосе юрмальского пляжа темной неподвижной стеной. Чайки замерли на воде, как игрушечные лебеди в детской ванночке. Марийка и ее новая соседка шли по тончайшему песку босиком, и потому даже шороха их шагов не было слышно.

— Вот такой же вечер был, когда меня чуть было не расстреляли, — в задумчивости произнесла Марийка.

— Где, когда это было?

— Во время войны, в Белоруссии.

В дверь постучали громко, настойчиво. Марийка подняла щеколду. В горницу ввалились трое. Тот, что поплотнее, сельский староста, фрицевский пособник Лгунов, спрашивает:

— Ты что — одна?

— Да.

— А где Игнат?

— В город уехал.

— В город? Небось, в партизанах.

И тут Марийка ощутила на себе пронзительный взгляд стоявшего у двери, в тулупе, в заячьей ушанке.

— Брет она все. Игнат в лесу — с партизанами, — выкрикнул он.

— Где партизаны? — это уже голос третьего, что повыше других.

— Да не знаю я.

— Не ври. Говори — где?

— Откуда мне знать?!

— Не хочешь добром отвечать, заставим. Петр

ну свяжи девку.

Петр кинулся к Марийке, заломил назад руки, больно связал толстой веревкой. Прижал ее к стене и, близко дыша в лицо, процедил сквозь зубы:

— Теперь уж не сбежишь от меня. Пойдешь со мной — не тронем Игната. Нет — пеняй на себя.

— Подлец, ублюдок фашистский, — вырвалось у Марийки.

— Ах, так, что брат, что сестра — одного поля ягоды! — и Петр потащил ее к столу, повалил на него навзничь.

— Последний раз спрашиваю — пойдешь со мной? Марийка отчаянно мотнула головой.

— Где Игнат?

— В городе.

— Где партизаны?

— Не знаю.

— Ладно. Хватит.

Петр потянул руку к кобуре, отстегнул кнопку.

Марийка крепко зажмурилась.

С грохотом распахнулась дверь. Хлопнул выстрел. Кто-то сдержанно застонал.

Марийка открыла глаза. Теперь в горнице было шестеро — запыхавшихся и злых. Началась страшная свалка. О Марийке забыли. Она лежала на столе, силась встать.

— Подлецы, гады, — это голос Игната. — Василек, развяжи девчонку.

Марийка поднялась. Ноги дрожали. Язык не слушался.

— А ну, шевелись. Дай сюда полотенце.

Игнат стащил сапог. Носок на его ноге был алый.

— Ножницы. — Разрезал носок, перевязал полотенцем рану, снова надел сапог.

— Теперь — пошли.

Трое вторых вывели во двор троих первых. Один за другим ударили три выстрела.

Толкнув дверь правой рукой, волоча раненую ногу, Игнат доплелся до стола, сел на лавку.

— Гады проклятые. Пронюхали-таки, что мы сегодня собирались придти сюда.

Игнат устало провел рукой по лицу.

— Давай, Марийка, собирайся скорее. Нельзя сейчас тебе здесь одной оставаться. Пойдешь с нами — в лес.

Пронзительно-тревожно закричала чайка.

— Рыбаки говорят — чаек нельзя трогать. Это приносит несчастье, — Марийка смотрела вдаль, где носились над волнами серебристые птицы.

— А разве их кто-нибудь трогает? — обернулась к ней соседка.

— Не знаю. Не видала.

— Вы часто бываете у моря?

— Почти каждый день. Я люблю море в этот предвечерний час.

— А лес?

— И лес тоже. Я ведь из лесных краев.

— Как же вы делите эту любовь?

— А разве любовь можно делить?

«Милый Вадим!

Вот уже третий месяц нет от тебя вестей. Здоров ли ты? У нас все в порядке. Вовочка уже смеется, пускает пузыри. Я хлопочу по хозяйству. Неловко, правда, сидеть на шее у стариков. У них и так ничего нет.

Да, знаешь, сегодня я вспомнила тот вечер, когда мы были в театре. По-моему, мне тогда многие завидовали. Сейчас на меня почему-то смотрят с сожалением.

В деревне люди трудно живут. Все надо восстанавливать заново после войны. Ну, пиши. Жду ответа.

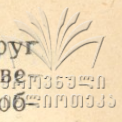
Твоя Марийка».

Одно за другим она бросала в почтовый ящик письма к Вадиму, и они исчезали там как в бездне. Ответа не было. Собрав последние гроши, она собралась в путь.

— Наверное, лучше было тогда умереть, — сказала соседке Марийка, когда они сидели в ее маленькой уютной кухоньке и пили чай с малиновым вареньем. — Я смотрела на него и думала: «Что если взять эту хрустальную вазу на столе и швырнуть ему в лицо». Теперь жалею, что не сделала этого...

Когда Марийка вернулась в деревню, ее едва уз-

нали. Она словно ничего не видела, не слышала вокруг себя. Двигалась механически. Никому больше не верила. А разве можно так жить? И зачем тогда вообще жить? — думала она. Силы таяли с каждым днем, уходили куда-то. Однажды утром она не смогла подняться с кровати. Ребенок плакал, но ей было все равно.

Позвали деревенского фельдшера. Он отчитал ее: — Как смела довести себя до такого состояния! Разве ж ты человек! Разве ж ты мать! — и ушел.

За многие месяцы оцепенения она впервые разрыдалась.

— Не знаю, дало ли это мне облегчение, — Марийка задумалась, затем продолжала, — но после этого я все же встала, умылась, вскипятила чайник, напоила ребенка...

«Буду утром проездом Володя». Марийка пробежала глазами телеграмму. «Ох, а у меня дома никакого порядка!». И забегала, засуетилась. Уже совсем поздно, падая от усталости, все же пошла в ванную красить волосы — «Не хочу, чтобы сын видел меня седой, старой».

Они проговорили весь день — вечером он уехал. А ей было теперь надолго о чем думать, мечтать, заботиться.

— Знаете, мой сын, он капитан траулера, женится, — глаза Марийки светились счастьем. — И они так любят друг друга. Я сделаю, я должна сделать все, что можно и даже невозможно, чтобы у них сбылось то, что не состоялось у меня...

Марийка тщательно растирала деревянным пестиком в миске собранную днем в лесу малину с сахаром.

— Володя очень любит лесную малину, растертую с сахаром. Завтра еще собираю, разотру и пошлю ему. Вместе с томиком стихов Симонова.

— Кстати, у вас нет чего-либо почитать? — спросила соседка.

— У меня мало книг. Не до них было, хотя очень люблю читать. Особенно стихи. Я и сыну всегда дарю

поэтические сборники. А сама сейчас снова перечитываю Пушкина. Упиваюсь его стихами...

— Но когда вы все это успеваете? Ведь допоздна на работе.

— А я люблю свое дело. Мне нравится наводить порядок, соблюдать чистоту, общаться с разными людьми. Знаете, какие умницы среди них бывают! Иной раз столько нового от них узнаешь. Многие, правда, удивляются, как можно любить такую работу. Подумаешь, мол, сестра-хозяйка в санатории! А почему бы нет?! Зато, если любишь свое дело, не так чувствуешь усталость, да и жить интереснее.

— Ну что ж, пожалуй, вы правы. Это, видимо, и поддерживает в вас жизненный тонус. Вы так хорошо, так молодо еще выглядите.

— Это потому, что никогда без дела не бываю. Всегда чем-нибудь занята. Вот только, когда едешь после работы на автобусе домой, а ехать-то мне все же далековато, порой и вздремнешь. Или чего только предумать не успеешь. А то и считаешь, если есть с собой хорошая книжка.

— Вчера вы что-то поздно вернулись...

— Да. Сослуживцы хвалили новый фильм с участием Габена. А я люблю этого актера. Вот и пошла в наш клуб...

Тут Марийка как-то неожиданно поспешно вышла на балкон и стала усердно поливать цветы в горшках. Ей хотелось во всех подробностях восстановить в памяти вчерашний вечер и то, как давным-давно совсем еще девчонкой она бежала из родительского дома.

За окном уже брезжил рассвет, когда решение созрело окончательно — бежать, бежать немедленно. Но куда? Куда глаза глядят... Только побыстрее, только подальше отсюда! В одной ночной рубашке, накинув платок на плечи, босая кинулась в комнату матери. Мать лежала на кровати, но не спала. Видимо, чувствовала, что происходит с дочерью.

— Не могу! — как рыдание, вырвалось у Марийки.

— Что же делать? Ты ведь сама дала согласие! — мать провела рукой по голове дочери.

— Уйду!

Потом все было как в сказочном мультфильме —

вещи словно сами бежали к Марийке, одежда — сама оказалась на ней, узелок — в руке.

— Не плачь, я напишу!

И бездоннопечальные глаза матери...

В синем костюме, с гладко зачесанными волосами Марийка шла к учреждению, где устроилась секретаршей, по шумным улицам незнакомого города, и чувствовала себя королевой. Ее провожали восхищенные, удивленные, откровенно завистливые взгляды. И она думала — весь мир будет принадлежать ей.

Боже, сколько признаний — страстных, затаенных, бурных и сдержанных пришлось ей выслушать. Но ничего, кроме улыбки, в ответ на них Марийка выжать из себя не могла.

Как-то в перерыве она сидела в кафе. Перед ней стояла чашечка кофе, на тарелке лежала сдобная булка. Но мысли ее были далеко. Почему-то взгрустнулось, вспомнился дом, родители. И тот злополучный день, когда, сама не зная почему, — то ли из озорства, чтобы насолить Витьке, то ли еще почему-либо, — Марийка не возражала против свадьбы с Петром. Отец этого очень хотел — Петр был, по его словам, «из зажиточной семьи». Он сулил золотые горы. Говорил, что ее красоте не хватает роскошной оправы. Ей, кажется, даже нравилось это слушать, воображать себя разодетой, неприступной.

Когда же вечером, ложась спать, она представила себя рядом с Петром, когда с какой-то пронзительной остротой ощутила — отныне их жизнь будет навсегда связана, стало страшно. Нет, нет! Она его не любит! Зачем же тогда эта свадьба?!

Марийка подняла голову и встретила с чьим-то взглядом. Он ее поразил — столько в нем было и восхищения, и удивления, и доверчивости, и нерешительности, и смелости, даже дерзости. Она невольно улыбнулась. Получилось — ответила на этот взгляд. И уловила в нем смятение. В упор посмотрела на этого незнакомого человека. Показалось, глаза его молили о пощаде. И Марийка сжалилась — встала, пересела за соседний столик. От волнения незнакомец разлил ко-

фе. Она хотела засмеяться и не смогла. Чтобы скрыть смущение, достала из сумочки деньги за кофе и булку, положила на столик.

Он не шелохнулся.

Марийка силой заставила себя встать и уйти.

С тех пор минуло без малого три десятилетия.

И вот вчера...

Медленно растаял свет, и зал погрузился в темноту. Начался киножурнал. Она смотрела рассеянно, предвкушая встречу с любимым артистом. И вдруг замерла от неожиданности — с экрана на нее смотрели знакомые глаза того человека, что сидел напротив нее в кафе много лет назад. От растерянности Марийка прослушала как звать этого человека. Но все же поняла, что в годы войны он выполнял в тылу врага ответственные задания и теперь посмертно удостоен высокой награды Родины. Так вот почему он тогда так странно себя повел... И только теперь с какой-то щемящей ясностью она поняла, что все годы с той поры ее жизнь была озарена светом единственной молчаливой встречи с ним.

Поздно вечером вернулась в свою небольшую, комфортабельную квартирку, которую совсем недавно получила в новом доме. Она любила приходить сюда, возиться по хозяйству, читать и думать обо всем. Вчера ей показалось дома пусто, одиноко. Она не стала, как обычно, мыть оставленную с утра грязную посуду, поливать цветы на балконе, подметать пол, вытирать пыль. Традиционная бутылка кефира на столике в кухне осталась нетронутой. Телевизор молчал.

Впервые за долгие годы Марийка не смогла уснуть. Обычно, едва положив голову на подушку, мгновенно погружалась в сон. В эту же ночь — перебирала в памяти всю свою незадавшуюся жизнь, пытаясь понять, почему так и осталась навсегда одна.

Габриэл РАТИШВИЛИ

МАЛАЯ ПОВЕСТЬ О РОССИИ

БЫЛИ и мы когда-то счастливы у себя на родине, но колесо жизни в своем вращении повернуло в другую сторону. И счастье наше сменилось несчастьем, ибо оторвала судьба нас от земли родной.

И кто же меня, несчастного, может посчитать счастливым оттого, что лицезрел я края чужеземные? И как же можно говорить обо мне, всецело погруженном в печаль, о радости великой из-за того, что приехал я в Европу¹. Но как только рассеялась печаль моя и покинул я юдоль ее, поразмыслив со спокойной душой, сказал себе: «Возьми-ка и глазами разума узри, что вокруг тебя, поведай о том другим, пиши для людей, для отчизны». Повествование свое писал я сам без чьей-либо помощи. И не со слов чужих писал я, а своим разумом и старанием. И повествование сие, сочиненное для слуха вашего, есть рассказ очевидца, не пожалевшего сил и времени, дабы описать то, что увидел он в России. А посему прошу каждого помянуть добрым словом бескорыстный и скромный труд раба божьего, князя Габриэла Ратиева², сына Веньяминова.

Когда его величество, император Павел Петрович I пожелал, чтобы предстали пред ним в его чертогах сыновья царя Грузии Георгия XIII Иоанн, Баграт и Михаил, то повелел инспектору Кронингу³ пригласить ца-

¹ Автор имеет в виду свой приезд в Россию, в частности в Петербург.

² Ратишвили Г. В.

³ Речь идет о генерале К. Ф. Кнорринге, главнокомандующем Кавказской линией и «главноуправляющем» края.

ревичей: посетить место его пребывания. Как только получил инспектор приказ сей, тотчас же отправил курьера с депешей к грузинским царевичам. Когда узнали царевичи о высочайшем повелении, стали готовиться к встрече и две недели собирались в путь. Как только все было готово, месяца марта седьмого дня, в праздник святого Андрея, царевич Иоанн распрощался с родными, братьями, сестрами и родственниками, с собравшимися людьми (народом). Сопровождали царевича в пути секретарь и артиллерийский полковник Иоанн Кобулов (Кобулашвили), Заза Андроников (Андроникашвили), Николай Оников (Оникашвили) и я, Ратиев (Ратишвили) Габриэл, адъютант, со слугами.

Следуя из Тифлиса, прибыли мы во Мцхет. Наутро, помолившись в святом соборе, поехали дальше. В Мухрани совершили молебен и, запасшись провиантом, пустились в дорогу. По пути из деревень навстречу царевичу выходил простой люд и, становясь на колени, причитал: «И зачем сын царский покидает нас, оставляет нас сиротами?».

В Ананури встретили нас еще два царевича — Баграт и Михаил с военачальником Георгием Цициановым, и были с ними также казачий капитан Ефим Степаныч с восемьюдесятью казаками. А дальше путь преградил Терек. Перейдя мостами на ту сторону, прибыли

ОТ ПЕРЕВОДЧИКОВ

«Малая повесть о России», принадлежащая перу Габриэла Ратишвили, — один из ранних и, по сути, значительных литературных памятников, являющийся грузинским документально — историческим источником о России. Рассказ очевидца о культурной и общественной жизни дружественной северной страны на рубеже двух веков — восемнадцатого и девятнадцатого — представляет не просто познавательный интерес. Значение этого большого и емкого описания России было осмыслено и объективно оценено

Ильей Чавчавадзе, и в 1863 году он начал публикацию рукописи «Малой повести о России» в своем журнале «Сакартвелос моамбе». Не случайно, что именно в этих же номерах журнала печатались материалы, отражающие идейные установки русской передовой мысли. В частности, переводы статьи В. Белинского «О воспитании детей» и роман М. Лермонтова «Герой нашего времени».

В редакторском примечании И. Чавчавадзе писал, что «этот труд принадлежит князю Габриэлу Ратишвили, который сопровождал царевичей (Иоанна, Баграта и Михаил-

в Ларс. Наутро люди из осетинской деревни подали по-возки для нашей клади, и мы стали пересекать долину черкесскую. А так как существовала опасность на падения чеченов и ингушей в тех краях, то царевичей из осетинской деревни провожал конный конвой. В ту же ночь прибыли к месту покинутой русскими деревни. А назавтра уже оказались в краях Кабардинских. Люди здесь селятся у подножия гор, не деревнями, а хуторами. Дома сплетены из прутьев и обмазаны глиной. Мазанки все выбеленные. Мужчины кабардинские представительные, смелые, лихие. Люди они гостеприимные, по вероисповеданию своему — мусульмане. Завидев нас, собрались все и радовались нашему появлению, угостили чем могли. Спустя два часа продолжили мы путь и затем прибыли вновь к берегам Терека в город Моздок.

Узнавши о нашем прибытии, к нам пожаловали с приветствиями городничий, полицмейстер, комендант и офицеры. Был подан паром, на котором мы, устроившись со всеми нашими людьми и лошадьми, переправились на противоположный берег. Там собралось много народу. Все радовались встрече с нами, поскольку среди встречающих было немало грузин. Пригласили нас в дом Ауштарова Степана, и гостеприимствовал он

ла), когда они переселялись в Россию. Повествует он обо всем, что видел от Тифлиса до Петербурга, и думается, что рассказ этот будет небезынтересным». И действительно, это не просто отрывочное описание какого-либо одного города или памятника зодчества, а смелая попытка создать целостную картину действительности России рубежной эпохи, включающую наряду с описаниями памятников культуры рассказ о конкретных событиях и встречах, наблюдения о жизни разных слоев русского общества и в некоторой степени оценки

тех или иных явлений времени.

Автор повести Габриэл Ратишвили¹, один из просвещенных людей своей эпохи, крестник Ираклия II, был приближенным семьи последнего грузинского царя Георгия XIII и исполнял обязанности эшикахаша (адъютанта) при его сыне, царевиче Иоанне Бато-

¹ Переводчики выражают благодарность правнуку автора «Малой повести...», профессору, доктору медицины Г. И. Ратишвили за сведения, заимствованные из составленной им истории рода Ратишвили.

е добрым сердцем. И нечему было дивиться, ведь был он родом из Грузии, а жили мы там три дня.

Моздок — город небольшой, расположенный на берегу реки Терек. Тут же, на берегу, возвышается дом деревянный, где стоит отряд стражников. Рядом другой дом, живут в нем два лекаря, то есть блюстители карантина. И кто из чужеземцев явится в город впервые, тех раздевают донага и осматривают. Миновав эти дома, подходишь ко рву глубокому и широкому; в ширину он имеет восемь адли⁴. Пересекают ров этот восемь мостов-переходов, и каждый из них охраняется. Первый переход ведет к дому инспектора. Там же размещается полиция. Рядом церковь Святого духа с куполом. Она деревянная, но снаружи крашеная так, будто здание сие из кирпича белого сложено. Внутри церковь убрана иконами богато и расписана. Много священников, дьяков и певчих обученных. Есть и грузинская церковь — ее недавно начали строить, есть две армянские церкви и одна церковь, принадлежащая франгам (так называли в Грузии католиков)⁵.

Город сей строен по архитектурному плану. Улицы

⁴ Адли — мера длины, немногим более 70 см.

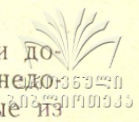
⁵ Здесь и далее примечания переводчиков даны в скобках черным.

нишвили. Вместе с ним Г. Ратишвили принимал участие в войне с Омар-ханом, проявив себя мужественно и геройски в битве при Ниахура. Из имеющихся разрозненных сведений в разных источниках о Г. Ратишвили очевидно, что он был не только литератором, но и человеком, преданным долгу и чести, хорошо знакомым с ратным делом. В 1801 году, когда он совершил свое путешествие, ему было 30 лет, как явствует из текста рукописи. Следовательно, родился он в 1771 году. Годом смерти считается по всем источникам год 1825.

Как человек доверенный и близкий царевичу Иоанну Г. Ратишвили удостоивается чести войти в свиту отправившихся ко двору Павла I. Волей случая Г. Ратишвили прибывает в Петербург вскоре после кончины Павла, присутствует на коронации Александра I. Как известно из рукописи, русский император пожаловал ему чин коллежского асессора. Все свои впечатления и наблюдения, связанные с пребыванием в Петербурге, Москве и других населенных пунктах, через которые пролегал путь Г. Ратишвили, он делает предметом своего повествования.

и переулки разбиты по прямым линиям. Базары⁶ и дома тамошние — все деревянные. В лавках товар недорогой, и все можно найти и купить, и вывезенные из других русских городов хлеб, вино, водку и рыбу также. Жители тамошние: черкесов и осетинов множество, русских меньше, грузин, армян и католиков также много. Одежда у них у всех как наша, и говор там тоже можно услышать грузинский, армянский, татарский.⁷ В городе много фруктов и разных плодов. Есть там и монастырь, ныне пустующий.

Спустя три дня пришло послание от Карла Федоровича, инспектора, в коем он пожелал с нами встретиться. Царевичи решили ехать тотчас же. Подали три кареты и три коляски, и двинулись мы в путь быстрой ездой (на перекладных). В двух местах меняли лошадей и прибыли к месту (в ставку), где находился Кролинг.

Узнав о нашем прибытии, вышел к нам навстречу один полковник и проводил в дом генерал-аншефа Ивана Митрича. Человек он весьма примечательный. Уже

⁶ Здесь и далее автор так называет гостиные дворы, торговые ряды.

⁷ Под словом «татарский», по-видному, подразумевается говор разных народов Кавказа мусульманской веры.

Литературный труд Г. Ратишвили существует в виде рукописи, хранящейся в Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР, и входит в состав сборника, включающего и другие литературные опыты автора, в том числе и стихи. Первая часть оригинала «Малой повести о России» (IV—21 ч) напечатана в 11-м и 12-м номерах журнала «Сакартвелос моамбе» (1863). Полностью рукопись была опубликована на грузинском языке В. Шадури в его сборнике

«Грузинские писатели о России» (Тб., 1962) по тому же оригиналу. Настоящая публикация является первым переводом на русский язык. Прозаическое описание путешествия у автора перемежается, в традициях той эпохи, поэтическими вставками — восхвалениями или же стихотворными описаниями, дублирующими отдельные моменты прозаического текста «Малой повести о России». Все они написаны в форме «шаири», «фистикаури» и др.² При переводе стихотворные вставки нами опускались.

² «Шаири», «фистикаури» — народные формы стихосложения.

Инга БАХТАДЗЕ,
Надежда ДИМИТРИАДИ

не в службе, а просто живет в своем поместье. Известный и богатый, он кавалер орденов Александра Невского, Анны, святого Георгия и Владимира. Иван Митрич — истинно достойный человек и заслуживает высокой похвалы за доброе гостеприимство.

От него мы направились к инспектору. Тот вышел навстречу, сердечно приветствовал и пригласил в дом. Там мы остались на ночь и на следующий день вернулись в Моздок, где и отпраздновали пасху. Затем двинулись дальше в долгий и далекий путь. В конвой дали нам тридцать конных казаков. И днем и ночью, не расставаясь до города Тулы, они сопровождали нас в поездке.

Выехав из Моздока, переночевали в деревне Екатеринодаре, а далее в следующем небольшом городке Егорске⁸. Там наутро комендант сообщил нам весть печальную о кончине императора Павла I. Узнав об этом, царевичи решили обратиться с письмом к инспектору Кронингу о дальнейших действиях. Ответ пришел вскоре, где царевичам предписывалось не задерживаться и ехать дальше, поскольку на престол взошел Александр I.

Не медля выехали мы, переночевав в деревне Северная. Далее, проехав городок Александрию, прибыли в Ставрополь. Из-за поломки кареты и повозок с кладью двое суток пробыли в деревне Московской. Не задерживаясь в пути, по многу раз меняя лошадей, приехали в город Черкесск. Принимали нас генерал и один казачий полковник. Гостили мы у них три дня.

Город Черкесск стоит на Дону. Дон разливается как море, омывая город. С мая по июнь, случается, воды реки становятся столь обильны, что заливают дома, построенные в низине, и наносят жителям большой ущерб. Вдоль реки город опоясан деревянной стеной. Воды Дона протекают через город десятью-двенадцатью протоками. На них стоят мосты, добротные выстроенные. В водах, омывающих город, рыба водится разная, даже форель. Народ тамошний занимается промыслом, налавливая рыбы помногу, засаливая и вывозя затем ее на продажу в среднюю Россию. Промысел

⁸ Егорск — вероятно, Георгиевск.

сей столь велик, что часто можно видеть целые гурты засоленной рыбы.

Дома в городе по большей части каменные, а в деревнях же красиво строенные деревянные, но не русской архитектуры по виду своему. Улицы и переулки разбиты не по прямым линиям, а беспорядочно, тесно примыкая друг к другу. Есть строения в несколько этажей, и поднимаются они ввысь, точно из боязни частых разливов реки. Базары и караван-сарай каменные. И торговых мест разных сколько угодно. Там продаются вина, хлеб, мясо и всякая снедь. И все стоит дешево. В городе есть церковь о семнадцати куполах и собор, то есть главная церковь, большая и каменная. Внутри обе они расписаны, а иконостас богато украшен серебром, золотом и камнями драгоценными. Целая группа обученных певчих по их правилу (то есть по русскому обычаю) поет во время службы. Мы осмотрели также и другие церкви в городе и нашли их тоже хорошо со- держащимися и ухоженными.

Жителей в городе много. Казаки — люди смелые, крепкие и доблестные духом, очень гостеприимны и великодушны. Их одежда и сбруя для лошадей подобна черкесским. Шапки же грузинские, а не черкесские. Женщины их прекрасны: стройные станом, белолицые, черноокие. Одежды у них длинные. Из-под верхней, что покороче, выглядывает нижняя. Подолы платьев подоткнуты не по русскому обычаю, а по иному, но по какому, объяснить не умею. Шапки, покрывающие их головы, как у епископа армянского, бусами и камнями расшитые, а у некоторых парчовые⁹, что зависит от их достатка.

И не просто до конца воздать хвалу хлебосольству казаков. Каждый точно состязается с другим в гостеприимстве своем. И были они таковыми не только по отношению к нам, а правило у них такое и закон.

Спустя три дня мы попросили лодки и поплыли к деревне Яхся. Так же сердечно приняли нас и там. Наутро прислал адъютанта тамошний инспектор, и тот

⁹ Речь идет, по-видимому, о головном уборе замужних казачек, известном под названием очипок.

весьма учтиво попросил царевичей нанести визит его господину. При этом были присланы три экипажа. Нашим гостеприимным хозяином оказался князь Торчаков, весьма состоятельный и широкой души человек. Дом у него был прекрасный, каменный, внутри покой красиво обставлены. Любезно пригласил он нас к столу обильному и убранному богато. Застолье длилось часа три, после чего вышли мы в другое зало, где щедро были выставлены на столах фрукты, сласти и напитки разные. Засим, сердечно распрощавшись с князем, отправились мы к месту своего пребывания. Едучи дорогой, увидели мы вблизи от нее множество черных шатров, из коих выходили и выбегали женщины, дети и мужчины, темные как арабы, и все, от мала до велика, просили подаяния. Людей этих называют цыганами. Однако ж не были они от природы столь темны кожей. Причиной тому, скорее, была грязь и образ их жизни. Не оденут они новых одежд, а скорее потянутся к рвани. И не в диковинку для мужчин и женщин их среди людей появляться почти нагими. Этот народ и в других странах бывает, схож он с тем, что и в России живет. Каждый день люди эти просят подаяния и в городах, и в деревнях. И из года в год так и перебиваются. Богатство их заключается в шатре, что каждой семье жилищем служит. Имеют они также лошадь с повозкой. И не стоят они на одном месте, а кочуют по необъятным просторам куда вздумается. И летом, и зимой они под открытым небом. Работы никакой не знают, да и прибыли тоже. Зато преисполнены души их и разум всякими колдовствами и магией и другими делами сатанинскими. Говорят, что колдовством своим лик человеческий могут преобразать они в звероподобный. Слышать все это было неприятно и жутко. Удалились мы от их стана и переночевали опять в Яхсе. А наутро поехали дальше. Проехали деревни Каменскую, Казанскую у берега Дона, Бичково, Егорскую (по-видимому, станицы того же названия) и затем приблизились к Воронежу. Вблизи города протекала река Воронья. Переброшен через нее мост деревянный длиной в одну версту. Город раскинулся на берегу реки. Стройные деревянные дома, но еще больше каменных, украшают город. Улицы неровные и вытянутые, а выются беспорядочно и вымощены камнем. В

городе множество базаров, караван-сараев и торговых мест. Церковь, добротнo строения, о тринадцати куполах, и в ней служит архиерей Арсений, человек доброй души и внимательный к чужеземцам. Здесь же монастыри, женский и мужской.

Населяют город полностью русские. Одежды, говор и обычаи также русские. Тут стоит военный гарнизон. При въезде нашем в город навстречу нам вышли губернатор и комендант. Они пригласили нас на ночлег в дом богатого купца.

Собор осмотрели мы в праздничный день. Служил сам архиерей Арсений с дружным и хорошо обученным клиром. Внутренность его была богато убрана всякой церковной утварью. По окончании службы вышли прихожане на паперть, и архиерей с клиром вышел во двор, окропляя всех святою водою. Таков у россиян обычай, как в день водосвятия, в седьмой день мая. Потом началась литания вокруг церкви. И мы во все время находились среди народа.

После нашего возвращения домой к нам пожаловал архиерей, благословил царевичей двумя иконами, поприветствовал с благополучным прибытием хлебом и солью, поздравил с праздником. В Европе, встречая лиц высокого сана, всегда преподносят хлеб и соль, по обычаю (автор имеет в виду — в России).

Осмотрели мы в городе базары, караван-сарай и дома. Посетили затем монастырь один женский, где жили сорок четыре женщины.

Все они были облачены в монашеские одеяния, и среди них мать-игуменья. Церковь монастырская прекрасно убрана. Так же прекрасен большой дом с садом. И крепнет и богатеет монастырь из года в год, милостию его величества. Видели мы и мужской монастырь. Он тоже хорошо содержится, и живут в нем монахи в городе, как бы в пустыне.

Наутро, в час службы, пожаловал к нам адъютант городского губернатора. Прислав экипажи, просил он пожаловать царевичей к обеду. Прибыли во дворец. Подали чай, перекусили малость, а потом приступили к обеду, который подобал чину нашему. После того вышли все в другое залo, где было множество сла-

стей, фруктов, а также напитков. Были там и музыканты, и играли они музыку весьма благозвучную. Там же были шахматы, игры разные, на любой вкус или прихоть. Некоторые гости танцевали, другие играли в шахматы или карты и баловали себя напитками. И так мы провели четыре часа.

Потом привели акробата. Натянул он высоко веревку, не туго, а провисающую. Взяв другую веревку и привязав ее к первой, взобрался мужчина наверх. Явилась женщина и стала раскачивать акробата, держа конец свисающего каната. А мужчина двумя руками держался за веревку и делал на ней разные движения. Потом женщина принесла маленький стол, поставила на него хлеб, мясо и вино, а мужчина, повиснув головой вниз, нарезал хлеб, мясо и ел их. Взяв стакан и налив вина, в том же положении выпил его. Диву давались мы его умению. Потом, стоя на канате, выплясывал он, делая разные фигуры. После столь великолепного приема, поблагодарив от души хозяев, отправились мы к себе.

По дороге увидели свинью английской породы, что была высотой с бычка, а в ширину и того более. Уши ее величиной с полторы ладони, свисали, закрывая глаза. И была она на редкость упитанной, с тонкой, пушистой щетиной. И дивились мы всему виденному.

Последнюю ночь провели мы в городе, а на следующий день покинули его пределы. Останавливались в городке Задонске. Город мал, выстроен по русскому обычаю. За городом известный монастырь отца Трифона. Прах его покоится в богато и красиво убранной церкви. К примечательным предметам оной относится икона богородицы с тяжелым большим окладом. Икона та чудотворная. Если в городе что-то теряется, то молятся ей. Дня через два-три украдший приносит украденное и кладет у стен церкви. Церковь обнесена стеной высокой, а внутри раскинулся сад тенистый, в котором струит свои воды ручей. С одной стороны стоит дом большой, со дворцом схожий, и проживает там восемьдесят отцов святых с настоятелем своим. Мы посетили их. Настоятель вышел навстречу царевичам, ввел их в церковь и отслужил параклис. Пригласив в келью свою, долго и велеречиво говорил он с нами. После чего мы откланялись.

110333

На следующий день продолжили наш путь. Паромом переправились на другой берег и через несколько верст подъехали к городу Алесии. Там собравшийся народ сердечно приветствовал нас, выражал свою радость. Разглядывали все нас с интересом и пристально, так как были мы чужеземцами. Должно признать, что таких прекрасных видом людей мне почти нигде не довелось встретить больше в России. Не знаю, кому можно отдать предпочтение в красоте, мужчинам или женщинам. Женщины гурьбой окружили нас, шли за нами, белокурые, светловолосые, кудрявые. Городничий пригласил нас в дом, угостил чаем, а потом обедом. Не останавливаясь в городе, мы последовали дальше. Проехали через Ефремов и прибыли в Тулу.

Тула красива на вид. Дома и улицы ее выстроены на европейский лад. И живут в этом городе дивные кузнецы, ковщики железа, мастера прекрасных ружей, пистолетов, сабель и другого оружия. И известно и ценится оно во всей Европе. Церковь в городе воздвигнута, о тридцати куполах. И другой еще большой собор стоит. Жители города — русские и католики также¹⁰. Говор, одежда и поведение людей — русские. Пробыли мы в Туле два дня: Один день целый посвятили осмотру оружейных складов армейских. Сопровождал нас губернатор. Склады были окружены стеной, и все входы охранялись стражей. Огромное деревянное здание от пола до потолка было забито ружьями, пистолетами, шпагами, саблями, штыками, пиками: Все это лежало штабелями. Здесь же мы увидели два огромных ружья далеких времен прошлого. Каждое было толщиной в человеческую голень. А в другом здании нам показали огромный склад заготовок железа и стали. Оказывается, их было 300500 пудов, и они являлись запасом для изготовления нужного количества оружия в случае надобности для армии государевой.

После Тулы мы направились к Серпухову. Там мы посетили местного купца. Спросил он, чего бы мы пожелали отведать. С дороги уставшие, попросили мы чаю и получили четыре чашки. Выпив, поблагодарили и на-

---

¹⁰ Автор, по-видимому, имеет в виду иностранцев-европейцев.

правились к своим экипажам. Купец же задержал нас, сказав: «Чай вы пили в доме моем, и извольте заплатить за это». И потребовал он ни много ни мало, ^{10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 45, 50, 55, 60, 65, 70, 75, 80, 85, 90, 95, 100} восемь рублей. Велико было наше удивление, и попросили мы назвать действительную цену за выпитые четыре чашки чаю. Снизил он цену до шести рублей. Пришлось дать этому разбойнику пять. И пусть бог будет судьей ему!

Еще девяносто верст пути, и вот она — Москва — город столичный. При въезде нас встретил полковник, посланник Ивана Петровича Салтыкова, который был наместником. Люд московский почитает его, как и государя. Встретивший нас полковник проводил до дома, отведенного нам для постоя.

Постараюсь, по возможности, описать город, что Москвой называется. На подступах к нему есть поселение небольшое, на возвышении стоящее так, что оттуда весь город как на ладони виден (**район Воробьевых гор**). Неподалеку река Москва протекает. Воды ее текут в город с запада, а потом река с притоками пересекает его извилистой линией. И повсюду берега имеют деревянные настилы и укреплены тесаным камнем. В четырех местах каменные мосты перекинута, а в других — деревянные. Набережные ограждены перилами деревянными, а во многих местах железными решетками. Прямо вниз ведут ступени для того, чтобы люди спускались к воде и могли бы поить лошадей и скот. В водах реки рыба водится, но не крупная, а мелкая. Улицы и переулки не отличаются строгостью линий, а наоборот, узки и беспорядочны. Улицы вымощены все камнем, ибо в этих местах после дождя люди сильно вязнут в грязи. С обеих сторон улиц возвышаются фонтаны большие и со стеклами, для рассеяния ночной тьмы. И часто друг от друга стоящих, их в городе много сотен. Дома и дворцы по большей части каменные, но и деревянных немало. Подвалы домов погребом служат, и так их и называют. А повыше комнаты жилые, что сдаются в наем. И живут в них бакалейщики, свечники и разные подобные им ремесленники. А дальше идут еще два, три-четыре этажа, снаружи выкрашенные в разные цвета. Балконы домов фигурные, чугунные и тоже выкрашенные. На фасадах многих домов различная лепнина и скульптурные изображения женщин и мужчин, птиц и животных. То же самое обычно для

стен, потолков, печей и каминов внутри домов. Во многих местах стоят павильоны красивые, на чужеземный лад выстроенные. Дома имеют множество желобов и труб для отвода дождевых вод. Дворцы опоясаны каменными оградами с дивными по красоте чугунными решетками. А ворота высокие, огромные такие, что карета шестериком свободно въезжает. На воротах кованые гербы и вензеля, указывающие имя и все титулы владельца. И выполнены они с таким совершенством, что каждый купец или чиновник, увидев, тотчас же узнает, кому они принадлежат. А внутри оград с одной или с обеих сторон к дворцам и домам сады примыкают. В садах тех произрастают мелкая белая слива, дикая груша и мелкие яблоки. А других фруктовых плодоносящих деревьев нет. Те же, что есть, украшают вид, открывающийся глазам. Во дворах везде колодцы с питьевой водой.

Так выглядят жилища внешне. Внутри же домов на стенах, расписанных красками, обитых шелком или же выбеленных мелом и оклеенных бумагой (обоями), висят канделябры. Полы в домах настланы из дерева и до того воском натерты, до того блестящие, что, взглянув в них, себя как в зеркале увидишь. Полы украшают наборные узоры из треугольных, круглых и иной формы плашек. Окна высокие, часто расположенные, с зеркальными стеклами, они занавешены сверху донизу занавесями, по-разному вышитыми. У окон расставлены маленькие столики. Некоторые мраморные, другие хрустальные или деревянные, расписные. Вдоль стен рядами стоит много стульев и кресел. Есть среди них канапе, что означает длинные стулья, на которых человек может наполовину лежа поместиться. Обиты все они шелком расшитым или ситцем. Множество зеркал, в человеческий рост стоящих, украшают богатые покои. Там же можно видеть часы в серебряных, фарфоровых и деревянных, разной формы и величины, футлярах. Одни часы высоко на стенах прикреплены, другие стоят на столах, издавая то органные звуки, то щебет птичий, то колокольный звон. Большое число портретов ныне живущих и здравствующих государей и хозяев домов, их жен, детей и родственников развешано в этих комна-

тах. Высоко в углу обычно покоится икона. И как только вступишь в дверь, сразу видишь ее. И, по обычаю россиян, надобно, войдя, трижды перекреститься и только потом поклониться присутствующим. В комнатах парадных много также люстр хрустальных или стеклянных — больших и малых. Все перечисленное и составляет убранство жилых помещений в домах.

Как нас убеждали жители Москвы, в городе тысяча шестьсот церквей, с куполами и без куполов. Главной церковью Успенский собор называют. Не так уж он и велик по размерам, почти такой же, как Сионский собор в Тифлисе, но весьма старинной кладки, и роспись в нем древняя, от пола и до потолка, по стенам. Два праха святых отцов покоится там. И на каждой службе во время молитвы стоит над ними один священник и кадит кадиллом до конца богослужения. Здесь же хранится гвоздь, которым рука господня была прибита к кресту. В соборе находится икона успенья богоматери, большая, и оклад ее обильно усыпан дорогими камнями. Иконостас в церкви расписан, и хранится в стенах ее много святых мощей. С правой стороны стоят троны для императора и императрицы, красочно разукрашенные. И восседают царственные супруги на них при венчании государя на царство, что происходит не где-нибудь в другом месте, а именно в Москве и в этом соборе. С левой стороны помост для архиерея, лицом к иконе богоматери обращенный. Церковь освещает множество светильников и люстр хрустальных. В центре висит большой серебряный светильник, с дивным мастерством исполненный и стоящий, как нам сказали, сто пятьдесят тысяч рублей. Светильник тот — преподношение одного сиятельного князя.

Архиерей собора Платон — человек почтенный, достойный и просвещенный. Он имеет сан митрополита и числится архимандритом Московским и Троицкой церкви, носящей также имя успенья богоматери и стоящей в двадцати пяти верстах от столицы. Архиерей Платону принадлежит дворец великолепный, но не живет он в нем. В других местах есть у него также жилища с церквями, и там он пребывает по обыкновению.

Вблизи Успенского собора возвышается колокольня, построенная Иваном Великим и именем его нареченная. Колокольня столь высока, что выше нее в городе

не найдется. И если взойти на нее, то сверху пред тобой весь город как на ладони раскинется из края в край. У подножия колокольни стоит стража. Пройдя через низкий сводчатый вход, поднимаешься по двустам шестнадцати ступеням. Колокольня четырехэтажная. На последнем этаже висит 36 колоколов, больших и малых. Дальше уже подыматься некуда — все венчает крест. Рядом с колокольней, прямо на земле стоит огромный колокол, и стража при нем несет караул постоянно. И выполнен колокол дивно искусно на диво, имея в узорном литье изображения двенадцати апостолов и четырех архангелов. Край у него отбит и через отверстие можно проникнуть вовнутрь. И сказали нам, что весит колокол 12 000 пудов, или что означает по нашему 60 000 литр.

Вблизи расположен каменный дом, где стоят пушки на лафетах и при них караул. За собором стена каменная, за ней базар, гостиным двором именуемый. Этот базар строен прямоугольным, каменной кладки он и делится на линии — улицы. И в каждой линии, в торговых рядах торгуют предметами одного назначения, не смешивая с другими. И найти здесь можно все, что угодно. В начале и конце каждой линии высоко покоятся иконы, обрамленные тяжелыми окладами, и перед ними теплятся лампы. Торговые места купцов тамошних весьма высоки по цене своей. Посему и цены на свои товары кладут большие и только после долгих споров с торгующимся покупателем возвращаются к истинной цене товара. Таково правило и обычай местных купцов.

Тамошние жители все до единого христиане. Малость армян встречается. Живут также католики, кальвинисты, лютеране, евреи и люди других верований. Есть немного греков, у которых и церковь своя имеется. Жизнь и обычаи местные русские, а иногда и французские. Одежды мужские и женские чаще всего французские, поведение (этикет) также почитается французское. Говорят в Москве по-русски. Но часто можно услышать и французскую, и немецкую речь, а иногда и речь других европейских народов. Люди в Москве зажиточные и обычно живут благоденствуя.

Древняя часть города опоясана стеной, с внешней стороны которой тянется глубокий и широкий ров. За ним располагаются соборная церковь, дворец государя и другие дворцы, принадлежащие государевой казне, а также разным вельможам. Есть там и другая стена со рвом, за которыми стоит упомянутый гостинный двор. Трудно описать все достоинства и мощь крепостных стен, за которыми размещается гарнизон. У главного входа находится икона с тяжелым окладом. У ворот же внутренней стены можно видеть икону Иверской божьей матери. Все приближающиеся к ней, от мала до велика, снимая шапки, кланяются святыне в пояс. Ежели кто сидящий в карете или другом экипаже или пеший не снимут шапки, то стоящий караул заставит насильно обнажить голову и только после сего пропустит в ворота. Так здесь принято издавна, по обычаю.

Совсем далеко от огражденной части города расположен вал. Мне трудно было установить, каково число проходов через него, называемых заставами и охраняемых стражниками. И никто без паспорта не может проникнуть в город или выехать из него.

Москва что в ширину, что в длину — одинакова, и уверяли меня жители ее, что Георгию-царевичу для того, чтобы объехать хорошим ходом на лошади город, понадобилось двенадцать часов.

За городом с северной стороны расположены сады и огороды, где выращивают капусту красную и белую, салат, морковь, редис, свеклу, земляные яблоки (**картофель**), лук, чеснок — всего этого во множестве, а также растет там петрушка, киндза и многие другие травы. У кого есть оранжереи или теплицы, то всякие плоды выращивают там, кроме винограда. Виноград, дыни и арбузы привозят из Астрахани. И все перечисленное, так же как и вина, и водка, чаще всего привозимые из Петербурга, продаются здесь, и все стоит дешево.

Узнав о нашем прибытии, проживающие в Москве грузины, которые издавна поселились там, поспешили повидать соотечественников. Радовались они нам, а мы им не менее.

На второй день пожаловали мы на прием к Ивану Петровичу Салтыкову. Лично он нас у порога дворца

своего встретил, сердечно поприветствовал царевичей, и оставались мы у него недолго.

В один из дней посетили мы французскую и лютеранскую церкви. Церковь французов, с небольшим куполом, была украшена дивными иконами, совсем не по-нашему писанными. В церкви длинные скамьи рядами, разделенные проходом. С обеих сторон сидели впереди женщины, а в последних рядах мужчины. Каждый из них в руках держал молитвенник и читал его. Высоко (на хорах) возвышался орган большой. Около него располагалось по двадцать четыре певчих, с правой и левой сторон. Пришел патер (дословно — отец духовный), по-нашему священник. Одет он был наподобие офицера, в черном, длинном, до полу свисающем с плеч, плаще. На одно колено он опустился перед алтарем. Алтари их походит на армянский, и иконы у них расположены также. Патер облачился в белое одеяние из холстины, наподобие стихаря, опоясал себя широким парчовым поясом и сверху еще одно одеяние до пояса одел. И нигде не было пуговиц для застежек. Вышел он из ризницы (сакристии), принял чашу с причастием, поставил ее на алтарь и молился тихо. Сзади к нему подошел человек с маленьким колокольчиком. Он звонил, а потом принес два небольших сосуда с вином и водой, вылил все в чашу, взял маленький хлебец (облатку) и положил туда. И после этого заиграл орган. Запели певчие, вместе с ними все прихожане, и женщины, и мужчины. Вскоре патер взял чашу, съел хлебец малый и выпил вино разбавленное. Подошли восемь человек причащающихся, стали на колени у алтаря, из которого патер взял те малые хлебцы, и дал по одному каждому из них. Съев их, причащавшиеся вернулись на свои места. Мужчина с колокольчиком дал им также выпить разбавленного вина. И это было их причастие. А патер снял свое облачение, вышел, поклонился народу. На том служба окончилась, и все разошлись.

Оттуда направились в лютеранскую церковь. Большая она была, и была в ней только одна икона великая, двенадцать апостолов изображающая, и больше ничего. Как у французов в церкви, так и здесь были расставлены скамьи для женщин и мужчин. Так же держа-

ли они в руках молитвенники и читали их. Здесь тоже играли на органе, пели певчие и все прихожане. Затем явился пастор. Он был тоже в одежде наподобие офицерской, в черном плаще до полу, волочившемся за ним при ходьбе. Поклонившись перед алтарем, он отошел подальше и молился. Опять вернулся к алтарю и читал евангелие, и прихожане пели, сопровождаемые звучанием органа. Так они завершили утреню. Потом пришел другой пастор, вошел в ризницу, облачился наподобие того, французского священника. Он также взял чашу, разбавил вино с водою, положил туда малый хлебец, помолился, прочитал евангелие. И играли вдохновенно на органе, и пели прекрасно в той церкви. Закончив службу, поднялся пастор на высокую кафедру и начал проповедь по-латыни. Некоторое время мы еще смотрели и слушали, а затем покинули церковь лютеранскую.

В один из дней приехал к нам комендант города и предложил: «Не угодно ль посетить и осмотреть дворец царский и казнохранилище?»¹¹. И отправились мы с ним, и увидели дом государев. А было в нем ни много ни мало покоев восемьдесят восемь больших и малых. Среди них четыре огромных залы. И в каждой из них по трону с балдахином. Трудно описать великолепие всех тех покоев. Далее осмотрели мы казнохранилище, где увидели:

а) серебряные, позолоченные приборы для стола, все разные по форме и рисунку, дивно выделанные то в виде животных, птиц, то в виде фигур женщин и мужчин. Здесь же были выставлены на обозрение сапоги Петра I. И были они столь велики, что каждого хватило бы на две ступни крупного мужчины. Видели мы и пику царя Петра, и другое его оружие;

б) были там два трона государева, окованные золотом и дорогими камнями изукрашенные, на коих при коронации император и императрица восседают. Тут же можно было увидеть по две пары одежды мужской и женской, принадлежащие царским особам, а также корону, скипетр, державу и порфиру;

в) видели мы часы чудные, мастерски исполненные, в золоте или серебре, усыпанные драгоценными

¹¹ Автор имеет в виду Оружейную палату.

камнями. И когда часы били, из них выходили фигурки: мужчин, женщин и животных под звуки музыки, подобной органной. Там же были шкатулки разные, золотые и с бриллиантами. Лежали тяжелые ножи и вилки, рукоятки коих тоже украшены бриллиантами были;

г) осмотрели мы уборы и сбруи конские серебряные, позлащенные, некоторые же золотые с камнями, а также попоны, обильно расшитые жемчугами. Среди оружия было всякое: персидское, азиатское и европейское, а также доспехи воинские всех стран, и старинные, и совсем новые;

д) увидели мы на диво огромный рог зверя единорога, толщиной в локоть. Там же были вывешены до двадцати платьев тяжелых парчовых императорских и подобные им для императриц. И объяснили нам, что как только восходят на престол император или императрица, эти одеяния с того дня сохраняются здесь;

е) рассматривали мы множество висящих там по стенам портретов мужских и женских. И сказали нам, что это все исстари царствовавшие особы государей и члены царских семей. Там же находились огромные часы золотые. Когда пробило час, начал играть орган. Раскрылись дверцы в часах и вышли оттуда шесть молодых мужчин и двенадцать женщин. Под звуки того органа кружились они танцуя. А потом дверцы затворились, за которыми фигуры движущиеся исчезли. Истинно велико было искусство мастера, их создавшего;

ж) показали нам и литые фигуры чугунные на лошадях. Одна из них царя Александра Македонского изображала, а другая — царя Дария. Александр держал в руке копье, а Дарий — меч, и смотрели они друг на друга грозно. И с таким искусством были они изваяны, что казались живыми. Имелось там также множество оружия старинного. Осмотрев все названное, вышли мы из дворца и у дверей его любовались мраморными изваяниями мужских и женских фигур, а также птиц и животных.

Вскоре после того посетили мы Чудов монастырь,

неподалеку от дворца стоящий, где архиереи наши¹². И в тот день пригласил нас епископ Евлогий Авалишвили отобедать у него.

На следующий день поехали мы осмотреть сады царские. И было в них народу такое множество, что пройти можно было с трудом. Но все вокруг являло зрелище прекрасное. Особенно расположенные в трех местах пруды с рыбками, лицезрением и кормежкой коих развлекались стоящие и сидящие на расставленных по берегам многочисленных скамьях люди. В саду стоит небольшой дворец, красиво обставленный. Перед дворцом мост каменный, под которым течет Москва-река. А по обеим сторонам моста фонтаны красивые с фигурами зверей и птиц, из пастей, ноздрей и ушей которых извергалась вода, красиво разбрызгиваясь. С другой стороны дворца есть сад инженерный¹³, где в помещениях, отапливаемых печами и со всех сторон имеющих множество окон со стеклами, выращивают фрукты. И увидели мы внутри множество фруктовых деревьев в горшках и кадках: сливы разные, яблоки, груши, инжир, персики, черешни, апельсины, лимоны, ананасы и другие. Все, кроме винограда. Хотя, по правде, и была там одна лоза маленькая, но не было на ней плодов. Среди всего этого изобилия иные плоды были уже зрелыми, другие только наливались соком, а третьи лишь завязывались. Было там также великое множество цветов. И являло все это картину прекрасную. Пробыв некоторое время в этом саду дивном, вышли мы из помещения, расставшись с необычным зрелищем.

Окончание следует

¹² То есть грузинские.

¹³ По-видимому, речь идет об оранжерейном саде.

В. И. ЛЕНИН неоднократно подчеркивал, что социалистическая дисциплина труда, возникшая в результате уничтожения эксплуатации и смены труда подневольного трудом на себя, основанная на общественной собственности на средства производства, сознательности трудящихся, товарищеских, коллективистских отношениях, является решающим фактором социалистических преобразований и формирования нового уклада жизни миллионов людей. При характеристике сущности и основных черт дисциплины труда у В. И. Ленина часто встречается сочетание — товарищеская дисциплина, что означает реальное осуществление и принципов социалистического гуманизма. Это качественно новая ступень человеческих взаимоотношений, вбирающая в себя взаимное уважение и доверие, сотрудничество и взаимопомощь, признание прав и свободы личности, ее достоинств, общность взглядов и интересов.

В сознательной товарищеской дисциплине труда Ильич видел основу формирования и развития коммунистической организации общественного труда, критерий общественного признания личности, ее социально-

Ираклий РЕХВИАШВИЛИ

СВЕРЯЯСЬ С ЛЕНИНЫМ

●
УСКОРЕНИЕ.
ДИСЦИПЛИНА ТРУДА.

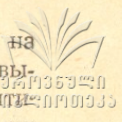
го статуса. Осмысление ленинского положения о том, что социалистическая дисциплина труда является новой формой общественной связи, обуславливает ее важность и значение особую роль в обществе. Дисциплина труда в социалистическом обществе не ограничивается производственной сферой, решением задач организации трудовой деятельности. Она проявляется и в общественно-политической, и духовной, и в семейно-бытовой сферах общественной жизни. Создание четкой и стройной организации дисциплины труда, обеспечивающей ее прочные повседневные формы, В. И. Ленин считал самой трудной задачей, реализация которой потребует многих лет и десятилетий, и вместе с тем самой благодарной и благородной работой, имеющей всемирное значение. Исторические судьбы социализма он связывал с высокой организацией нового способа общественного производства, с формированием сознательной социалистической дисциплины труда.

Сверяясь с ленинским учением, испытанным временем и подтвержденным всем ходом исторического развития, Коммунистическая партия разрабатывает стратегию и тактику дальнейшего продвижения вперед.

XXVII съезд КПСС подтвердил и одобрил своевременность, необходимость, всемирно-историческое значение выбора, сделанного Коммунистической партией, выдвинувшей генеральную стратегию ускорения социально-экономического развития страны — и достижения нового качественного состояния советского общества. Это результат всестороннего и глубокого научного анализа процессов общественного развития в соответствии с ленинским принципом: реально оценивая достигнутое, намечать пути дальнейшего продвижения вперед.

Необходимость ускорения социально-экономического развития страны обусловлена внутренними ее потребностями, а также важными внешними обстоятельствами, такими, как необходимость укрепления обороноспособности, сохранения мира и предотвращения ядерной катастрофы, противостояние агрессивной империалистической политике.

Ускорение социально-экономического развития страны связано с качественными сдвигами в экономике, изменениями и преобразованиями во всех сферах общественной жизни, с совершенствованием всех общественных отношений. Генеральная стратегия и тактика партии на новом и сложном этапе исторического развития нашего общества воплощены и конкретизированы в важных съездовских документах: новой редакции Программы КПСС, Устава КПСС, Основных направ-

лениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и в период до 2000 года. Выполнение выдвинутых партией задач требует усилий и единства политической, хозяйственной и организаторской работы, мобилизации всех факторов и резервов. Это безотлагательное, общепартийное, общенародное дело, в котором трудно переоценить значение сознательной дисциплины труда, ее укрепления и совершенствования.

Ленинское понимание роли и значения дисциплины труда актуально для всех этапов развития нашего общества. Его актуальность возрастает по мере продвижения вперед. Опираясь на бесценное ленинское наследие, Коммунистическая партия проводит большую работу по совершенствованию и укреплению социалистической дисциплины труда во всех ее проявлениях, повышению организованности, наведению порядка, устранению всего, что мешает развитию. На нынешнем этапе исторического развития увеличивается потребность общества в сознательной дисциплине труда, усиливается объективная необходимость ее совершенствования. Это объясняется важностью, масштабами и сложностью решаемых задач политического, экономического и социального характера, особенностями развития производительных сил и производственных отношений, новым уровнем обобществления производства и переходом экономики на путь интенсификации.

Деятельность КПСС в этом направлении — свидетельство творческого подхода к пониманию роли и значения социалистической дисциплины труда для нынешнего исторического этапа развития нашего общества. На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев сказал: «Особенно актуален сегодня вопрос об укреплении порядка и дисциплины. Это — настоятельное требование дня, которое советские люди понимают широко, включая сюда порядок на производстве и в сфере обслуживания, в общественной жизни и в быту, в каждой трудовой ячейке, в каждом городе, в каждом селе. И мы приложим все силы, чтобы в стране укреплялся такой порядок» (Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. — М.: Политиздат, 1985, с. 17).

Дисциплина труда в условиях социализма является одним из главных факторов укрепления материальных и духовных основ общества, всестороннего развития личности, формирования творческого отношения к труду. Все это связано с процессом постепенного превращения труда в первую жизненную потребность, которая немыслима без самодисциплины

сознательных тружеников. Проявившееся в первые годы Советской власти стремление трудящихся масс к дисциплине, порядку и организованности стало тенденцией социалистического общества. Сознательное и добросовестное отношение к трудовой деятельности, понимание взаимосвязи благополучия общества с благополучием каждого, выражающееся в емкой формуле «общество — человеку, человек — обществу», во многом обуславливает роль дисциплины труда как могучего резерва социально-экономического развития страны на современном этапе развития. Не требующая особых затрат и капиталовложений социалистическая дисциплина труда обеспечивает сравнительно быструю и значительную отдачу. «Жизнь показала, какое единодушное одобрение получают в народе меры по наведению порядка, какие они дают весомые результаты», — подчеркнул М. С. Горбачев на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС (там же, с. 17).

Практическое осуществление выдвинутых в концепции ускорения социально-экономического развития кардинальных задач, прежде всего в экономической, а также в других сферах общественной жизни, связано с сознательной дисциплиной труда. Это — перевод экономики на путь интенсивного развития, совершенствование хозяйственного механизма и системы управления, достижения высшего мирового уровня производительности общественного труда, улучшение условий труда и быта, совершенствование распределительного механизма и соблюдение принципа социальной справедливости, повышение трудовой и социально-политической активности трудящихся, утверждение норм и принципов коммунистической морали и социалистического образа жизни и т. п.

Даже самого прилежного соблюдения правил трудового распорядка, что само по себе очень важно, и ординарной исполнительности недостаточно для успешного решения этих задач. «Сейчас уже недостаточно простой исполнительности, хотя и ее порой не хватает. Все больше возрастает значение таких деловых качеств, как компетентность, чувство нового, инициатива, смелость и готовность брать ответственность на себя; умение поставить задачу и довести до конца ее решение; способность не терять из виду политический смысл хозяйствования. И еще... желание учиться работать». (Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 года. — М.; Политиздат, 1985, с. 20).

Обществу в возрастающей степени необходима дисциплина труда, основывающаяся на факторе сознательности, в соче-

тании с высокой ответственностью и активностью. Осознанное выполнение трудовой деятельности, понимание значимости трудового вклада в общее дело, забота о производстве в конечном результате труда — неотъемлемые черты его социалистической дисциплины.

В партийных документах последних лет неоднократно разъяснялось, что суть социалистической дисциплины труда — в полной отдаче каждого на своем рабочем месте. Это значит — трудиться честно, добросовестно, творчески. Именно такая дисциплина труда соответствует уровню современных требований, может обеспечить существенные результаты в производственной и других сферах общественной жизни. Совершенствование дисциплины труда следует рассматривать как важную хозяйственную и еще в большей мере политическую задачу. Формирование и укрепление социалистической дисциплины труда, искоренение всяких ее антиподов является программным требованием Коммунистической партии, определяющим ее политический характер и значение.

Необходимость упрочения дисциплины труда обусловлена и тем, что успешное осуществление концепции ускорения партия связывает с повышением роли человеческого фактора — решающего фактора всех перемен. Глубина и масштабность преобразований, направленных на достижение нового качественного состояния нашего общества, требуют полной отдачи, ответственного и активного участия всех в этом процессе.

Возрастание роли человеческого фактора обусловлено расширением сферы производственной деятельности человека, изменением его функций и места в производственном процессе. Научно-техническое обновление производства связано с ростом значения и роли квалифицированного труда, повышением его содержательности и привлекательности, улучшением условий труда и быта трудящихся. Все это усиливает требования к формированию у каждого человека осознанного отношения к дисциплине труда. На современном этапе развития нашего общества она далеко выходит за рамки требований правил трудового распорядка, представляя собой явление, суть которого тесно связана с повышающейся трудовой и социально-политической активностью масс. Дисциплина труда выражает направленность мировоззрения личности, характеризует степень усвоения норм и принципов коммунистической морали. В ней фокусируются ценностные ориентации рабочего класса, широких слоев трудящихся.

Формирование и совершенствование дисциплины труда

должно в полной мере опираться на главное преимущество социализма — общественную собственность на средства производства. В более высоком типе общественной организации труда по сравнению с капитализмом В. И. Ленин видел источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма» (См. там же, т. 39, с. 13).

Все, что имеет и чем располагает сегодня человек, связано с основой социализма — общественной собственностью на средства производства. Это надо глубоко сознавать, помнить и ценить. Беречь социалистическую собственность, заботиться о ней — почетный гражданский долг и благородная обязанность каждого человека. Особенно важно это в деле воспитания подрастающих поколений, к нашему счастью, не испытавших ужасов войны, великими завоеваниями социализма навсегда избавленных от эксплуатации, безработицы и бездомности, тяжелой участи биологической заклеяемости, безысходности и обреченности. Реализация огромного потенциала преимуществ социализма, содержащегося в его основе — общественной собственности на средства производства, одно из главных направлений в деятельности всех звеньев, участвующих в воспитании и формировании всесторонне развитой личности.

Большими возможностями располагают трудовые коллективы. В них происходит становление гражданской зрелости человека, формируется сознательное отношение к социалистической собственности и труду — фундаменту социалистического образа жизни. Задача состоит в том, чтобы трудовые коллективы полнее использовали потенциал, предоставленный им первым в истории Законом о трудовых коллективах.

Нужно, чтобы рабочие почувствовали и поняли, говорил В. И. Ленин, «что власть — это мы. Хозяин промышленности, хозяин хлеба... это мы». (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 466).

Это — заинтересованное, мудрое, рачительное, заботливое отношение к общественной собственности. Бережливое и экономное отношение к ней, имеющее все более возрастающее значение в деле приумножения общественного богатства по мере продвижения нашего общества вперед, становится необходимым резервом интенсификации экономики, фактором политики режима экономии. Сознательная дисциплина труда, чувство хозяина и высокой ответственности, формируясь в процессе труда, на основе общественной собственности, в свою очередь оказывают решающее влияние на правильное соотно-

шение личных и общественных интересов. Происходит процесс трансформации подчас эгоистичного и индивидуалистического «моего» в коллективистское «наше», в отношении к которому до сих пор еще имеют место безразличие, равнодушие или попытка урвать себе побольше.

Общественная собственность на средства производства и освобожденный труд обуславливают основной принцип социализма — распределение по труду, который является одним из основных факторов эффективного функционирования всего народнохозяйственного комплекса, социальной справедливости в распределении материальных и духовных благ. Важное направление формирования сознательной дисциплины труда — дальнейшее совершенствование оплаты по труду, его качеству и количеству, повышение коллективной и личной заинтересованности в конечных результатах труда, умелое сочетание материального и морального стимулирования. Поэтому партия уделяет большое внимание проведению решительных и действенных мер по совершенствованию и очищению распределительного механизма от уравниловки, нетрудовых доходов, всего, что противоречит принципам и нормам социализма.

В докладе на XXVII съезде КПСС М. С. Горбачев подчеркнул: «Сегодня мы должны признать, что вследствие ослабления контроля и ряда других причин обозначились группы людей с отчетливо выраженными собственническими устремлениями, с пренебрежительным отношением к общественным интересам... Признано необходимым уже в ближайшее время осуществить дополнительные меры, направленные против тунеядцев, расхитителей социалистической собственности, взяточников, против тех, кто встал на путь, чуждый трудовой природе нашего строя».

Бескомпромиссная и наступательная борьба с этими явлениями соответствует ленинскому требованию «...деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 91).

Противопоставить этому злу необходимо неотвратимость наказания, общественное мнение, повышение ответственности, требовательности и дисциплины во всех звеньях и на всех уровнях, контроль за мерой труда и потребления, неприкосновенность общественной собственности. Очень важно искоренить причины, порождающие условия для негативных явлений, в том числе мещанство, потребительство, вещизм, частнособственнические и мелкобуржуазные проявления. В. И. Ленин, говоря о формировании новой дисциплины труда и нового ук-

лада народного хозяйства, не исключал рецидива нравов, «...надолго загаженных, испорченных проклятой частной собственностью на средства производства, а вместе с ней всей той атмосферы...», которая неминуемо порождается — и постоянно возрождается вновь...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 107—108).

Практика социалистического строительства показывает, что частнособственнические и мелкобуржуазные проявления живучи. Их искоренение — не простое дело.

Воспитание и становление социалистической дисциплины труда В. И. Ленин рассматривал как форму классовой борьбы (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 264, 453 — 456). Развивая это положение в статье «О характере наших газет», он писал: «Разве классовая борьба в эпоху перехода от капитализма к социализму не состоит в том, чтобы охранять интересы рабочего класса от тех горсток, групп, слоев рабочих, которые упорно держатся традиций (привычек) капитализма и продолжают смотреть на Советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже — содрать с «него» денег побольше» (Там же, т. 37, с. 90).

Как отмечалось в докладе М. С. Горбачева на XXVII съезде КПСС, «...ускорение социально-экономического развития страны — ключ ко всем нашим проблемам: ближайшим и перспективным, экономическим и социальным, политическим и идеологическим, внутренним и внешним. Только таким путем может и должно быть достигнуто новое качественное состояние советского общества».

Известно, что 1 мая 1920 года В. И. Ленин выступил с речью на митинге, посвященном закладке памятника Освобожденному труду. В этот же день он осмотрел выставку эскизов памятника Освобожденному труду в нынешнем музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 105, 618).

Создание памятника - мемориала Освобожденному труду стало бы выражением чувств глубокого уважения и благодарности советского народа к тем, кто впервые в истории утвердил на земле Труд, Мир, Братство и Счастье людей.

Думается, это явилось бы одной из лучших форм пропаганды преимуществ социализма и воспитания молодых поколений — продолжателей нашего дела на великом пути к коммунистическому идеалу.

ВО ВСЕ времена и эпохи основной отличительной чертой трагического произведения (пьесы, романа, поэмы, рассказа и т. д.) было глубокое несчастье, чаще всего — физическая гибель главного героя. Различия между тем или иным типом трагического вытекают из различного философского осмысления причин несчастья и гибели героя. Говоря иначе, герои трагических произведений терпели телесные муки и физически гибли всегда, во все времена, менялись лишь причины их мучений и гибели, — различно, в духе каждой эпохи, истолковывалась и оценивалась социально - общественная значимость судеб трагических героев.

Мучение и гибель героя вызывает в читателе чувства страха, скорби, сострадания. Вместе с тем читатель видит, что мучение и гибель героя являются логически неизбежным следствием развития характеров и сюжетных линий в произведении. Трагический герой почти всегда обречен на неизбежную гибель. Это обстоятельство обуславливает особенное положение трагического в истории культуры. Это же обстоятельство вызывает споры на тему — оптимистично или пессимистично в своей сущности трагическое произведение.

КРИТИКА

И

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Рамаз КОБИДЗЕ

ЕЩЕ РАЗ О ТРАГИЧЕСКОМ

Численный перевес в этом споре, несомненно, на стороне призеров оптимистичности трагического. К ним относятся Аристотель, Лессинг, Гегель и еще многие исследователи трагического. Большинство современных советских авторов также считает трагическое жанром оптимистическим — А. Зись, Д. Средний, Ю. Боров и другие.

В своем интересном труде «О трагическом» одну из глав Ю. Боров посвящает оптимистичности трагедии. Причем Ю. Боров считает оптимистическими не только трагедии, созданные советскими писателями по принципам социалистического реализма. «В наших критических трудах, — пишет Ю. Боров, — оптимизм неправоммерно объявляется специфической и отличительной чертой советского искусства. Это неверно. Оптимизмом были признаны реалистические трагические произведения прошлого, трагедия по своей природе является искусством оптимистическим»¹.

Оптимистичность дореволюционной трагедии Ю. Боров иллюстрирует на примере оперы Глинки «Иван Сусанин». Не оспаривая положения Борева об оптимистичности всех подлинных трагедий, как дореволюционных, так и созданных по принципам социалистического реализма, мы считаем нужным указать, что пример для иллюстрации подобран Боровым в данном случае не совсем удачно.

«Это трагическое произведение, — пишет исследователь о «Иване Сусанине», — возвеличивает геройство русского крестьянина, его преданность родине. Вся опера пронизана оптимизмом, в основе которого — вера в непобедимость русского народа, что с особенной силой чувствуется в финальном хоре «Славься!»².

Все это — так. Иван Сусанин — образ героический, и опера пронизана духом оптимизма. Но где же «трагическая ошибка», отличающая трагического героя от героического? Иван Сусанин с самого начала знал, на какие муки идет, знал, что ему придется поплатиться жизнью, чтобы спасти страну. И он пошел на это сознательно. Этого вполне достаточно, чтобы отнести Сусанина к числу самых замечательных героев русской истории и навеки прославить его имя. Но при чем здесь трагедия? Трагического в образе Сусанина нет, ибо он — Сусанин — не совершает «трагической ошибки».

Вспомним определение трагического, данное Ф. Энгельсом: «Трагическая коллизия состоит между исторически необходимым

¹ Ю. Боров, «О трагическом», М., 1961, с. 274.

² Ю. Боров, «О трагическом», М., 1961, с. 209.

постулатом и практической невозможностью его осуществления»³

Приводя эти слова в своей книге, Ю. Боров тут же прибавляет: «Таковы природа и сущность важнейшего конфликта, порождающего трагическое»⁴.

Это, конечно, так. Но следовало обязательно подчеркнуть и то, что в определении трагического, данным Ф. Энгельсом, подразумевается не только возможность, но и неизбежность совершения трагической ошибки участником конфликтной ситуации. Ведь конфликтная ситуация может возникнуть лишь в том случае, если все же будет предпринята попытка осуществления исторически необходимого постулата. Для возникновения коллизии обязательно должна быть предпринята попытка. Но раз эта попытка, в силу практической невозможности осуществления, и в самом деле остается попыткой (до конца не осуществляется), то она и является трагической ошибкой, приводящей героя к гибели. Поэтому и считается (и совершенно справедливо), что без трагической ошибки нет ни трагедии, ни трагического героя.

Еще несколько слов о «трагической ошибке». В жизни, в быту под словом «ошибка» подразумевается такое действие (или бездействие) индивидуума, за которое его следует осудить (недосмотр, лень, верхоглядство, некомпетентность и т. п.). Словом, житейские ошибки являются следствием тех или иных отрицательных качеств, отрицательных проявлений человеческого характера. Трагическая же ошибка принципиально отличается от житейской ошибки. Трагическую ошибку способна совершить лишь личность великой души и незаурядного ума, опередившая свое время, возвысившаяся над своими современниками, понявшая, что именно надо сделать, чтобы вывести общество из застоя, освободить его — общество — от связывающих его пут, наставить на путь истины и прогресса. Трагический герой, невзирая на обстоятельства, целиком отдается высокому порыву своей души и велениям своего высокого ума, безоглядно бросается в смертельный бой с темными силами. А поскольку эти силы на данном этапе — именно на данном этапе — практически сильнее, герой гибнет, принося свою жизнь в жертву высоким идеалам. Это и есть трагический герой.

Разумеется, все, сказанное сейчас о трагической ошибке и неизбежности гибели трагического героя, ни в коей мере не затрагивает положения об оптимистичности трагедийных произведений. Более подробно об этом будет сказано ниже.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1, с. 31—32.

⁴ Ю. Боров, О трагическом, М., 1961, с. 210.

Как уже отмечалось, численный перевес сторонников оптимистичности трагического жанра весьма и весьма внушителен. Но видный советский теоретик М. С. Каган утверждает, что трагедия может быть и оптимистической, и пессимистической.

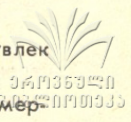
Собственно говоря, пессимистическую трагедию весьма сурово и категорически осудил сам же М. С. Каган, полагающий, что «пессимистическая трагедия ослабляет человека, делает его покладистым и пассивным, а оптимистическая, как доказывал еще Аристотель, разжигает жажду борьбы, призывает к самопожертвованию, воспитывает героев, бойцов, революционеров...»⁵.

Из этих слов со всей очевидностью вытекает, что нашему советскому обществу нужна именно оптимистическая трагедия и не нужна трагедия пессимистическая. Однако эта последняя, по мысли М. С. Кагана, все же существует. В таком случае остается указать на ее отличительные черты.

Недавно на грузинском языке вышла книга М. С. Кагана «Марксистско-ленинская эстетика» (Тбилиси, 1984, изд-во ТГУ). В ней автор вновь подтверждает существование пессимистической трагедии и упрекает Ю. Борева в том, что он низводит всю историю трагедии лишь до трагедии оптимистической.

Свою концепцию пессимистической трагедии М. С. Каган выводит из творчества немецкого писателя Ремарка, утверждая, что ремарков трагизм пессимистичен потому, что в его книгах гибнут не только герои, но и идеалы, которым эти герои служили. И это действительно так. Но истинный, высокий трагизм идеи совершенно ни при чем. Существенным признаком трагедии во все времена была гибель героя во имя торжества идеала. В подлинной трагедии физически гибнет (слепнет, сходит с ума и т. д.) герой, но побеждает и торжествует идеал, очищая и возвышая души слушателей и зрителей, прославляя пример бесстрашия и несгибаемости перед лицом страшных мук и несчастий. В этом — внутренняя, непоколебленная веками художественная логика творений Эсхила и Еврипида, Софокла и Шекспира. И если в книгах Ремарка гибнут не только герои, но и их идеалы, правильнее было бы говорить об ущербности творческого метода немецкого писателя, о классово-социальной ограниченности и бесхребетности его героев. Нельзя сказать, что герои Ремарка жили в более трудные времена, нежели герои Эсхила, Софокла, Шекспира, Байрона, Важа Пшавела и еще многих трагедиографов. Кто из героев

⁵ Каган М. С., Лекции по марксистско-ленинской эстетике, Ленинград, 1971, с. 289.

этих писателей поступился своими идеалами? Кто из них увлек собственные идеалы в небытие? Никто.

Каган предпринимает еще ряд попыток доказать правомерность существования «пессимистической трагедии».

«Трагическими, — пишет М. С. Каган, — могут оказаться и такие ситуации, в которых нет места ни смерти, ни мукам, никакой борьбе из-за тех или иных идеалов»⁶. В доказательство этой своей мысли М. С. Каган приводит кинофильм «Америка глазами француза». Как видно из слов М. С. Кагана, в фильме нет борьбы, нет людей высоких и благородных идеалов. Да и сам процесс гибели идеалов, оказывается, окончился задолго до начала фильма. Но в таком случае где тут найти хоть один признак подлинной трагедии? А теперь вспомним, что для изображения человеческой ограниченности, самодовольства, чванства, эгоизма, бессердечия и прочих низких черт, которые в самом деле весьма талантливо показаны в упомянутом фильме, человечество создало немало жанров, как-то — сатира, гротеск, шарж, пародия и т. д. и т. п. А «трагедия» здесь совершенно ни при чем. Тут к месту гегелевские слова об «однообразном удовлетворении, когда грустная история, несчастье как таковое требует нашего участия».

Каган пишет, что «если животное очеловечено, тогда оно, как и человек, может стать большим трагическим героем». Человечество за свою историю весьма и весьма нередко нуждалось в трагическом герое, способном принять тяжелые муки и даже пожертвовать жизнью во имя прогресса, новых идеалов. И если такой трагический герой появлялся, то он всегда был человеком — мужчиной или женщиной, но ни разу — животным. Во всех же случаях мучения и гибели животных речь может идти лишь все о том же «однообразном удовлетворении, требующем нашего участия». Очеловечение животных — лишь художественный прием, именуемый аллегорией.

Понятие «трагический герой» вызывает у человечества образ сильного, мужественного, негибкой воли человека, не оставившегося даже перед мучительной смертью ради торжества своих идеалов, заражающего зрителей верой во всемогущество человека, уверенностью в победе высоких и гуманных идеалов. Персонажи же «пессимистических трагедий, — по прямому признанию самого М. С. Кагана, — ослабляют человека, делают его покладистым и пассивным». Одним из основных на-

⁶ М. Каган. Лекции по марксистско-ленинской эстетике, Л., 1971, с. 289.

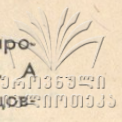
значений художественного произведения является создание определенного настроения у читателя. Так за чем же дело стало? Зачем называть одним и тем же словом «трагический» два совершенно различных, прямо противоположных друг другу явления?

Вернемся к книге Ю. Борева «О трагическом». Боров пишет: «Оптимизм советской трагедии вовсе не в том, что у нее должен быть «happy end». Нет, трагедия остается трагедией, и не в счастливой развязке ее оптимистичность. Достаточно представить себе на минуту режиссера, который захотел бы закончить «Гамлета» полной победой принца над Клавдием и женитьбой Гамлета на оставшейся в живых Офелии; достаточно представить себе Отелло, пощадившего Дездемону или своевременно разгадавшего и разоблачившего все коварство Яго, и мы навсегда утратим вкус к такого рода «оптимизму», оглуляющему, профанирующему жизнь и искусство.

На концовку трагедии, да и вообще всякого трагедийного произведения, падает огромная идейно-эстетическая, смысловая и эмоциональная нагрузка. В финале трагедийного произведения гибнет или терпит серьезное поражение герой. В трагедии чаще всего кульминация и развязка совпадают, ибо именно в финале действие достигает высшей точки своего напряжения; трудности, встающие перед современным художником, здесь огромны. Однако как передать художнику оптимистическую концепцию жизни, когда герой гибнет? Как сделать финал пьесы драматургически действенным, а финал трагедийного романа выразительным? Конечно, дать рецепт и предложить раз и навсегда годное решение здесь невозможно, да и не нужно⁷.

Совершенно правильно подчеркивая «огромную идейно-эстетическую, смысловую и эмоциональную нагрузку» на концовку, на финал трагедии, автор в трех последних фразах ставит читателя в тупик. Ведь сам Ю. Боров в своей книге категорически утверждает, что трагедия была оптимистической всегда, во все эпохи. И он нас убедил в этом. Да, действительно, трагедия — жанр оптимистичный. Эта оптимистичность была налицо и в древнегреческих трагедиях, и в творчестве Шекспира. И там, и здесь герои гибли или терпели серьезные несчастья именно в финалах трагедий (хотя гибель героя неотвратимо подготавливалась всем ходом действия в произведении). Почему же трудности, встающие перед современными художниками, сейчас «огромны»? Гибель героя или же его серьезное несчастье в советской трагедии, так же как и в дореволюционной, должна неотвратимо подготавли-

⁷ Ю. Боров. О трагическом, М., 1961, с. 282—283.

ваться всем ходом развития событий в произведении, иначе произведение будет лишено внутренней художественной логики. Всякое логическое построение должно обязательно иметь концовку, и концовку именно логическую.

Можно спорить, кто глубже и сильнее — Эсхил или Еврипид, Еврипид или Софокл, но бесспорно одно: созданные ими трагедии и поныне доставляют читателям и зрителям подлинное, высокое эстетическое наслаждение и в то же время представляют собой богатейший, поистине неисчерпаемый материал для построения самых строгих и в то же время самых тонких теорий трагического. То же самое следует сказать и о Шекспире, трагедии которого по сей день считаются непревзойденными образцами художественного творчества и в то же время — неиссякаемым источником теоретических раздумий. Можно сказать даже так: теоретическая модель античной трагедии в своих основных чертах в одинаковой степени подходит и нужна как шекспировским трагедиям, так и лучшим творениям советской трагедийной литературы — «Тихому Дону», кинофильму «Чапаев», роману Ал. Фадеева «Молодая гвардия» и т. д.

В книге «О трагическом» Ю. Боров пишет: «У М. Шолохова в «Тихом Доне» показано, как... размываются все старинные устои, все застоявшееся, все закоренелое... Шолоховские герои непосредственно сталкиваются с историей и именно перед ней оказываются ответственными. «Тихий Дон» Шолохова показывает, что «состояние мира» до крайности обнажено, всемирно-историческое звучание событий настолько огромно, в них втянуты настолько большие человеческие массы (поистине все народы), темп истории настолько убыстрился, что каждый человек сознательно или невольно оказывается втянутым в творение истории»⁸.

Все это так. С этим спорить не приходится. Совершенно прав Ю. Боров и в своей критике взглядов западного исследователя Эрнста Симмонса, сводящего все дело к тому, что «нет никакой правды, ни белой, ни красной» и что существует только одна правда, к которой приходит Григорий: «Для него это дом, хозяйство, труд и больше всего — его вечная любовь к Аксинье». Симмонс сводит анализ трагедии Григория к одной цели, насилуя материал и извращая идейно-художественную концепцию «Тихого Дона», — цель эта: снижение общественных ценностей, разрушение высшего общественного смысла человеческой жизни, сведение всего в жизни человека к узкому и очень тесному миру

⁸ Ю. Боров. О трагическом, М., 1961, с. 238.

домашних забот, отрицание классового смысла событий и партийной направленности творчества Щолохова.

Но в чем же видит сам Ю. Боров трагизм Григория Мелехова?

«Могучие ветры, — пишет Ю. Боров, — дующие на этих перепутьях и перекрестках истории, и тут ломают даже такой могучий характер, каким является характер Григория Мелехова.. ломают именно потому, что этот характер силен и велик... Однако этот сильный и крупный характер обладает и другим свойством — он способен концентрировать жизненные противоречия, которые в период первой мировой войны, Октябрьской революции и гражданской войны достигают огромного накала... В центре шолоховского трагедийного романа... стоит разорванный характер, имеющий внутреннее тяготение к цельности»⁹ (кстати, к цельности тяготеет любой «разорванный характер», Григорий Мелехов — не исключение). Как будто все верно, но трудно отделаться от впечатления, что рассуждения Ю. Борева страдают чрезмерной общностью, отвлеченностью, абстрактностью. В чем все-таки причина раздвоенности характера Мелехова, «тяготеющего к цельности»?

И Ю. Боров предлагает нам свою концепцию: «Тот, кто, будучи по своим коренным интересам связан с народом, но в силу ли заблуждения, обмана или слепого следования веками устоявшимся традициям, неумения понять сложную обстановку отказывается от народа в годину революционных бурь, неизбежно попадает в трагическое положение, независимо от своих добрых внутренних задатков и потенциальных достоинств. И именно это доказывает не только весь образный строй шолоховской эпопеи, но органически вытекающая из него трагическая новизна романа»¹⁰. Но как же тогда быть с формулой трагического, предложенной самим Ю. Боровым: «Бессмертие героя — в бессмертии народа»? Какого качества бессмертие может обрести в народе отколовшийся от народа и поднявший меч на этот народ человек? «Дорогу в светлое будущее идущему по нехоженным дорогам человечеству способны указывать не только путеводные звезды образов... но и те вехи на пути, которые как бы указывают, куда идти не следует»¹¹. С этим трудно не согласиться. Но ведь мы ведем речь о трагическом герое — именно путеводной звезде. Мелехов в трактовке Ю. Борева очень мало похож на «путеводную звезду».

⁹ Ю. Боров, О трагическом, М., 1961, с. 239.

¹⁰ Там же, с. 284.

¹¹ Там же, с. 285.

Затрагивает проблему «Тихого Дона» и М. С. Каган в своём капитальном труде «Марксистско-ленинская эстетика».

«В привлеченных примерах, — пишет М. С. Каган, — показан простой тип распространенной в жизни искусства трагической коллизии — страдание или гибель человека, борющегося за осуществление и утверждение определенного идеала. Но вот более сложный случай. Григорий Мелехов не борется за коммунистические идеалы, он — против них, но судьбу героя «Тихого Дона» мы воспринимаем как истинно трагическую... Это объясняется следующим образом, — продолжает М. С. Каган, — Мелехов не является врагом народного идеала, не является защитником низменных, корыстных интересов, каким был, например, помещичий сын Листницкий. Мелехов — сын народа, впитавший все противоречия казачества той эпохи, его сильные стороны и ошибки... Герой «Тихого Дона» является носителем явных противоречий психики и миропонимания казацкого крестьянства. С одной стороны — любовь к свободе, трудолюбие, честность и храбрость, неумный темперамент, цельность характера; с другой стороны — частнособственническая психология, политическая наивность и закосневшие традиции казацкой вольницы. Именно поэтому мы с самого начала искренне и глубоко полюбили Мелехова, сочувствуем ему, закрываем глаза на его недостатки, ибо знаем, что не это главное в его природе. В Мелехове мы видим много качеств нашего человеческого идеала и поэтому так остро переживаем его ошибки. Грустный финал романа мы воспринимаем не только как трагедию «f dz вини виноватого», как неудачу хорошего человека, а и как трагедию крестьянства в эпоху социалистической революции. Ошибка Григория Мелехова не была ошибкой отдельной личности. Говоря словами Маркса, это была всемирно-историческая ошибка всего класса, и это еще более углубляет социальную, эстетическую и художественную значимость трагедии¹²».

Причины личной трагедии Григория Мелехова лежат совсем в иной плоскости. Григорий вовсе не типичный казак. И при анализе характера и трагедии Григория Мелехова нам не обойтись без формулы «общее состояние мира».

В этом случае «общее состояние мира» — это веками сложившееся особенное положение казацкого социального сословия в царской России. Это социальное сословие самым искусственным и причудливым образом совмещало в себе две радикально противоположные социальные функции — хлебороба и карателя.

¹² М. С. Каган. Марксистско-ленинская эстетика. Тбилиси, изд-во ТГУ (на груз. яз.), с. 138—139.

казак в поте лица обрабатывал землю, пахал и сеял хлеб, убирал его, казак на своем горбу нес все тяготы крестьянского труда, знал все горести мучительной, тревожной, неблагоприятной и надежной крестьянской жизни.

Эти же казаки показывали чудеса храбрости и героизма на царской службе, на войне. Они свято чтит законы боевого товарищества, взаимовыручки... Но эти же казаки показали себя жестокими, беспощадными карателями, стоило лишь царской власти направить их шашки и нагайки против «бунтовщиков», то есть против таких же хлеборобов, не вытерпевших мучительной жизни и восставших против царя. Отсюда — определенная психологическая раздвоенность казачьей натуры. Отсюда — ненависть трудящейся России к казацкому сословию.

Григорий Мелехов, как было уже сказано, не был типичным казаком, не был раздвоенным, «разорванным». С юных лет он — цельная, независимая натура — был за слабых, униженных, оскорбляемых.

Но ход революции неумолим. Силы ее отшвырнули Григория в стан белогвардейцев — лютых врагов революции. В этом была своя логика, историческая закономерность и неизбежность. В этом сказалось «общее состояние мира». Здесь, в этот решающий момент и допустил Григорий Мелехов «трагическую ошибку», вытекающую именно из его высокой души и благих намерений.

Эта трагическая ошибка Григория состоит в уверенности, разумеется, наивной, — что стоит казакам оголить фронт и добровольно отдать Донскую область красным, как между казаками и Советской Россией установится прочный и надежный мир. Здесь Григорий жестоко просчитался. Автор романа с изумительным мастерством расширил исторически верную картину и углубил анализ социальной природы казачьего сословия.

Хутор занимают красные. Группа красноармейцев располагается на ночевку у Мелеховых. Один из красноармейцев, Александр Тюрников, у которого белогвардейские офицеры недавно на глазах расстреляли мать и сестру, всячески оскорбляет Григория, казачьего офицера, не зная, что этот белопогонник, офицер, типичный, очевидно, представитель казачьего офицерства, славившегося своими зверствами, в душе сочувствует красным. Тюрникова уводит из хаты его же командир. На этот раз обошлось лишь грубыми оскорблениями, издевательством, излитой в словах ненавистью. Но через несколько дней Григория собираются уже убить гуляющие у Аннушки красноармейцы. Григорий спасается бегством. Он начинает понимать, что ему — казачьему офицеру — будет трудно, почти невозможно доказать красноармейцам,

11405040
302 00110333

что он и сам — красный, что в условиях кровопролитной войны некому и некогда думать, кто там прячется под казачьими офицерскими погонями — честный ли человек или лютый каратель, безжалостно заливающий слезами обездоленную Россию. И Григорию Мелехову, человеку доброму и честному, не обидевшему мухи за всю свою жизнь и искренне сочувствовавшему крестьянам, приходится брать винтовку и идти против красных. Так верное исторической правде перо писателя завязало трагическую коллизию, которая, по мере естественного течения событий, будет все больше углубляться, обостряться и в конечном счете приведет Григория Мелехова к трагической гибели. Да, жестоко просчитался Григорий Мелехов. Тогда не было никакой практической возможности примирения казачьего сословия с революционной Россией. Сами казаки, к слову сказать, в большинстве своем прекрасно понимали это. На хуторском сходе казак Алешка Шамиль так и говорит большевику Штокману: «Они нам солют за девятьсот пятый год. Эти слова мы слышали от красных солдат»¹³. Да только ли в девятьсот пятом годе было дело!

Как видим, огромная, четырехтомная эпопея Михаила Шолохова построена по классической модели трагического повествования, с той лишь оговоркой, что Мелехова приводит к гибели вскормившее его родное казачье сословие. Григорий возвышался над своей средой, он постарался вообще вырваться из пут косных казачьих обычаев и традиций. Но окружающая среда оказалась сильнее него, она лишила Григория возможности до конца проявить свои высокие человеческие достоинства. История сказала свое неумолимое слово. Григорий погиб.

В связи с «Тихим Доном» хотелось бы сказать еще несколько слов.

Давний поклонник и великолепный знаток творчества Шолохова кинорежиссер С. Герасимов выступил 2 мая 1984 года в «Литературной газете» со статьей «Точка отсчета». Статья содержит много верных и глубоких наблюдений. Однако настораживает одна фраза: «Конечно, Григорий Мелехов в каноническом смысле понятия не герой. Он не укладывается ни в какой ранжир, он пролил немало крови своих братьев».

Людей, не укладывающихся ни в какой ранжир, обычно отправляют в психиатрические больницы. С Григорием Мелеховым этого не произошло. Его отправили не в психиатрическую больницу, а в широкоформатную четырехсерийную киноэпопею, и

¹³ М. Шолохов. Тихий Дон. М., изд-во «Правды», 1962, с. 170.

сделал это не кто иной, как сам уважаемый С. Герасимов. В чем же дело?

Надо прямо сказать — дело в до сих пор не изжитой, прямо скажем, обывательской боязни истинно трагического.

Да, Григорий Мелехов повинен в тяжелом грехе — он пролил много крови своих братьев. Но дает ли нам это право считать, что он не канонический герой и «не укладывается ни в какой ранжир»?

Григорий Мелехов — именно канонический герой. Герой трагический.

Трагическая художественная литература знает очень много персонажей, совершивших тяжелые, антигуманные, аморальные поступки: Медею (убившую собственных детей); царя Эдипа (совершившего тягчайший аморальный поступок — разделившего ложе с собственной матерью); Отелло (задушившего собственную жену); Гамлета (убившего на дуэли Лаэрта, самого умного и честного из окружавших датского принца людей), и т. д. и т. д. Этот список можно продолжить до бесконечности. И каждый — буквально каждый — раз эти тяжелейшие аморальные поступки совершаются в результате роковых стечений обстоятельств, а у истоков тех обстоятельств — всегда и безо всякого исключения — стоят и действуют самые высокие и светлые побуждения. Это и есть настоящий трагизм. И Григорий Мелехов — подлинно трагический герой.

Обратимся теперь к кинофильму «Чапаев». Вряд ли ошибемся, если отнесем эту ленту к самым выдающимся достижениям советского киноискусства за все годы его существования. Фильму посвящена громадная литература. Примечательно, между прочим, что советская кинорежиссура создала на темы гражданской войны немало великолепных картин, навсегда вошедших в золотой фонд советского киноискусства. В этих фильмах есть все, что вообще отличает советское киноискусство, — и высокая гражданственность, и глубокая человечность, и революционный пафос, и выхваченные из самой жизни народа полнокровные образы, и тонкий лиризм, и мягкий юмор, есть в них и пронизанные подлинным трагизмом страницы. А ведь ни одна из этих картин — я сознательно опускаю их названия — не имела столь широкого, глубокого и прочного признания, как «Чапаев».

Дело в законченном, классическом, хрестоматийном трагизме главного героя фильма, да и всей картины.

Об «общем состоянии мира» в этом случае много говорить не приходится. Идет гражданская война. Хорошо вооруженным, обмундированным частям белых чехов противостоит босая, обо-

рванная, полуголодная чапаевская дивизия. И единственное, чем эта дивизия сильна, так это своей социальной правдой, своим неистребимым желанием уничтожить эксплуататорские классы и установить во всем мире братство, равенство и мир.

Следует говорить о конкретных человеческих качествах главного героя картины, ибо в них — ключ к разгадке его трагической судьбы.

Чапаев погибает в финале картины. Но только лишь гибель, практическая неудача героя не в состоянии придать образу подлинно трагическое звучание. Гибель героя трагична лишь тогда, когда она логически и неизбежно вытекает из трагической ошибки героя.

Чапаев — человек военный. Военное дело, как любая наука, состоит из простейших, сравнительно сложных и, наконец, из очень сложных, сложнейших положений. Говоря языком математики, в военной науке, как и во всех прочих науках, имеется арифметика — простейшие понятия и положения; алгебра — понятия и положения более сложные, и, наконец, интегралы — понятия и положения наисложнейшие.

Чапаев весьма сдержанно относится к интегралам военного дела — он признается Пете, что командовать всем фронтом, наверное, не сможет — надо бы подучиться.

На алгебраическом уровне военного дела — Чапаев в своей стихии. Он составляет блестящую диспозицию и наголову разбивает противника. В фильме это показано с неповторимым мастерством. А что касается арифметики — простейших требований военного дела, которые под силу любому старательному фельдфебелю, — здесь Василий Иванович явно не на высоте. Здесь он часто беспечен, равнодушен, даже ленив.

Мы имеем в виду первейшую и простейшую обязанность любого военачальника — быть всегда начеку, всегда заботиться о том, чтобы неприятель не застал его врасплох. Всегда располагать точными сведениями о силах и расположении противника, следить за маневрами последнего, рассчитывать его возможности.

Во всем этом всегда преуспевают профессиональные, кадровые военные. Чапаеву все это глубоко безразлично. Эта черта характера Чапаева проявляется в первых же кадрах фильма, когда он узнает, что белочехи отбили хутор. Он ни на минуту не задумывается над тем, откуда атаковали чехи этот хутор, сколько у них сил — людей, пулеметов, пушек... Потеряв самособладание, он безрассудно устремляется к хутору — наказать обнаглевших врагов. На сей раз это ему удается. Но в финале картины, пренебрегая советом осмотрительного комиссара об усилении обо-

роны штаба, он попадает под лобовую атаку белогвардейцев и гибнет.

Совершенно очевидно, что эта беззаботность, эта пренебрежительность к простейшим требованиям военного дела естественно вытекают из поэтической, мечтательной натуры Чапаева. Чапаев — не военный человек вовсе. Он — мечтатель, шутник, он любит песню, своих товарищей, жизнь... Проявляя необходимую строгость и даже жестокость, умея руководить войсками лучше всякого профессионального военного, он при первом же удобном случае предается песне, шуткам, мечтам... В этом — источник его трагизма, ибо «общее состояние мира», в котором он живет и действует, — война, беспощадно карающая всех, кто не подчиняется ее законам — большим и малым.

«Общее состояние мира», назревающий в нем конфликт, герой в центре событий, обострение коллизии, трагическая ошибка героя, его одиночество и непреклонность, физическая гибель, или глубокое несчастье героя, но торжество его идеалов — это теоретическая, несколько, разумеется, схематическая теоретическая модель, как мы уже видели, вмещает в себя и античные трагедии, и творчество Шекспира, и трагедии социалистического реализма.

Однако, как мы уже говорили, в нашей литературе и литературной критике все еще сохраняются некоторая боязнь и недоверие к термину «трагический». За примерами недалеко ходить.

Классическое произведение русской советской литературы «Поднятая целина» имеет большую критику. Этот роман издается и переиздается неоднократно, его проходят в средних, среднетехнических и высших учебных заведениях. Но можно совершенно твердо ручаться, еще не было случая, чтобы какой-нибудь критик, литературовед или преподаватель назвал главного персонажа романа — Семена Давыдова трагической личностью. В лучшем случае говорят о его трагической смерти, как будто трагической смертью может погибнуть кто-нибудь еще, кроме трагического героя, например, персонаж сатирический или, еще того хуже, гротескный.

У людей как-то не укладывается в голове, как, мол, это так — путиловский рабочий, двадцатипятилетний, приехал в деревню, провел коллективизацию, перевел сельское хозяйство на социалистические рельсы, стал в хуторе своим человеком, любимым... Такому впору дать орден, а его вдруг — в трагические герои, как какого-нибудь ревнивого Отелло или Датского принца. Нет, мол, другие времена, другие критерии.

Конечно же, и времена другие, и критерии во многом не те.

Но вот Семен Давыдов — все же личность трагическая. Очень даже просто. Он, сам человек кристальной чистоты, что говорится, душа нараспашку, сам верит людям и привык, чтоб они в свою очередь, верили ему. Вот эта-то вера, эта душевная распахнутость и толкает Давыдова на роковую ошибку — в числе многих других хуторян, на самом деле заслуживающих доверия, Давыдов доверяется и махровому белогвардейцу Якову Лукичу Островному. Это — ошибка трагическая, вытекающая вовсе не из классовой слепоты (было бы кощунством обвинять в этом Давыдова), а из высоких человеческих качеств двадцатипятилетнего — его веры в людей, его любви к людям.

Несколько иначе обстоит дело с героями фадеевской «Молодой гвардии». Здесь, если можно так сказать, мы имеем дело с коллективной трагической ошибкой, выразившейся в том, что члены подпольной комсомольской организации оказывают доверие своему товарищу Стаховичу, оказавшемуся человеком слабовольным, эгоистичным, а попросту говоря — предателем. Краснодонцы гибнут из-за этой ошибки, происшедшей в силу их молодости, доверчивости и любви к людям, а тем более — к своему товарищу, гибнут трагически и должны были бы быть отнесены к славнейшей когорте трагических героев истории советского народа.

Назначение произведения искусства — отображение действительности. Это марксистское положение не нуждается в уточнении. Но следует иметь в виду, что создание произведения искусства — результат эмоций, эмоционального отношения к отображаемому предмету, явлению, человеку, целому обществу. Древнегреческий «мим» — подражание — начинается с отображения, но процесс этот не мог бы получить развитие, если бы поступившая извне информация не вызвала в человеке (творце) какую-нибудь эмоцию. Со своей стороны, эмоция, ее конкретная острота определяет жанровую принадлежность художественного произведения. В книге «О трагическом» Ю. Боров совершенно справедливо отмечает, что художественная литература, да и все искусство вообще, имеют два полюса — трагический и сатирический. Эти два полюса имеют в своей основе два противоположных эмоциональных настроения. Трагедия — это позиция глубочайшего сочувствия, сатира же, наоборот, позиция глубочайшего презрения. Основная творческая задача трагедиографа состоит в том, чтобы заразить читателя своим глубоким сочувствием к изображаемому человеку, явлению. Поэтому и стало необходимым, чтобы трагический герой терпел тяжелые муки и

погибал. Погибал именно в одиночестве, в неравной борьбе. Все это резко углубляет наше сочувствие к нему. Одиночество трагического героя выполняет две функции одновременно — познавательную и эмоциональную. Познавательную — потому, что дает нам более полное представление как об «общем состоянии мира», в котором развивается коллизия, так и о том постулате, осуществление которого практически невозможно. О самом существовании такого постулата мы узнаем через трагического героя. Через его поступки, мысли и чувства. Эмоциональная же значимость одиночества трагического героя понятна и так — одиночество героя углубляет наше сочувствие к нему, что и является конечной целью трагедии.

Все признаки трагического жанра в своей совокупности определяют оптимистичность трагического. Мы на стороне трагического героя и мысленно, и эмоционально. Мы видим величие его целей и преклоняемся перед его бесстрашием, бескомпромиссностью, честностью, моральной чистотой, верой в конечную справедливость.

Следует сказать еще об одном: неполным нам кажется аристотелевский перечень чувств, переживаемых созерцателями трагедии: страх, сочувствие, боязнь, страх за судьбу трагического героя, сочувствие к нему — все это понятно. Но кроме трагического героя перед нами действуют и противостоящие ему темные силы, которые в конце концов практически побеждают нашего героя. Это наполняет нас гневом, возмущением, желанием вмешаться, действовать, то есть чувствами более активными. В этом — еще один источник оптимистичности трагического.

СЕГОДНЯ мы считаем вполне закономерным и естественным сравнение Амирани с Прометеем. Более того, Прометей часто называют греческим Амирани, а иные исследователи даже считают Амирани двойником Прометей. Подобная параллель вполне понятна — Прометей был и остается наиболее популярным героем всего культурного мира, чего, к сожалению, не скажешь об Амирани. Потому, естественно, возникло желание найти общее между ними, дабы с помощью Прометей вывести Амирани на широкую мировую арену. Но увлекшись поисками ближайших родственных уз между ними, мы в какой-то мере упустили из виду самобытность Амирани, благодаря которой он предстает весьма значительным художественным феноменом.

Вполне допустимо, что идея прикованного героя родилась в Колхиде (ведь Прометей по велению Зевса был прикован Гефестом к Кавказским горам!) или что на заре своего существования оба героя очень походили друг на друга, но совершенно очевидно и то, что впоследствии они предстали как два абсолютно различных художественных образа.

Гурам БАРНОВ

„Душа
жаждет
предела...“

При этом Прометей остался с богами, в то время как Амирани, хотя со стороны матери (богини Дали) и был божественного происхождения, «превратился» в обыкновенного человека и навсегда ушел «жить» к людям.

С самого начала в основу идеи проведения параллели между Прометеем и Амирани был положен общий для греческого мифа и грузинского сказания эпизод: обоих героев боги приковали к скале. И если Прометей в конце концов сумел освободиться (он знает тайну, как можно погубить Зевса), то Амирани остается прикованным по сей день. Прикованным надежно и навсегда, поскольку его освобождения не желают ни боги и, как ни парадоксально, люди.

Что же можно сказать о другом общем эпизоде, в частности о похищении огня?

Согласно греческой мифологии, Прометей похищает с Олимпа огонь и несет его людям, прекрасно, впрочем, зная, какое суровое наказание ждет его за это.

Ни в одной редакции или варианте сказания об Амирани нет ничего собственно об огне. Амирани похищает Камар (в иных случаях Кету или попросту писаную красавицу — Мзетунахави, что так естественно для сказочного эпоса), дочь Элли, бога погоды.

В своем труде «История грузинского народа» Иванэ Джавахишвили наряду с другими памятниками грузинского фольклора рассмотрел все сказания, существующие об Амирани, рассмотрел, естественно, с точки зрения историка. Выдающегося ученого интересовали древнейшие религиозные представления грузин. По поводу Камар он высказал следующее соображение: «Женщина, похищенная из небесной башни, по всей вероятности — условное изображение огня». Разумеется, подобный вывод был сделан не только на основе интуиции, а с учетом всех достижений, существовавших к тому времени в сфере изучения истории мифологического мышления. Впоследствии предположение ученого, высказанное с такой осторожностью, было выдано за несомненный факт (думается, вполне обоснованно).

Учитывая мифологические истоки грузинского сказания и тот факт, что многие явления, о которых оно повествует, дошли до нас только в метафорическом виде, можно считать безусловно верным осмысление образа Камар как огня, и в этом случае, во-первых, параллель Прометей — Амирани получает большую убедительность, а во-вторых, мы как бы на-

конец находим ответ на вопрос: почему Амирани является
наипопулярнейшим героем нашего фольклора.

Впрочем, это не снимает с повестки дня ряд принципиальных вопросов (они, правда, не касаются предположения И. Джавахишвили).

Какая роль предназначалась огню в мифе о Прометее и в сказании об Амирани?

В греческом мифе огонь занимает центральное место. Его похищение — результат ранее задуманного действия героя, и всем известно, какое благо принесло оно людям.

Камар в грузинском сказании фактически лишена какой бы то ни было функции (на это в свое время указывал и И. Джавахишвили). Она — обыкновенная красавица и в лучшем случае еще один повод для Амирани совершить очередное геройство.

После того, как метафора Камар получила объяснение и выяснилось, что Камар — олицетворение огня, все, казалось бы, стало на свои места: похищение Амирани Камар — то же самое, что и похищение Прометеем огня с горы Олимп. И поскольку похищение огня — основная заслуга Прометея перед человечеством, стало быть Амирани, укравшего огонь в лице Камар, можно считать его двойником.

Однако проблема, на наш взгляд, так просто не решается. Тот факт, что в преисторическую эпоху Камар олицетворяла собой огонь, ни в какой мере не разъясняет нам сущности образа Амирани, на протяжении тысячелетий пользующегося любовью и уважением нашего народа. Исключено, чтобы ставшие метафорой мифологические представления, уходящие своими корнями по меньшей мере в эпоху раннего христианства, народ осмыслял в первоизданном их значении: черный дракон — черное облако, Амирани — солнце или луна, Камар — огонь. Прошло уже немало столетий, как дракон-облако превратился в «обыкновенного» дракона. Камар-огонь — в «обыкновенную» писаную красавицу, а Амирани-луна, правда, уже будучи крестником Христа, — в выдающегося, но тем не менее «обыкновенного» героя.

И все же каким образом удалось Амирани занять такое, в высшей степени почетное, место в пантеоне героев грузинского фольклора?

Трудно себе представить, что наши дальние предки посредством каких-то особых духовных генов могли завещать нам на протяжении десятков столетий слепо поклоняться Амирани; тогда бы он не смог в течение всего этого времени

жить полнокровной жизнью в сознании народа, он превратился бы в таинственную химеру, и встреча с ним не вызвала бы в нас никаких эмоций.

Может быть, все объясняется его непобедимостью? Но ведь Амирани не раз испытал и горечь поражения — его одолел даже умерший исполин; почившего, его везли на арбе, впереди которой шла его мать. В это время с воза упала рука (в иных случаях нога) исполина. Мать исполина, испытывая Амирани, попросила положить руку на место. Но Амирани не смог даже приподнять ее. Тогда мать исполина кнутовищем легко подбросила и закинула руку прямо на арбу, сказав при этом пристыженному Амирани: «Не назови я тебя своим сыном, разукрасила бы вот этим кнутом».

А может быть, Амирани совершил какие-то особенные подвиги во благо людям? Он, правда, боролся с дэвами, этими неусыпными врагами человека, но Копала и Иахсар — не менее колоритные (и в то же время не менее древние) образы борцов с дэвами. Это они, одержав над ними победу, загнали их под землю (превратили в т. н. хтонических существ). Именно их заслуга в том, что дэвы, по народным представлениям, осмеливаются появляться на земле только ночью.

Да и вообще в нашем эпосе есть немало героев, боровшихся с дэвами, драконами, похищавших писаных красавиц, которым неведома была горечь поражений и которые «жили счастливо».

Но даже скомпилировав все подвиги, свершенные героями народного эпоса, и приписав их одной титанической личности, мы не смогли бы создать такой уникальный, отличный от всех образ, каким является образ Амирани.

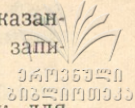
Историк Закария Чичинадзе в 1887 году писал:

«Кто этот герой, имя которого так часто встречается по всей Грузии и которому воздвигнут такой незабываемый памятник? В действительности мы ничего не знаем о нем. Народ наш забывал, в памяти его стирались гораздо более интересные герои или явления» (подчеркнуто нами — Г. Б.).

Действительно, как могло случиться, что все подвиги Амирани (борьба с дэвами, схватка с драконом, похищение красавицы) — весьма обычные, весьма обычные для персонажей народного эпоса, а сам герой, несмотря на это, — выдающийся и уникальный?

Удивительно и то, что в сказании как будто специально подчеркиваются отрицательные черты Амирани, а вовсе не

то, что он творит во благо людям. В подтверждение сказанного приведем всего несколько отрывков из вариантов, записанных в различных уголках Грузии.

«Амирани и его братья ничего не боятся. Человек для них все равно что комар, а себя за богов почитают. Людям жить не дают и всех топчут ногами. В один день порешили они идти войной на каджей, потому что считали себя единственными на свете, кто мог бы воздать им по заслугам».

Согласно одному из вариантов, «Амана (названного отца Амирани, отца Бадри и Усупа — Г. Б.) похоронили его сыновья. После этого братья никого — ни бога, ни человека — ни во что не ставили, каждый был сам себе голова, ничего, кроме плохого, не делали».

«Однажды одна пожилая женщина обошла все село и спросила: что вы дадите, если кто освободит вас от этих детей (Амирани, Бадри и Усупа). Село заверило ее, что каждый подарит тому пару быков».

Потому, наверное, некоторые исследователи считают Амирани отрицательным героем. Им, естественно, горячо возражают их оппоненты, доказывая обратное, хотя для доказательства обратной точки зрения достаточно вспомнить, что Амирани — наиболее почитаемый герой в народе, а отрицательный герой не может пользоваться всеобщим восхищением.

В мировом фольклоре не так уже мало прикованных героев. Одни из них добры, другие злы, иные наказаны за доброту, иные — за свою злобу, словом, отношение народа к каждому из них раз и навсегда определенное. Ярко выраженное двойственное отношение грузинского народа к Амирани не может быть объяснено даже двоякими — добрыми и злыми — началами человеческой природы, поскольку герой сам по себе ни добрый, ни злой.

Все исследователи, когда-либо занимавшиеся изучением сказания, отмечали, что оно дошло до нас во фрагментарном виде, и потому многое в нем остается непонятным. Что можно сказать по этому поводу? Возможно, это так и есть, но не исключено и то, что сказание никогда не имело стройного сюжета и законченной формы. Подобные примеры нередки в истории мирового фольклора. Взять хотя бы «Стих об Арсене». Он был распространен в народе в виде отдельных эпизодов и только тогда, когда Петре Умикашвили объединил их и издал отдельной книгой, принял вид цельной поэмы. Но главное то, что в каждом отдельно взятом фрагменте (кото-

рые впоследствии объединил П. Умикашвили) характер и натура героя проявляются четко и определенно.

Допустим, что некогда сказание об Амирани имело законченный вид, но дошло до нас в разрозненных фрагментах. Тем не менее с уверенностью можно утверждать, что эти фрагменты донесли до нас то главное (натуру и характер героя), что снискало Амирани то огромное уважение народа, которым он пользуется на протяжении веков.

Амирани, конечно, не был бы столь популярен, если бы не умел затронуть струны души нашего народа (порой, правда, совершенно неосознанно), и до тех пор, пока это ему удастся, он бессмертен.

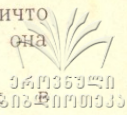
Прометей, в основном, воспринимается как миф, пусть прекрасный и значительный, но существующий вне нас. Амирани же живет в каждом человеке (разумеется, в большей или меньшей степени), он, можно сказать, частица нашей внутренней сути, потому-то и близок он нам, и дело не в героических подвигах, которые до и после него совершали многие.

По-видимому, Амирани для грузинского народа значит гораздо больше, нежели любой похищавший огонь и приносящий благо людям титан, не знающий поражений. Амирани значителен и интересен не своими подвигами, а духом, натурой, которую он воплощал на протяжении веков. В Амирани нас привлекал и продолжает привлекать именно человеческий характер, точнее одна из наиболее типических черт этого характера — он олицетворяет собой непокорную волю человека, необузданность его страстей, устремленную в бесконечность душу, побудившую его с целью испытания собственных сил бросить вызов самому творцу.

Бог хорошо знал, что Амирани пожелает невозможного! Каждое свое поражение он тяжело переживал. («Сидел в темной комнате, что ночь, что день — ему было все одно. Ни с одним живым существом знаться не хотел»). И после каждого поражения своего крестника бог прибавлял ему силы. По разным вариантам сказания, под конец он сделал его сильным, как бушующее море или низвергающаяся лавина.

«И прибавил бог Амирани еще силу трех разъяренных морей и силу и ловкость трех лавин».

Вот как рисует народ Амирани, подобно лавине устремившегося вниз по дороге: «И умноживший свои силы Амирани, радостный, пошел по дороге, вырывая встречавшиеся на пути деревья и раскидывая их в разные стороны».

Трудно остановить лавину, сила ее беспредельна, ничто не способно противостоять ей, но когда и где низринется она в пропасть, никто не знает.

(Интересен один эпизод сказания: высоко в скалах пещере лежит женщина, согласно некоторым вариантам — Дали, беременная на шестом месяце. Она просит охотника, случайно забредшего в пещеру, разрезать ей живот, достать оттуда младенца и поместить его сперва в чрево ягненка, а потом теленка, чтобы там он набрался сил. И объясняет это свое желание следующим образом: «Если он родится девяти-месячным, он выйдет таким богатырем, что рукой небо доставать будет. Я должна или покончить с собой или не родить его, ибо он будет таким, что сможет погубить мир»).

В последний раз прибавляя силы Амирани, «бог сказал: ты не сможешь распорядиться ею как следует, употребишь во зло и опозоришься». Согласно другому варианту, «и сказал тогда бог: я дал ему столько силы, что он погубит мне народ».

Прибавляет бог силы своему крестнику, прибавляет и под конец начинает не на шутку тревожиться — не потому, что Амирани стал очень сильным физически (обуздать и укротить его богу ничего не стоит), бога пугает натура героя, его желания и стремления, не знающие предела: никому не известно, что может натворить на своем пути движимый ими герой или где и когда он, подобно лавине, сорвется в пропасть.

Несколько раз приходит к своему крестному Амирани просить силы. Но последняя их встреча происходит по воле бога. Он является Амирани в образе простого смертного, чаще обыкновенного путника. Он прекрасно знает, что Амирани не отступит ни перед кем и ни перед чем, не сможет сдержаться себя.

Амирани действительно не сдержал себя и был наказан за это...

Прометей до конца выполнил свой долг перед людьми. Благодарные, они воздали добром герою-мученику — освободили его. Впрочем, от него уже ничего не ждали, и никого не волновало, что он сотворит после своего освобождения. Амирани в этом отношении — совершенно особое явление. Известно, какое зло повлечет за собой освобождение Амирани (будут уничтожены кузнецы, каждый великий четверг чинившие цепь, которой он прикован к скале; будут уничтожены и женщины, ибо именно женщина помешала охотнику ос-

всбодить Амирани), но неизвестно, какое добро может принести освобожденный герой. Поэтому нас мучает любопытство и одновременно досада, что мы так и не разобрались, куда ведет человечество безграничное волнение страстей, беспредельное стремление души — к полной гибели или безмерному счастью.

Амирани похож на пришельца из чуждедальной, ирреальной стороны, проводниками ему служат братья — Бадри и Усуп. Поначалу они как будто с ним заодно, но в дальнейшем на каждом шагу «воспитывают» его, «поучают», «укрощают». Можно привести множество примеров из сказания, где братья пытаются приобщить Амирани к житейской мудрости, преподать ему уроки жизни, убедить, что порой «сила уму уступает», внушить, что кажущаяся на первый взгляд малая опасность может повлечь за собой великое несчастье и т. д. Фактически пытаются приковать его невидимой цепью к жизни, превратить в обыкновенного «современного» героя, которых во множестве встречаем мы в произведениях устного народного творчества и к которым в определенном смысле принадлежат Бадри и Усуп. Но Амирани не изменил своей первозданной натуре и, возможно, именно потому навеки остался жить в сознании народа. А Бадри и Усупа если и вспоминают сегодня, то только как братьев Амирани и его соратников до определенного момента. Под конец они совсем отошли от него и даже не пытались освободить прикованного к скале брата. Отошли не потому, что не любили Амирани или боялись опасностей (в борьбе с войском отца Камар они даже пожертвовали собой ради него!), но потому, что убедились — «укротить», «усмирить» Амирани невозможно.

Может быть, поэтому мы будто бы и хотим освобождения Амирани, но в глубине души на протяжении вот уже стольких веков, как усердные кузнецы, только тем и занимаемся, что чиним цепь, которой каждый из нас вместе с Амирани прикован к земле (так, наверное, нам спокойнее).

В год раз у Амирани как будто появляется реальная возможность обрести свободу: по некоторым вариантам, на протяжении целого года Амирани пытается вырвать из земли железный кол, к которому прикреплена цепь. Когда кол уже почти можно выдернуть, прилетает небольшая птичка и садится на него. Амирани в ярости замахивается на нее моло-

том, птичка вспархивает, молот опускается на кол и всаживает его глубоко в землю. И так на протяжении веков...

Бога, приковавшего Амирани, давно уже не существует. Амирани был прикован до Рождества Христова (он куда древнее самого Христа) совсем другим божеством, и только позднее народ возложил эту функцию на спасителя. Иисус Христос принял Амирани уже прикованным и не освободил его¹. Он как бы подвергает его своеобразному испытанию, с целью убедиться, изменился ли Амирани, «взялся ли за ум» или по-прежнему желания и эмоции в нем берут верх над разумом. И когда это несоответствие исчезнет, тогда Амирани и без цепи окажется навечно привязанным к жизни невидимой нитью, и его освобождение ни у кого не вызовет тревоги. Но если Амирани станут чужды необузданные желания и стремления, человеческое волнение страстей, т. е. если он фактически превратится в бога (он ведь и без того бессмертен), его освобождение для человечества потеряет всяческий смысл.

И хотя никто не желал бы для себя участи Амирани, но в факте его наказания нас, возможно, по сей день привлекает та неосознанная необходимость, которой пронизана жизнь героя.

Амирани остается непобежденным. Он раздавлен, но физическое наказание не означает поражения. Бог пытается подавить в Амирани, так сказать, «вечно действующее преступление». Амирани терпит муки не из-за того, что он совершил, а скорее из-за будущих возможных (потенциальных) преступлений.

Амирани — мятежник, ворвавшийся в духовный мир человека (истинное и безраздельное владение бога), вздумавший преодолеть любые пределы и по сей день не утоливший этого желания. Именно это не смог простить и никогда не простит ему творец, хотя как будто и не хочет до конца жертвовать им: Зевс не удовлетворился тем, что приковал Прометей, — огромный орел (спутник) прилетал к нему каждый день и клевал ему печень. А когда пленному Амирани со-

---

¹ Непостижимо, но всемогущейший наш спаситель обрек на вечные муки героя, главным преступлением которого было то, что он в свое время принес людям благо.

брался отомстить его кровный враг — дракон, «господь бог проклял его» и превратил в камень¹.

Прометей во всеуслышание попрекает Зевса, Амирани же не таит на бога обиды. Из его пещеры по сей день доносятся только стоны и вздохи. Амирани... оплакивает свое бессилие (неволью на ум приходят строки из народного стихотворения: «Голова была саблей рассечена, сердце — в крови, изрубил он сотню и жаловался на то, что мало всевал»).

Амирани ни разу даже не попрекнул бога, как не попрекает родителей младенец, которого кутают в свивальник. Правда, потом он борется с этим свивальником, пытаясь высвободиться. Но, высвободившись наконец, пугается произвольных движений собственных рук и ног и теряет покой. Возможно, это не совсем удачное сравнение, но факт оста-

---

¹ Еще до того, как наша наука проявила особый интерес к гонкам параллелей между Прометеем и Амирани, мысль о великом сходстве между персонажами греческого мифа и грузинского сказания в связи с общим эпизодом приковывания героя получила четкое оформление. Яркое свидетельство тому — строки известной песни доблестных грузинских всадников из поэмы А. Церетели «Торнике Эристави», в которой несомненно отражение и греческого мифа:

К Кавказскому хребту был
прикован Амирани,
вороны кружились над ним,
истерзано было его сердце.

(подстрочный перевод)

Согласно грузинскому преданию, Амирани прикован не к скале, а к железному колу, и, что главное, по велению бога, над ним возвышается гора, которую называют то Гергетской, то Эльбрусом, то безымянной. Эта гора раз в три или семь лет обычно открывается.

Вороны, терзающие сердце героя, возникли в песне несомненно под влиянием греческого мифа. В грузинских сказаниях на воронов или каких-либо других птиц никогда не возлагалась функция зевсова сателлита — орла, обрекавшего Прометея на муки.

ется фактом: Амирани не испытывает ничего похожего на чувство мести по отношению к приковавшему его богу, он как будто даже понимает справедливость его действия, и смирится со своим положением все не может.

Иисус Христос — крестный Амирани, и узы, связывающие их, свидетельствуют, может быть, о не меньшей (духовной) близости, нежели кровное родство. Иисус Христос избаловал своего крестника — после каждого очередного поражения он прибавлял ему силы так, что в грехе Амирани — определенная доля вины и самого творца.

Если наше предположение верно и Амирани действительно символизирует человеческое желание и стремление преодолеть неодолимое, если подобная проблема когда-либо волновала или волнует человечество, это безусловно должно было найти отражение в литературе и вне сказания об Амирани.

Наиболее впечатляющим в этом отношении примером может служить поэзия Николоза Бараташвили, который языком лирики выразил то, что персонифицировано в Амирани.

Небесная лазурь влечет к себе поэта не только своей романтической красотой, но и бесконечностью: «Как прежде, рвется мысль под купол небсвода...»¹. Но ум человека недоверчив и подозрителен. Ему трудно вообразить и предвидеть беспредельность. Потому с такой болью восклицает поэт: «Как прежде, падает, растаяв перед ним».

Только дух человеческий способен бросить вызов беспредельности и бесконечности как реальности, только он не может смириться с какими-либо пределами и пытается одолеть их. И хотя пределы души гораздо шире, чем разума, все же это пределы. Об их существовании Н. Бараташвили говорит в стихотворении «Сумерки над Мтацмinda», где после вышеприведенной строки непосредственно идут следующие:

О боже, сколько раз, теряясь в созерцаньи,
Тянулся мыслью я в небесный твой приют!
Но смертным нет пути за видимые грани,
И промысла небес они не познают.

Разум призван сдерживать вышедшее за его пределы волнение страстей, беспредельное стремление духа. Наверное,

¹ Стихотворения Н. Бараташвили даны в переводе Б. Пастернака.

потому бессмертный Руставели сказал: «Сердце, познание и разум неразделимы»...

Это — гармония, нарушение которой влечет за собой хаос. А первый мятежник — именно душа, безудержное волнение страстей человека, именно здесь может найти пристанище «художник хаоса» (вспомним галактионовское: «В душе туманные озера и художник хаоса»). Странно, но «художник хаоса» в душе — не воспринимается как аномалия. Более того, может быть, именно душа, в которой нашел пристанище художник хаоса, призвана преодолеть безграничный скептицизм разума.

Все преходяще — диктует нам разум. Судите сами: цари-завоеватели борются обычно за «ту самую землю, которой они станут не сегодня-завтра». Но и миролюбивые цари тоже не знают покоя, «они полны раздумий и не спят ночами, они стараются, чтоб их дела хранило с благодарностью преданье».

Все это — в природе человека, всему «виной» — его душа, похожая на «бездонную чашу», не знающая границ собственных устремлений.

Хотя, когда наш мир сгорит дотла,
Кто будет жить, чтоб помнить их деянья?

«Раздумья на берегу Куры» — довольно большое стихотворение Н. Бараташвили, и большая часть его посвящена тому, что, казалось бы, не нуждается в особом подчеркивании. И за всем этим следует совершенно неожиданная, на первый взгляд «необоснованная», но тем не менее для всех одинаково понятная и, что главное, приемлемая строфа:

Но мы, сыны земли, и мы пришли
На ней трудиться честно до кончины.
И жалок тот, кто в памяти земли
Уже при жизни станет мертвечиной!

Как будто именно этот нелогичный вывод нуждался в специальной «обоснованности», но Н. Бараташвили — поверенный тайн человеческой души — хорошо знает и верит в жизнеутверждающую природу человека и потому предлагает нам эти строки без всякой «аргументации».

Помня об этом, мы и «Мерани» воспринимаем так же (в частности, его последнюю строфу) и с тех же прагматических позиций пытаемся объяснить и понять ее, хотя Илья Чав-

чавадзе (первым оценивший поэзию Н. Бараташвили) в своей известной статье отмечал вскользь, но весьма определенно, что великолепный финал «Мерани» —

Пусть я умру, порыв не пропадет.
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый,
И легче будет моему собрату
Пройти за мной когда-нибудь вперед —

нельзя понимать прагматически (как вышеприведенный эпиграф стихотворения «Раздумья на берегу Куры»).

На первый взгляд может показаться, что под этим «собратором» подразумеваются последующие поколения и что это им нужно облегчить тяготы жизненного пути...

Но эта прагматическая цель не может быть истинной причиной самопожертвования поэта. Причина его — в вечном человеческом стремлении оторваться от обыденности, в отчаянной попытке наполнить «бездонную чашу», спасти в человеке дух Амирани. В попытке преисполнить уверенности и другого (далекого собрата) в том, что освобождение Амирани обязательно должно повлечь за собой помимо зла и благо.

И если в этом беспредельном полете всадник погибнет, тогда (и только тогда) у поэта остается единственная надежда — может быть, крылатому всаднику далекого собрата, его Мерани будут облегчены трудности не хоженного еще пути (а не обычного жизненного пути), и, может быть, ему все же удастся преодолеть «пределы судьбы».

Этот собрат (если он вообще появится) — самый близкий человек, который принесет себя в жертву во имя сиротливой души поэта (пусть даже после его смерти).

Как это ни парадоксально, но ничто так не подвержено силе земного притяжения, как безудержное волнение страстей человека. Насколько ближе ему удастся приблизиться к бесконечности, настолько сильнее тянет его обратно к земле, порой против собственной воли. (Как видим, все же «удалось» подчинить мятежную душу поэта и приковать ее к тому, чего она с таким упорством пыталась избежать, что так противно ее натуре; «удалось» еще раз не понять ее, «удалось» еще раз оставить ее в сиротстве и одиночестве).

Вечное стремление Амирани сбросить с себя цепь и самоотверженный полет Мерани — соразмерные друг с другом действия. Если Амирани прикован богом к колу, то всадник Мерани невидимой нитью оказывается связанным с жизнью,

бытом. И если бы не эта невидимая нить, всадник Мераи, возможно, и не «вспомнил» бы о далеком духовном собрате. По прочности своей, как мы убеждаемся, она не уступает цепи Амирани, и порвать ее так же невозможно, может быть, даже более невозможно, чем тяжелую цепь Амирани.

Если это стремление души, это скитание между беспредельностью и прикованностью к земле, символом которого представляется нам Амирани, — общая для всех людей черта, то она должна была отразиться и в литературе тех народов, в фольклоре которых нет или не сохранился подобный образ. В качестве примера можно привести общеизвестное произведение французской поэзии, шедевр, преодолевший языковой барьер благодаря не столько совершенству формы (достоинства которой, как правило, в переводе теряются), сколько благодаря глубине и искренности чувств. В обоих этих произведениях совершенно отчетливо выражено то мироощущение, которое характеризует бараташвилевского всадника или Амирани.

«Пьяный корабль» Рембо — скитающаяся в безбрежном океане и устремленная в бесконечность душа. Не буря увлекла его в бескрайний океан, а упрямое, искони присущее человеку желание достичь недостижимого. Где только не был пьяный корабль, чего только не видел! Видел «и то, на что не смел никто взглянуть»...¹ В своих скитаниях он носит с собой «проклятый груз» (фламандский хлопок и английскую пшеницу), которым заполнили его трюмы люди. В награду за свой самоотверженный полет он получает лишь морские брызги и удивительное вдохновение. Пьяный корабль ненавидит все маяки, которые вновь хотят заманить его в укромную обитель; он ненавидит старую Европу с ее надежно укрытыми портами (самая страшная буря не сможет угнать оттуда корабль в открытое море), и все же его, как магнитом, притягивает речная отмель, в которой исполненный какой-то непонятной, непостижимой тоски маленький мальчик пускает колышущуюся, как бабочка, игрушечную лодку.

Коль мне нужна вода Европы, то не волны
Ее морей нужны, а лужа, где весной,
Присев на корточки, ребенок, грусти полный,
Пускает в плаванье кораблик хрупкий свой.

¹ Стихотворение А. Рембо дано в переводе М. Кудинова.

Поэт не объясняет, что за тоска поселилась в душе ребенка или почему так стремится к речной отмели пьяный корабль.

Может быть, причина тайной скорби ребенка в том, что пока еще ни ему, ни его игрушечной лодке не дано, подобно пьяному кораблю, носиться в бескрайнем океане? Может быть, пьяный корабль видит в этом маленьком мальчике своего будущего «собрата», которого он толкнет на путь бесконечных исканий и облегчит трудности этого пути?!

С этой точки зрения Амирани, возможно, гораздо ближе к Мерани, пьяному кораблю и даже исполненному непостижимой тоски мальчику, чем к древнейшему своему двойнику — Прометею.

В стихотворении Н. Бараташвили «Раздумья на берегу Куры» фактически ставится шекспировский (он же вечный, общечеловеческий) проклятый вопрос «быть или не быть», вопрос притягивания или непритягивания жизни.

Кто вынес бы превратности жизни, если бы «в смертной схватке с целым морем бед» можно было бы «покончить с ними? Умереть. Забыться». Однако страх перед неизвестностью сковывает нашу волю.

Человек постоянно пытается преодолеть страх перед мимолетностью жизни, и в этих попытках верным его союзником выступает его же душа, не допускающая даже мысли, что что-либо может оказаться ей не по плечу. Человеческая душа сопротивляется скепсису разума, и полное и окончательное отрицание жизни происходит тогда, когда она не может одолеть его.

Величие Гамлета именно в том, что благодаря своему разуму он не превратился в труса, что его скепсис не смог ослабить его отваги.

Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодьи умственного тупика, —

— говорит он, однако все же принимает полностью отвергаемую разумом действительность, которая представляется ему запущенным садом, «где цветут только плевелы и сорная трава». Когда Офелия становится марионеткой в руках Клавдия и Полония, а для Гамлета гаснет и этот слабый источник света и воцаряется полнейший мрак, когда, казалось бы, жизнь теряет смысл, именно тогда неумный, нестигаемый дух, при-

сущий человеку, заставляет взять в руки меч этого исполненного скепсиса героя и противостоять «нахлынувшему горю»...

В одном грузинском народном стихотворении, которое могло послужить эпиграфом к «Гамлету», как бы выкристаллизована суть шекспировской трагедии.

Одно сердце говорило мне:
умри, почему ты еще цел,
второе же произносило —
живи назло врагу!

(подстрочный перевод)

Грузинской народной лирике не чужды раздумья о жизни и смерти, о сущности жизни, о человеческой природе, о мимолетности бытия, о вечности, красоте или других общечеловеческих вопросах. На общем фоне грузинского фольклора наша интерпретация Амирани не должна показаться нетрадиционной или чуждой.

Доброго молодца, волка, орла —
никого из них не выдрессировать... —

— говорится в одном грузинском народном стихотворении.

«Не выдрессировать» и Амирани.
«Волк не перестанет быть волком...»

Не сломать и «не выдрессировать» то, чем одарил творец человека, — неумемное его стремление к цели, пусть и не до конца осознанной, упрямая амиранова мечта одолеть беспредельность.

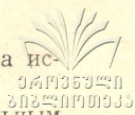
Как мы отметили выше, во всех людях (независимо от их национальности) в той или иной степени живет Амирани, и все они по-своему борются с бесконечностью (вернее, с мимолетностью жизни), хотя «кто думает, что ему много отпущено, живет одно мгновение», хотя «на этом пути мираж — смелость поэтов», хотя «только мы родимся, могила уже ждет нас».

Человек, будь он бессмертным, как Амирани, все равно нашел бы о чем печалиться, о чем горевать... И тогда уже эта вечная жизнь представлялась бы ему такой же страшной, как сама смерть.

Тоска и печаль по недостигаемому возрождают человека и в то же время оправдывают его существование. Эта печаль, являющаяся вечной спутницей как фольклора, так и

литературы, не имеет ничего общего с пессимизмом, она ис-
полнена жизнеутверждающей силы.

Окончательная граница между человеком и остальным
одушевленным миром, вероятно, установилась тогда, когда и
радость, подобно горю, сумела вызвать у человека слезу.

Человек соткан из горя и радости, и если он лишится
одного из этих чувств, он превратится в духовного калеку.

Сожаление о мимолетности нашего существования с еще
большей остротой заставляет нас воспринимать то, что веч-
но, что так прекрасно и привлекательно. Будь мы уверены в
том, что всегда сможем наслаждаться красотой, она, наверное,
наполовину утратила бы свою животворную силу («Да по-
может тебе бог, смерть, жизнь красна тобой» — Важа Пша-
вела).

Может показаться странным, но когда в народе говорят:

Мир цвета сумерек,
все более и более сгущается сумрак,
что наша жизнь,
как птица улетит от тебя.
Нагонит тебя старость,
волком накинется,
смерть преградит дорогу,
глаза твои пригорюнятся.

(подстрочный перевод),

звучащая в этих словах грусть не воспринимается как отри-
цание жизни.

Это своего рода «солнечная тень», благодаря которой не-
редко даже самые меланхолические строки оказывают на че-
ловека обратное действие, поскольку содержат и радость остро-
рого восприятия красоты нашего мира.

Как известно, каждый художник неразрывно связан с
жизнью, со своей эпохой. Поэтому вполне естественно, что,
пытаясь как можно глубже проникнуть в суть того или иного
произведения, мы учитываем обычно положение страны, в
которой жил и творил художник, основные моменты его био-
графии и т. д.

Совершенно очевидно, что произведения Н. Бараташвили
«Судьба Грузии» или «Могила царя Ираклия» родились под
влиянием социально-политического положения Грузии того
периода. По свидетельству самого поэта, причиной написания
«Мерани» явилось пленение Шамилем Илико Орбелиани. По

аналогии, мы пытаемся установить повод для написания стихотворений «Злой дух» или «Одинокая душа» и, естественно, обращаемся с этой целью к биографии писателя: во время учебы в гимназии он упал с лестницы и остался хромым, что помешало исполнению его заветной мечты, — он был вынужден распрощаться с мыслью о военной карьере; отец поэта Мелитон промотал состояние и обанкротился, оставив сыну в наследство одни долги; любовь к Екатерине Чавчавадзе осталась неразделенной; рядом с поэтом не было настоящего друга и т. д.

Однако не будь этих «благоприятных» причин, вечная и постоянно сопутствующая человеку печаль, которой так мощно был заряжен Бараташвили, все же заставила бы его высказаться (вне этого чувства даже под пером самого талантливого поэта общечеловеческие проблемы снижаются до уровня частных, до уровня личного несчастья).

Вместе с тем мы не учитываем в должной мере еще один источник, который так щедро питал поэзию Н. Бараташвили, — и «Злой дух», и «Одинокая душа» выражают фактически традиционное для грузинской литературы «неудовлетворение бранным миром», которое, со своей стороны, лежало в основе отношения народа к жизни.

Амираново стремление одолеть неодолимое, неуемная жажда постичь непостижимое рождали в человеке чувство неудовлетворенности и тоски, которое, в свою очередь, побуждало его жить как можно более полнокровной жизнью.

Но какие последствия может повлечь за собой преодоление человеком неодолимого, преступление границ безграничности?

Трудно сказать, что означает в этом контексте известная строка Галактиона — «Душа жаждет предела, как и беспредельность», — поэтический ли это парадокс или поэт ставит ту же извечную общечеловеческую проблему.

«**К**ТО БЫЛ современником своей эпохи, тот имеет наибольшие шансы оказаться современником эпох будущего»¹ (531) — сказал Луначарский о Пушкине.

«Современник эпох будущего»... Эти слова можно отнести и к самому Анатолию Васильевичу Луначарскому, всю жизнь посвятившему социалистической революции, делу великой партии Ленина, стойкому борцу, истинному сыну своего века. И какого века! Первые годы революционной деятельности Луначарского относятся к началу третьего этапа революционно-освободительного движения, а скончался он в 1933 году, когда его Родина приступила к широкому социалистическому строительству! Огромный путь страны! Огромный путь ее сына, современника и участника всех наиболее значительных событий в ней. Его неутомимая деятельность включала в себя все, по сути дела, виды умственной, духовной и творческой жизни. Ответить односложно, кем он

Георгий ГИГОЛОВ

ВСЕГДА СОВРЕМЕННОК

¹ Здесь и далее цитация по кн.: А. В. Луначарский. Статьи о советской литературе. Изд. второе, исправленное и дополненное. «Просвещение», Москва, 1971. В скобках указаны страницы.

был, невозможно. Философия, социология, история общественных движений и религий, литературоведение и критика, искусствоведение, театроведение, музыковедение и многое другое входило в безграничный круг его профессиональных интересов. В творческий облик Луначарского естественно вписывается и художественная литература — он автор многих драматургических произведений, прозы, стихов, переводов и, наконец, — вдохновенный оратор, импровизатор, блестящий полемист, популяризатор и пропагандист Прекрасного.

...Ну, а все-таки, какой области культуры сам Луначарский отдавал предпочтение? Кем считал себя по преимуществу? Как-то, в беседе со студентами-филологами, он обронил: «История художественной литературы — моя специальность»². Правда, он не сказал — моя главная (или основная) специальность, но это, думается, не столь существенно. Вся творческая и организационная деятельность Луначарского, охватывавшая, повторяем, чуть ли не все области культуры и искусства, действительно постоянно и неизменно была связана с необъятным миром художественной литературы, которой он своею любовью, неизменной, верной, и сверкающим талантом заплатил щедрую дань — и как художник, и как ученый-теоретик и исследователь, создавший свое литературоведение, свою науку о литературе.

Давно отмечено: высокий уровень не только литературоведческих, но и всех трудов Луначарского в первую очередь обусловлен тем, что на протяжении всей своей жизни он следовал учению Ленина, вдохновляющие идеи которого были для него путеводными и служили верным ориентиром всегда и во всем.

Совершенно закономерно, что не кто иной, а именно Луначарский, двадцать лет проработавший рядом с Лениным, первым обратился к фундаментальной разработке и обобщению ленинских идей в сфере культуры, искусства и литературы.

Образ вождя — каким он предстает перед нами в многочисленных работах Луначарского — это памятник человеку, который «остается у нас и сейчас колоссально живым». «Сейчас мы ищем в его наследии, порой с беспокойством ищем, указаний в нашей борьбе, нашем строительстве»³, — так подходил к бессмертным ленинским идеям сам Луначарский, и так наши современники воспринимают все написанное им о Ленине, как о «человеке нового мира, подлинно социалистической высокой личности».

² А. В. Луначарский. Исследования и материалы. Л., «Наука», 1978, с. 186.

³ А. В. Луначарский. Человек нового мира, М., 1980, с. 21.

Исключительно важное место среди работ Луначарского занимает статья «Ленин и литературоведение», приступая к которой он хорошо осознавал и трудности, встававшие перед ним, так как приходилось идти по еще никем не хоженной дороге, и груз ответственности, взятой на себя, и, главное, все значение этой работы для советской литературы и науки. «Если она мне удастся вполне — будет большая победа. Ведь никто не смеет за нее взяться!»⁴ — писал он.

Появление этой статьи в 1932 году вряд ли можно считать случайным. Год 32-й — во многом переломный в истории советской литературы, год известного Постановления ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором нашли отражения все наиболее острые проблемы, волновавшие литературную общественность, намечены были организационные мероприятия, направленные на улучшение и коренную перестройку огромного литературного хозяйства, и в значительной мере стимулирована разработка теоретических вопросов науки о литературе; все это и предопределило обращение к основе основ — к ленинским идеям. Обращаясь к ним, Луначарский в живом ленинском наследии обретал руководящее начало, ибо, по его словам, обоснованные Лениным «общие принципы марксизма имеют основополагающее значение и для литературоведения, как одной из ветвей пролетарской науки», и без «внимательнейшего изучения» ленинского наследия «нельзя ни познать прошлое литературы, ни исторически осмыслить ее настоящее и будущее» (7—8).

В работе «Ленин и литературоведение» впервые с такой широтой разработаны коренные положения ленинизма применительно к проблемам общекультурного характера и особенно литературе, широко освещены аспекты ленинского учения о двух культурах в каждой национальной культуре, отношения к культурному наследию прошлого и взаимоотношения последнего с пролетарской культурой, проблемы национальных культур и литератур и дана критика вульгаризаторских теорий в области культурной политики. Особенно хочется отметить, поскольку этой стороне ленинского наследия уделялось явно недостаточное внимание, что Луначарский — возможно, первым — указал на огромную роль в гносеологическом процессе ленинского учения о диалектике, философская глубина которого, по его словам, имеет «не только общеполитическое, но и специально литературоведческое значение, например, в постановке проблемы единства «общего»

⁴ «Новый мир», 1975, № 11, с. 256.

и «частного» в таких важных категориях литературоведческой науки, как стиль или жанр, и проблемы «единства противоположностей» применительно к творчеству отдельно взятого писателя — сделать это — значит уяснить внутренние противоречия этого творчества и установить в их недрах ведущее, организующее начало» (12—13).

По словам Луначарского, Ленин «с величайшей энергией» боролся за «воинствующее, боевое, партийное искусство». Его статья «Партийная организация и партийная литература» заключает в себе целую программу борьбы за передовую литературу, литературу социалистического общества. Объективное значение этого программного выступления Ленина Луначарский вполне справедливо видит в том, что, выйдя за пределы собственно партийной литературы и публицистики, статья эта своими идеями обращена к художественной литературе, и, несмотря на то, что с момента ее опубликования прошло более четверти века, выдвинутый Лениным принцип партийности, служащий делу социалистического переустройства мира, «в настоящее время так же актуален, как и развернутая в статье жесточайшая критика буржуазной литературы, как и пламенная характеристика будущей социалистической литературы, служащей миллионам и десяткам миллионов трудящихся» (62).

Луначарскому принадлежит неоспоримая роль первого «защитника» и пропагандиста ленинского принципа партийности литературы, более того — критика-публициста, который в своей разносторонней деятельности последовательно руководствовался ленинскими идеями.

В развернувшейся вокруг ленинской статьи, опубликованной в 1905 году, в самый разгар классовых битв первой русской революции, яростной борьбе Луначарский, уже тогда видный боевой публицист-большевик, выступил в защиту ленинского учения о партийности литературы. Он написал ряд проблемных статей, освещающих марксистско-ленинскую концепцию взаимоотношения искусства и революции, из которых особо следует назвать «Задачи социал-демократического художественного творчества», представляющую собою, несмотря или, вернее, вопреки некоторому налету махистских увлечений ее автора, выдающееся произведение ранней марксистской критики. В полемике с ходкой в буржуазно-либеральных кругах того времени «теорией» о невозможности появления пролетарской литературы и культуры вообще и, с другой стороны, с мало чем отличающимся от этой «теории» меньшевистским скепсисом в том же вопросе Луначарский блистательно доказал, что социал-демократия не только полити-

ческая партия, но и величайшее культурное движение, и нет ни-
какого сомнения в скором расцвете пролетарского искусства.
Все «критики» ленинского учения о партийности — от дореволю-
ционных буржуазных идеологов до нынешних «советологов» и
«кремленологов» — с особенным ожесточением встретили разо-
блачение Лениным мифа об «абсолютной свободе писателя в
условиях классового общества». Буржуазной литературе, лицемер-
но прикрывающей свою зависимость «от денежного мешка, от
подкупа, от содержания» разговорами о свободе творчества, Ле-
нин, как известно, противопоставлял «действительно свободную,
открыто связанную с пролетариатом литературу». С присущим
ему талантом убеждать, опираясь, как правило, на факты, и
только факты, используя свою не знающую границ эрудицию, Лу-
начарский доказал: не ленинский тезис об открытой связи ху-
дожника с пролетариатом, с целями и задачами борьбы за пе-
реустройство общества, а буржуазный лозунг «абсолютной сво-
боды» ограничивает, а в итоге лишает художника подлинной
свободы, так как подразумевает неправомочность писателя —
адепта «чистого искусства» — участвовать в общественной жизни,
тем более в революционной борьбе и касаться в своем творчест-
ве соответствующих жизненных тем⁵.

Не менее важными, чем защита и практическое претворение
в своем творчестве ленинского учения о партийности литерату-
ры, являются работы Луначарского в области такой кардиналь-
ной проблемы литературы, как социалистический реализм.

Важнейшее, составляющее основу концепции Луначарского,
положение об историческом, точнее, историко-социальном проис-
хождении социалистического реализма, о его генетической связи
с классической литературой восходит, как это нетрудно увидеть,
к ленинскому учению о пролетарской культуре как законной на-
следнице всего лучшего, что выработало человечество за все ве-
ка своего развития. Многократно, в особенности в двадцатые го-
ды, когда некоторые литературные организации и группировки
(пролеткультовские, рапповские, Леф и пр.) грешили нигилисти-
ческим отношением к литературе прошлого, к лучшим достиже-
ниям ее, Луначарский выступал страстным защитником ее, утвер-
ждая, что путь, которым шли наши классики, «остается нашим
путем. Это — путь социального реализма»⁶. В развернутом виде
теория эволюции реализма, каждый этап которого связан с клас-
сово-социальными отношениями в данный исторический момент,

⁵ А. В. Луначарский. Собр. соч. в восьми томах, т. 7, с. 136.

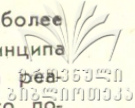
⁶ Там же, т. 2, с. 312.

несмотря на некоторый схематизм и несколько гипертрофированный социологический элемент, в общем представляется убедительной, во всяком случае для того, чтобы охватить «глобальные» процессы, происходившие в реализме, и те факторы — социальные, исторические и собственно литературные, которые в совокупности вызвали к жизни реализм социалистический.

Несмотря на то, что рождение и формирование нового литературного факта или направления, как, впрочем, любого явления искусства, процесс длительный, подчас трудно уловимый и, во всяком случае, далеко не сразу выявляющий свои истинные масштабы, Луначарский — и это делает честь его проницательности — первым указал на произведение, в идейном содержании и мировоззренческом строе которого ясно распознал признаки того течения, которое впоследствии будет названо социалистическим реализмом, и тем самым предвосхитил современное восприятие этого произведения. Речь идет о «Врагах» Горького. Луначарский вскоре «серьезной работой социалистического типа» признал и роман «Мать». В этих произведениях он увидел «исполнительскую силу и семимильный шаг вперед» и уверенно предсказал, что когда-нибудь значение этих выдающихся творений Горького в развитии пролетарского искусства будет учтено⁷. Эти пророческие слова были произнесены тогда, когда буржуазная критика и публицистика вынесла безапелляционный приговор новой пьесе пролетарского писателя и роману «Мать», как произведениям, свидетельствующим об окончательном «падении» Горького-художника. Луначарский же безошибочно указал на новаторство автора «Врагов», на то, что он — первый русский художник, кто взял «чисто социалистическую тему и чисто социалистически ее обработал». Конкретно новаторство «Врагов», позволившее Луначарскому расценить эту пьесу как новый этап в литературе, выразилось в том, что проблематика пьесы продиктована «движением нового класса», уверенностью в грядущей победе, в том, что пролетарский художник, изображая быт рабочих, концентрирует свое внимание не на нищете и несправедливости, а на боевой настроенности пролетариата. Статья «Задачи социал-демократического художественного творчества» (1907) пронизана светлым ожиданием скорых успехов новой социалистической художественной литературы и содержит — пусть пока в несколько аморфном виде — признаки, которые впоследствии будут возвращены в целостную теорию социалистического реализма.

⁷ «Литературный вестник», кн. 2, с. 88.

Б. Беляк находит замечательным, что именно в ней, «наиболее непосредственно связанной с ленинским обоснованием принципа партийности литературы, была дана первая характеристика реализма нового типа», свидетельствующая о том, «как близко подошел А. В. Луначарский еще в дооктябрьские годы к позднейшим суждениям о социалистическом реализме, высказанным родоначальником этого метода»⁸.

Наконец-то эти два имени прозвучали рядом. И это закономерно. Разными путями и средствами, но основоположник социалистического реализма и ученый-марксист делали одно великое дело.

Попутно скажем: контакты современников всегда заслуживают внимания, отношения же людей такого масштаба, как Горький и Луначарский, — уже значительный общественный факт. В данном же случае их взаимоотношения заключают в себе дополнительный аспект: Луначарский имеет все основания считаться основоположником советского горьковедения. Именно с Горького, который, по словам Луначарского, был для его поколения одним «из самых ярких явлений его зари», начинается восхождение к вершинам марксистской критики молодого социал-демократа (в статье «Морис Метерлинк», 1902) — великолепными же статьями о нем заканчивается вся его многосторонняя деятельность. Со своей стороны, Горький испытывал неустанный интерес к Луначарскому, тоже проявившийся рано, в 1904 году, когда он обратил внимание на одну из статей молодого революционера.

У них было много точек соприкосновения. Не говоря уже об известной идейно-психологической близости Горького и Луначарского на почве богостроительства, — кстати, отнюдь не самого главного в их близости — очень важным в историко-литературном плане представляется их общая забота о русской и советской литературах и, в частности, разработки в области теории социалистического реализма. Здесь наблюдается весьма значительный параллелизм как в направлении теоретических исканий, так и в их результатах; подчас совпадали даже этапы исканий. Так, например, Горький разделял мысль Луначарского о том, что будущая социалистическая литература «будет и не реализм, и не романтизм, а какой-то синтез их обоих...»⁹. Нужно ли говорить, какое большое место в «пролетарском реализме» отводил Луначарский романтизму в предреволюционные годы? Мысль о «смешении» реализма

⁸ Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX в., М., 1975, с. 63, 65.

⁹ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 29, с. 280.

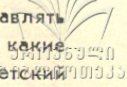
и романтизма, как двух ипостасей единого органического целого, высказывалась Горьким и в дальнейшем — вплоть до начала 30-х годов. К этому времени идея Горького о «синтезе» стилей наполняется новым конкретным содержанием, а формулировка и терминология — обретать четкость.

Трудно переоценить значение работ Луначарского о социалистическом реализме, созданных в начале 30-х годов одновременно с широко известными статьями о творчестве основоположника метода советской литературы. По сути дела, все последующие труды советских ученых о социалистическом реализме в той или иной степени восходят к работам Луначарского, в которых — корни разработки этой важнейшей проблемы нашей культуры.

Он решительно отверг бытовавшую тогда в отношении социалистического реализма терминологию, действительно путаную и ничего не говорящую «ни уму, ни сердцу» (диалектико-материалистический метод, метод пролетарский, советский, монументальный), отверг и попытки признания социалистического реализма стилем или, еще «лучше», лозунгом. Ибо «социалистический реализм, — пишет Луначарский, — есть целое направление, которое будет доминировать в течение определенной эпохи (может быть, даже будет характеризовать собой формы искусства социалистического человечества, так сказать, окончательные, наиболее высокие формы подлинно человеческого искусства)» (197).

Каковы же типологические черты социалистического реализма? Если испокон века литература была средством познания действительности, то социалистический реализм, сохраняя гносеологическую функцию, стремится к большему — к переделке мира. В отличие от реализма «статического» он понимает действительность «как развитие, как движение, идущее в непрерывной борьбе противоположностей» (174). Постоянно, с разных сторон, привлекая обширный эмпирический материал, Луначарский доказывает преобразующую роль социалистического реализма. «Наше искусство не может быть ничем иным, как силой, оказывающей огромное влияние на общий ход борьбы и строительства» (171).

Каждое время, известно, создает свой тип писателя, наиболее полно удовлетворяющий его идейно-эстетическим потребностям. Советский писатель, социалистический реалист, по Луначарскому, не сова Минервы, которая вылетает с наступлением ночи, он, «пионер-организатор», «должен идти впереди нашей армии, углубляясь во все стороны пролетарской жизни и опыта, суммиро-

вать их своим особым методом образного мышления, доставлять нам полнокровные, яркие обобщения относительно того, какие сейчас процессы совершаются вокруг нас...» (311—312). Советский писатель не может стоять вне жизни и борьбы, в которой определяет свою классовую принадлежность, проявляя себя «как активную силу, стремящуюся к тому, чтобы процесс шел так, а не иначе. Он определяет себя как выражение исторического процесса, с одной стороны, а с другой — как активную силу, которая определяет собой ход этого процесса» (174—175). В облике «революционного, социалистического реалиста» выделяется еще одна важная черта: он «человек напряженных эмоций», он «полон страсти, он — боевой», что придает его искусству «огонь и яркость красок...» (175). Не следует полагать, что эти качества, которые Луначарский считает атрибутами природы социалистического реалиста, даны ему, так сказать, свыше, этаким даром природы, и являются субъективными чертами характера. Луначарский связывает их со всем мировоззренческим строем писателя, его отношением и жизненной позицией — активной, творческой, преобразующей, действенной. Социалистический реалист потому не может быть «статиком», «фаталистом», что он «участник борьбы, видящий, где зло и где добро, прекрасно понимающий пути, по которым нужно идти...», он «полон любви и ненависти, гнева и восторга, он весь переполнен чувствами» (175).

Принцип партийности подразумевает и обеспечивает писателям широкий, как сама неисчерпаемая в бесконечном движении жизнь, простор в выборе тем, вопросов, проблем для творчества... Неплохо было бы всем скептикам, а то и просто врагам советской литературы, хотя бы из компании «советологов», «кремленологов» и других, безымянных антисоветчиков с их набором дремучих нелепиц о социалистическом реализме, который-де «нивелирует» искусство, «стандартизирует» творческие индивидуальности, лишает литературу самобытности, оригинальности, многообразия красок, стилей и т. п., — неплохо было бы всем недоброжелателям советской культуры прислушаться к словам Луначарского: «... жизнь колоссальна, и мы должны обнять ее всю. Отношение к окружающей природе и своей собственной человеческой природе, отношение к семье с ее громадными кризисами, отношение к различным жизненным положениям — все это неисчерпаемо, как сам жизненный океан». Задачей огромной общественно-политической важности Луначарский считает показ «нового человека». Говоря об этой необходимости, он по сути дела поднимает одну из самых важных проблем литературы социалистического реализма — создание образа «положительного

героя», современника, активного участника всех событий, причем «надо брать его проявляющим себя в различной среде, в различных сферах» (281). В тематику советского писателя должна входить «еще острейшая критика всего, чем вооружен враг, или тех форм разложения, которые мы видим у отдельных классов»¹⁰.

Всяческого внимания заслуживает разработка Луначарским проблемы, к которой он возвращался неоднократно, особенно часто после революции, в связи с теорией социалистического реализма, — проблемы стиля в ее широком значении. Поскольку слово стиль «не имеет совершенно точного, установленного значения» — это мнение Луначарского, уверены, относится не только ко времени написания этих строк, — он дает свое определение стиля, которое «означает некоторую совокупность особенностей самой концепции художественного произведения (т. е. идей, образов) и его форм... совокупность, стало быть, характернейших и объединяющих свойств известной группы художественных произведений, которые мы признаем принадлежащими к одному и тому же стилю» (197). Не вдаваясь сейчас в выяснение вопроса, насколько полно эта формулировка определяет понятие стиля применительно к литературе (в архитектуре, например, слово стиль, указывает Луначарский, имеет «наиболее определенный смысл»), скажем, что такое понимание стиля позволяет сделать заключение о том, что хотя литературные направления допускали внутри себя «несколько явно различимых стилей», — лишь социалистический реализм не только предполагает многообразие стилей, ...«многообразие стилей прямо-таки вытекает из него» (197). Доказывать, что в основе этого несомненного положения лежит сама социалистическая действительность, самые разнообразные явления «нового, жизненного творчества», обогащающего все стороны духовной деятельности социалистического общества, думается, нет нужды.

Далеко не последним ингредиентом социалистического искусства, его, можно сказать, атрибутом Луначарский считает социалистическую романтику. Всю жизнь он отстаивал право романтики на существование, особенно после революции, когда в концепциях некоторых литературных направлений и группировок романтика подвергалась откровенному остракизму. По Луначарскому же, метод социалистического реализма «в известной степени немислим без примеси романтики» — «социалистической романтики», коренным образом отличающейся от романтики «буржуазной» (204). Социалистический реалист принимает нашу действи-

¹⁰ «Литературное наследство», т. 82, М., 1973, с. 25.

010025940
8024010033

тельность, принимает ее в движении и хочет, по словам Луначарского, чтоб она развивалась быстрее, чтобы быстрее сплотились ее активные силы. И тут на помощь приходит искусство. Его художник стремится ускорить темпы развития действительности, и он может достигнуть этой цели, создавая художественными способами такой идеологический центр, который стоял бы выше этой действительности, который подтягивал бы ее вверх, который позволил бы заглядывать в будущее и этим ускорил бы темпы. Если во все времена реализм и романтика существовали как антагонистические категории, как два полярных мироотношения, то в системе социалистического реализма стремление искусства заглядывать в будущее «открывает доступ элементам, строго говоря, выходящим за формальные рамки реализма, но нисколько не противоречащим реализму по существу, потому что это не уход в мир иллюзии, а одна из возможностей отражения действительности — реальной действительности в ее развитии, в ее будущем» (176—177) — путь художественного прогноза. И здесь в своих раздумьях о характере и функции романтики в социалистическом реализме Луначарский опирается на известные ленинские слова о роли мечты. Реализм, по мысли Луначарского, неисчерпаем. В его возможностях Луначарский видит «большую лестницу» от искусства, которое будет «почти граничить с реализмом», до «типизации высоко возносящихся над конкретной действительностью и приобретающих почти характер типов всеобъемлющих» (128).

...Поистине трудно переоценить роль Луначарского в становлении и развитии советской литературно-художественной критики и значит — литературы¹¹.

Все написанное Луначарским о советской литературе пронизано чувством большой законной гордости за ее успехи. Гордость эта, можно сказать, особая, «личная». Ведь еще совсем недавно, опираясь на ленинское предвидение, ему приходилось в ожесточенных боях отстаивать мысль о неизбежности появления пролетар-

¹¹ Так уж получилось, что многочисленные работы Луначарского по советской литературе — статьи, рецензии, обзоры и т. д. — за некоторым исключением до последнего времени были известны меньше, чем его труды по классической литературе, театру, живописи. Опубликованные в последние два десятилетия, кстати, все еще не полностью, труды его по советской литературе много расширяют привычное представление об истинных масштабах, характере и направлении его критической деятельности в самый продуктивный период его жизни и вносят немало свежих идей в современные концепции истории советской литературы.

ской социалистической художественной литературы. Прошло каких-нибудь лет двадцать, и Луначарский — в 1925 году — уже имел все основания говорить о «молодом, но очень густом буре десе нашей литературы», которая, вопреки голосам, «каркающим по поводу оскудения русской литературы», «растет молодой, правдивой, могучей, нарядной», и уже «можно собирать богатейшие кошицы цветов на лугах этой новой весенней литературы» (217). Он верил в неисчерпаемые возможности быстро развивающейся советской литературы, обещающей в будущем еще более яркие свершения, в ее неиссякаемый потенциал. Нисколько не умаляя значения западной литературы, Луначарский уверенно предсказывал: «Мы располагаем гораздо большими сокровищами и гораздо более широкими путями в будущее, чем Запад» (199).

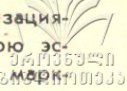
Исторический факт приобщения к художественному творчеству многих народов давал Луначарскому основание гордиться советской литературой. Само понятие «советская литература» обретает совершенно новый смысл как литература, объединяющая творчество народов СССР в одну многоязычную, но единую по идейным устремлениям литературу. В 1927 году в докладе на Международной конференции пролетарских писателей Луначарский говорил, что к моменту революции литература была «почти исключительно русской, даже литература на языках высококультурных народностей подвергалась всяческому притеснению: у многих, сравнительно многочисленных и культурно устойчивых, национальностей своей литературы не было совсем». Октябрьская революция, создавшая условия для культурного развития всех наций, «распахнула двери для появления и совершенствования литературы на нескольких десятках языков». Этот факт имеет «колоссальное значение», но еще важнее, по словам Луначарского, «перемены, сдвиги, происшедшие в результате Октябрьской революции в области самого содержания литературы» (231).

...Работы Луначарского «доносят до нас жар великого времени, пронизанного острой классово́й борьбой...»¹². Это — о 20-х годах. Бесспорно — доносят, но не этой, так сказать, информационной функцией они связаны с нашей современностью.

Многие, очень многие материалы литературно-критической борьбы тех далеких лет — очень интересные, острые для своего времени — воспринимаются сейчас как «глухие отголоски прошедшей эпохи, сохранившие, пожалуй, лишь исторический интерес. Как нечто очень далекое воспринимаются ныне критические стычки, полемики — все, чем так богато было первое десятиле-

---

¹² А. В. Луначарский. Собр. соч., т. I, М., 1963, с. XXIV.

тие советской литературы, — между писательскими организациями и группировками, каждая из которых, опираясь на свою эстетическую доктрину, подчас далекую от столбовой дороги марксистской критики, ожесточенно боролась не столько за общие цели советской литературы, сколько за престиж и «честь мундира». И в литературно-критической практике Луначарского, не следует закрывать глаза, имелось преходящее, не нашедшее места в будущем. Но его критика способствовала развитию марксистской критики, советской литературы в целом и, наконец, благодаря своим высоким идейным качествам и эстетическим достоинствам дошла до нашего времени не как «голос минувшего» или информация о былом, а как активное действенное начало, слившееся с критикой наших дней. Многие из критического наследия Луначарского настолько современно, что как-то не верится, что оно все-таки «наследие», — так трепетно чувствуется в нем дыхание нашей современности, ее интересы. И это потому, что подлинный марксист-диалектик, он всегда смотрел вперед и, решая критическую задачу, даже локальную, «частную», никогда не ограничивался тактическими целями, а мыслил неизменно широко, перспективно, скажем так — пророчески.

Сфера критики, считал Луначарский, не может ограничиваться исключительно художественной литературой, она должна быть расширена включением в нее самой критики, так как она, по его выражению, есть одновременно и научная дисциплина, и своеобразное художественное явление. Художественное... Вся литературно-критическая деятельность человека, высказавшего эту мысль, доказывает: да, критика действительно может быть искусством, искусством.

В каком бы критическом жанре ни работал Луначарский — ему принадлежат монографии, статьи, этюды, эссе, литературные портреты, рецензии — все написанное им отмечено печатью яркой индивидуальности. Можно сказать, что у Луначарского выработалась своя эстетическая система и поэтика, одинаково действующие и в области «чистого» литературоведения, и в сфере текущей литературной критики. Независимо от того, что перед читателем, обширное исследование или небольшая заметка — глубокие по содержанию, доведенные до афористической четкости и выразительности, изящные, ясные до прозрачности все его работы читаются с наслаждением, — чувствуется: писал художник, его писания — искусство. Относя Луначарского к числу «не часто встречающихся представителей литературной науки» на том основании, что он, «критик-художник», «обладал способностью облекать сложные и глубокие мысли в живую, доступную, и увле-

кательную форму», А. С. Бушмин считает уместным напомнить об этом «особенно потому, что ныне в литературоведении и критике появилось немало охотников «интриговать» и «устрашать» читателя набором трескучих, мудреных слов, терминов и выражений, собранных не к месту отовсюду, для того чтобы ворохом этого наукообразного словесного мусора прикрыть банальность или отсутствие мысли. Чтение работ Луначарского укрепляет неприязнь к гелертерским, мнимонаучным сочинениям на литературные темы». И потому появление работ о Луначарском как мастере литературной критики «очень своевременно и желательно», так как они могли бы послужить «противоядием против увлечения заумничеством в литературоведении»¹³.

По мнению Луначарского, от критика-марксиста требуются дарование, «общественная чуткость» и «большое чутье», разумеется, соответствующая марксистская подготовка и «большая сноровка» (105).

Вряд ли нужно говорить, что всеми этими качествами — и еще множеством других — в полной мере обладал сам Луначарский.

Его реакция на все, большее и малое, происходящее в литературе, была мгновенной. Будучи в курсе всего, он очень оперативно откликался на все новое, и его отклики охватывали большой круг конкретных и общих вопросов и за очень малым исключением имели характер и силу точного диагноза. Он был неизменно доброжелателен и так же неизменно объективен. Признавая там, где это нужно, полезность острой полемики, — а он, как известно, был блестящим полемистом, вооруженным бездонной эрудицией и всеми средствами полемики — остроумием, пафосом, сарказмом, находчивостью, — Луначарский считал большим грехом за «полемическими остротами» скрывать шаткость идейных позиций и слабость аргументов. Он учил: нельзя смешивать злобу с классовой ненавистью. Это разные вещи. Вся критика Луначарского опиралась на глубокую веру в потенциальные возможности нашего народа, и великой радостью для него было найти в литературе что-то новое, яркое, талантливое и поведать об этом.

Напомним: Луначарский был одним из немногих, кто сразу высоко оценил «Тихий Дон», появление которого, как известно, сопровождалось разнузданными нападками на идейное содержание романа и разного рода инсинуациями в адрес моло-

¹³ А. С. Бушмин. «Слово о Луначарском», в кн.: «А. В. Луначарский. Материалы и исследования», Л., 1978, с. 8—9.

дого Шолохова, — он прозорливо увидел произведение «исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы», напоминающее «лучшие явления русской литературы всех времен» (357); нисколько не замалчивая того, что он считал недостатками в поэзии Маяковского, Луначарский, как всегда, объективно неоднократно отмечал огромную революционизирующую роль стихов поэта-новатора и, вопреки злобным «пророчествам» врагов Маяковского о полном забвении, которое ждет все его стихи, писал уже после смерти поэта, что сочинения его «немолчно говорят и поют. То, о чем они говорят, и то, что они поют, гонит прочь всех сов и нетопырей контрреволюционной клеветы, как гонит их свет восходящей революции» (129); Луначарский ни минуты не сомневался, что «Чапаев» молодого писателя-фронтовика Фурманова — один из ярких успехов в нашей послереволюционной беллетристике» (470), так же оценил он и роман Леонова «Барсуки». Ему принадлежит одна из наиболее значительных статей о творчестве Ильфа и Петрова, конкретный разговор о знаменитых уже тогда романах, о достоинствах и недостатках их ведется в ней на фоне принципиальных, иной раз полемических, рассуждений о специфике юмора, сатиры, гротеска, об их общественной функции... От Луначарского дошли до наших дней яркие, точные характеристики и оценки Демьяна Бедного, Сейфуллиной, Серафимовича, А. Толстого, Федина, Панферова, Олеси, Есенина, Тихонова, Пастернака, Багрицкого, Жарова, Безыменского, Лавренева, Тренева, Булгакова и многих других — и опытных художников слова, и тех, кто только-только вступал на тернистый писательский путь... всех не назовешь — дошли не поблекнув, не потеряв своей остроты и актуальности, как в самих сочинениях Луначарского, так и в опосредованном виде, в концепциях современной критики, которые, во всяком случае в большинстве своем, восходят, как к первоисточнику, к работам выдающегося критика.

Активнейший участник литературного процесса, стоявший у самых истоков советской литературы, один из ее организаторов, прошедший вместе с нею первые пятнадцать лет, Луначарский, к удивлению некоторых, не написал систематического курса ее истории от зарождения до времени подготовки Первого съезда Союза советских писателей. Хотя... Если собрать все написанное Луначарским о советской литературе — впрочем, это в основном уже сделано, — присовокупить к этому огромное количество самых разнообразных материалов, относящихся к его работе в качестве критика и организатора различного рода литературных мероприятий, переписку с писателями, критиками, учеными, ре-

дакторами, данные мемуаристики, официальные документы и т. д., — возникнет обширнейший труд — даже трудно сказать, в скольких томах, — в котором пятнадцать лет рожденной великой революцией литературы предстанут именно как история, в закономерностях развития, в сложнейшей диалектике роста, в борьбе новаторства и традиций, успехах и прорывах, в великих достижениях и неудачах, в противоборстве идей, стилей, форм, языковых концепций... история увлекательнейшая, как сама литература, о которой рассказал художник.

Если к сказанному прибавить все, что Луначарский сделал в области русской классической литературы, к которой он обращался в течение всей жизни и историю которой дал во множестве статей, объединенных общей марксистской методологией, и если вспомнить многочисленные труды по самым различным вопросам и проблемам западной литературы от эпохи Возрождения до двадцатого века включительно, — если, одним словом, представить себе все написанное Луначарским об одном лишь только искусстве художественного слова, — возникнет зримое представление о явлении, которое можно определить одним словом: подвиг.

Много, очень много сделал Луначарский для социалистической культуры. И мечтал сделать еще больше. Уже больной, он не переставал трудиться. Все его помыслы и планы были устремлены в будущее, в котором он видел осуществление высоких идеалов социализма.

С нами его огромное духовное наследие — драгоценный вклад в действующий фонд социалистической культуры. С нами и сам образ Луначарского, которого Ленин считал «на редкость богато одаренной натурой»¹⁴ и говорил: он «не только знает все и не только талантлив — этот человек любое партийное поручение выполнит и выполнит превосходно»¹⁵. Его яркая, неповторимая личность привлекает к себе внимание и любовь людей многих поколений, кому близки те идеалы, за которые боролся и ради которых жил этот большой и красивый человек, навсегда современник советского народа.

¹⁴ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах, т. 17, 1952, с. 21.

¹⁵ «Литературное наследство», том 80, М., 1971.

ВЫБОР И ПУТЬ

И НОГДА очень не хочется следовать правилам «литературных приличий», правда, неписаным, однако сурово требующим, скажем, от рецензента соблюдения интонации объективности и холодной беспристрастности, сохранения позиции верховного арбитра, безошибочно рассуждающего о том, что такое хорошо и что такое плохо. Но в данном случае я отказываюсь от такой позиции.

Только что вышедшая в издательстве «Советский писатель» книга Александра Руденко-Десняка «Комментарий к счастливой судьбе» требует к себе иного отношения — живого, пристрастного, непосредственного. Это предопределяется уже самой ее темой, обозначенной в подзаголовке: «Заметки о творчестве Нодара Думбадзе».

Слишком свежа и остра еще боль от потери этого замечательного писателя и человека, чтобы, говоря о нем, можно было бы скрыть в голосе дрожь боли и сострадания. Книга такого объема, как эта, писалась, естественно, не год и не два, она готовилась к изданию еще при жизни Нодара Думбадзе. Горестная весть о его безвременной кончине застигла автора при подготовке книги к печати. И самые необходимые слова в связи с нею критик успел

внести в предисловие и заключение своей работы.

«Когда рукопись этой книги уже находилась в типографии, пришло известие о смерти Нодара Думбадзе.

Он болел долго и тяжело, не один год «тянул» на лекарствах, и все же смерть этого человека ошеломила всех, кто его знал. Он талантливо жил и мужественно уходил из жизни. За несколько дней до неизбежной кончины Нодар с сотоварищами по последней своей больнице записал на магнитофон веселую песенку, начало которой звучит приблизительно так: «Вот если нас не будет...» Эта песенка звучала в тот день, когда Тбилиси прощался со своим Нодаром...»

А. Руденко-Десняк принимает единственно возможное (и не только с издательско-полиграфической точки зрения, разумеется, но прежде всего с человеческой, этической) решение: он оставляет в своей книге все, как было, пишет о Нодаре Думбадзе, как о живом.

И тем не менее книга, конечно же, для читателя изменила ракурс восприятия, она читается сегодня не так, как читалась бы при жизни Нодара Думбадзе, «как о живом» и «о живом» — далеко не одно и то же...

Получилось так, что Нодар Думбадзе и его творчество, отнюдь не обделенные в свое время ни вниманием критики, ни многочисленными статьями и выступлениями, стали предметом специального монографического исследования, объектом отдельной книги только сейчас. Да, «Комментарий к счастливой судьбе» — первая книга о Нодаре Думбадзе. Возможно, грузинская

критика считала его творческий путь настолько далеким от завершения и даже подлинной кульминации, что откладывала на будущее подведение каких бы то ни было итогов или даже определение предварительных этапов писательской биографии. Тем больше честь и заслуга нашего русского коллеги и друга, дерзнувшего пойти по непроторенному пути. И тем больше его ответственность.

А. Руденко-Десняк строит свою книгу композиционно очень интересно и необычно (как нечасто приходится говорить о композиционных особенностях биографического исследования — кажется, рассматривай последовательно, подряд, по годам все, о чем пишешь, вот и вся композиция!). Прежде всего, я имею в виду предваряющие каждую главу книги фрагменты записей бесед автора со своим героем. Эти диалоги, подписанные «Из бесед с Нодаром Думбадзе», не только оживляют и разнообразят текст серьезного критического исследования. Нет, А. Руденко-Десняк, записав на магнитофон свои многочисленные разговоры с Н. Думбадзе, сохранил тем самым его живую интонацию, живой голос, оставив бесценный документальный материал и для тех, кто будет заниматься творчеством грузинского писателя после него. Хочу здесь высказать одно попутное предложение: может быть, сам критик или кто-нибудь другой подготовит для публикации расшифровку самих этих магнитофонных записей, которые будут, несомненно, встречены с огромным интересом читателями той же «Литературной Грузии».

Но, говоря о композиции книги «Комментарий к счастливой судьбе», я имею в виду не только этот оригинальный прием. Вся работа построена автором как анализ того пути, который прошел Нодар Думбадзе к главной, на взгляд критика, книге своей жизни — роману «Закон вечности». Впрочем, уточнение «на взгляд критика» в данном случае представляется излишним: кому-то может больше нравиться цельность и непосредственность первой повести писателя «Я, бабушка, Илико и Илларион», или современный парафраз библейского мифа в «Белых флагах», или какое-либо иное произведение писателя. Однако несомненно, что из всего творческого наследия писателя (как горько говорить о наследии писателя, которому было немногим больше пятидесяти!) именно последний роман и выведенный в нем этический «закон вечности» были наиболее важными и значительными. Об этом же свидетельствует и Ленинская премия, которой удостоилось это произведение.

«Уже доказано, что любовь к человечеству и любовь к конкретному человеку — далеко не одно и то же. На крыльях любви ко всему на свете можно парить над миром, презирая суету и будни; за любовь и сострадание к находящемуся рядом человеку нужно платить ежедневную, будничную и жестокую плату», — так интерпретирует критик «Закон вечности», проповедуемый грузинским писателем, справедливо видя в нем не только этическую, но и социальную, гражданскую сущность.

«Выбор и путь» — так на-

звалась одна из предыдущих работ А. Руденко-Десняка, посвященная герою современной советской прозы. Свою книгу о Нодаре Думбадзе критик выстроил как подробное и углубленное исследование того пути, которым прошел писатель к этому своему главному выбору, к своему главному герою.

А. Руденко-Десняк прекрасно видит автобиографические истоки творчества Нодара Думбадзе, «личный» аспект всех героев его произведений. Да и сам писатель в беседах с критиком неоднократно указывал на это. И тем не менее автор книги не разделяет точку зрения, согласно которой все герои Нодара Думбадзе — это лишь модификации одного — автобиографического — образа. Он ощущает дистанцию, «зазор» между писателем и его героем. Больше того, можно сказать, что герои различных повестей и романов Н. Думбадзе по своей сути, характеру похожи друг на друга в большей степени, чем автор на них. Меняется возраст, меняется человеческий и писательский опыт Н. Думбадзе, и соответственно меняется и «дистанция», ощущаемая между автором и его героями. Эта диалектика взаимоотношений писателя со своим героем хорошо просматривается в книге, хотя напрямую и не сформулирована.

А. Руденко - Десняк основательно и вдумчиво проследивает последовательную эволюцию героя произведений Нодара Думбадзе и его литературного мастерства, крепнувшего от романа к роману и органически обогащавшего его природный дар лирика и юмориста, разбирает гумани-

стическую концепцию писателя, о которой в свое время много писали и спорили, анализирует значение юмора и пафоса в его книгах...

Все это, несомненно, интересно само по себе. Но еще более интересно в силу того, что принадлежит указанный литературно - критический анализ критику русскому. Благодаря этому достигается не только объемность и масштабность взгляда, о чем вскользь говорилось выше, но творчество Нодара Думбадзе, его искания и обретения оказываются поставленными в общесоюзный литературный контекст, обнаруживается общность и неповторимость его писательского пера в сопоставлении не только с грузинскими коллегами, но и с такими писателями, как Ч. Айтматов, В. Распутин, Э. Ветемаа, Ю. Бондарев, С. Залыгин, А. Адамович, В. Быков и целый ряд других.

Высказывает А. Руденко-Десняк и свое отношение ко многим критическим спорам вокруг произведений Нодара Думбадзе, происходившим в свое время на страницах всесоюзной и грузинской литературной прессы. Время, возможность окинуть общим взглядом все, написанное писателем, дает возможность по-новому оценить многие критические высказывания. Здесь, правда, следует сказать, что критик не всегда оказывается способным разобраться во всех аргументах, прозвучавших в свое время в спорах грузинских критиков вокруг произведений Н. Думбадзе. И это вполне естественно, так как большинство из них ему известно лишь по переводам, сделанным специально в ходе работы над этой книгой ра-

ботниками Главной редакционной коллегии по художественному переводу и литературным взаимосвязям, за что он приносит им свою искреннюю признательность.

Вообще отмечу, что несомненный интерес, вызванный чтением книги «Комментарий к счастливой судьбе», ее общая высокая оценка не означают, разумеется, что я всегда и во всем безусловно согласен с автором. Деля пометки в ходе работы на полях книги, я отмечал какие-то частности, нюансы, о которых хотелось бы сказать автору. Главное все же заключается в том, что, определив место и значение творчества Нодара Думбадзе на всесоюзной литературной карте, автор, в силу вполне понятных причин, не брал на себя задачу дать такую же оценку ему в национальной литературной традиции. Так сказать, проведя сопоставительный анализ «по горизонтали» — в сравнении с писателями, определяющими лицо современной советской литературы, он не сделал, да и не мог этого сделать «по вертикали», уходя в глубь веков грузинской прозы с ее традиционной проблематикой, мифологическими параллелями и т. п.

И еще одна частность, о которой не могу не сказать. Приводя почти со стенографической точностью слова Нодара Думбадзе, автор порой делает к его высказываниям ремарки: «Улыбается», «Смеется». Из самого текста ясно следует, что Нодар, особенно в то время, когда записывались его беседы, вовсе не

был весельчаком-шутником, и юмор его всегда был замешан на грусти, страдании, сострадании к людям.

Говоря вначале, что не берусь сохранять позицию внешней беспристрастности в этой рецензии, я имел в виду то, что все, написанное о дорогом и близком тебе писателе и человеке, вызывает отклик в душе. Но так же нельзя оставаться холодным и бесстрастным, когда пишешь о книге своего друга. И мне очень радостно, что в лице А. Руденко-Десняка грузинская литература получила еще одного критика-друга, достойного продолжившего замечательные традиции русско-грузинского литературного содружества. Он и в предыдущих своих работах («Выбор и путь», «От века и до ныне») уделял много внимания грузинской прозе, в частности таким ее представителям, как Г. Абашидзе, Ч. Амиреджоби, О. Чиладзе. Является постоянным активным участником проводимых Главной редакционной коллегией семинаров. Наконец, много делает для упрочения этих контактов и по своей должности заместителя главного редактора журнала «Дружба народов».

Завершая свою книгу, критик писал: «Он говорил от своего собственного имени, он знакомил нас с литературным героем по имени Нодар Думбадзе, а это право нужно завоевать. Возможно, о его книгах можно было написать другую книгу, иначе их истолковать. Сами же книги писателя существуют, живут, как они есть... Эта фраза была написана при жизни Нодара Думбадзе. Вряд ли есть ос-

нования менять ее сейчас».

Да, книги Нодара Думбадзе живут. И все, кто обратился к ним, отныне имеют еще и

«Комментарий к счастливой судьбе» писателя, написанный умным и хорошим другом

Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ

СУРОВАЯ МУЗА ВОЙНЫ

СРЕДИ книг, увидевших свет в год 40-летия Великой Победы, особое место занимает написанный активным участником битв с фашистскими ордами поэтический сборник Владимира Гончарова «Солнечный ветер».

К тебе мы шли в пылающем
огне,
Мы кровь свою и жизни
не щадили
И в самой разрушительной
войне
Врагов Отечества и Мира
победили.

Известный советский поэт Владимир Фирсов сказал об авторе этих строк: «Он прошел героический путь сквозь свинцовый огонь Великой Отечественной войны — путь от курсанта до генерал-полковника».

Владимир Гончаров — один из тех советских поэтов, кто, будучи воспитан на героических традициях Великого Октября, на традициях времени «великих строек», по первому

* «Солнечный ветер». Издательство «Эльбрус», 1984.

Зову Отчизны выступил на защиту ее священных рубежей.

Любые стихи, любое произведение литературы — зеркало судьбы автора. Не исключение и стихи Владимира Гончарова. Его поэзия пронизана светом горячей любви к Родине, в ней все говорит о деле, которому служит автор, о дальних гарнизонах, о многотрудных учениях и походах, о высокой ответственности воина Страны Советов за мир на Земле...

Сущностью его стихов, считает народный поэт Кабардино-Болкарии Адам Шогенцуков, является пламенное желание осмыслить время, показать гражданский пафос воинской службы, готовность солдата отстоять счастье, свободу и независимость родной земли, даже самой дорогой ценой — ценой жизни...

Об этом свидетельствуют многие стихи, раскрывающие самые лучшие черты характера советского воина — скромность, бескорыстие, моральную чистоту, стойкость, самоотверженность.

Грозная напряженность и боевая суровость соседствуют в поэзии Владимира Гончарова с сердечностью и лирической мягкостью. Эти черты характерны для циклов стихов, посвященных Владимиру Ильичу Ленину, Коммунистической партии, ленинскому комсомолу, ветеранам войны.

Немало стихотворений, по-

священных памятным местам
и городам нашей страны.

Искренне, вдохновенно звучат стихи о горной стране, к людям которой автор испытывает самые братские чувства:

Давным-давно меня пленила
И восхищала много раз
Твоя таинственная сила,
Твоя романтика, Кавказ.
И мне открылся ты,
могучий,

И красотой своей пленил.
Стою, молчу у самой тучи—
И словно прибывает сил..

Не раз бывал поэт и в столице солнечной Грузии. Город на Куре произвел на автора неизгладимое впечатление, ему, его славной истории посвятил он эти строки:

Здесь Пушкину являлось
вдохновение,

Здесь Грибоедов жил и
погребен,

Здесь Горький шел по
жизненным ступеням,

Здесь Гений нации
достойно вознесен

Не раз ее сынами на
вершины
И творчества, и бытия
людей.

Здесь вижу рядом знак
старинный
И новь прекрасную —
езде.

Да, ты — заря, да, ты —
звезда Востока,

В короне ты советской —
изумруд..

Сегодня Владимир Гончаров успешно сочетает многогранную творческую напряженную работу военачальника с активной вдохновенной поэтической деятельностью. Его произведения увидели свет во многих периодических изданиях, получили всеобщее читательское признание.

Владимир
МИРОШНИЧЕНКО

НЕРАСТОРЖИМЫЙ СОЮЗ БРАТСКИХ СЕРДЕЦ

ВАН ТЕРЬЯН писал: «Как личность в уединении каменеет и умирает, так и нация. Развитие и прогресс наций обусловлены взаимными отношениями, взаимными влияниями». Эта истина является одним из основных и

действенных факторов стремительного развития нашего общества, завоеваний во всех сферах жизни, в том числе и в области культуры, науки, искусства, литературы. Взаимодействие и взаимообогащение национальных литератур обусловили расцвет советской литературы, безгранично разнообразной и вместе с тем единой по идейному содержанию, по своей мировоззренческой целеустремленности.

Рецензируемая нами книга посвящена взаимосвязям грузинской литературы с литературами народов СССР. Очерки, как свидетельствуют авторы, «никак не могут пре-

тендовать на истощающее решение такой сложной и многогранной проблемы, как дружба литератур народов СССР. Этой проблеме следует посвятить не книгу, а многие тома». Однако то, что сделано,—благодарный труд, значительно обогащающий и углубляющий исследование процесса взаимодействия и взаимообогащения наших литератур.

Очерк «Нерасторжи мый союз братских сердец» посвящен грузино-русским историческим и литературным связям.

Истоки русско-грузинских литературных взаимоотношений уходят в глубь веков. Достаточно сказать, что упоминания о русских встречаются еще в поэме Руставели «Витязь в барсовой шкуре» и в творении его современника Чахрухадзе «Тамариани».

В свою очередь, в русских источниках упоминание о Грузии и о грузинах мы встречаем еще в XI—XII веках («Киево-Печерский патерик»).

Одно из лучших произведений древнерусской литературы «Повесть о царице иверской Динаре» (XVI в.) прославляет патриотизм, героизм и государственный ум царицы Тамары. Отметим также «Похождения новомодной красавицы Гуланданы и храброго принца Барама» в переводе на русский язык Семена Игнатьева (Эгнаташвили), «Историю георгианскую о юноше князе Амилахорове»,

---

Игорь Богомолов, Роман Миминошвили. Брат, ты братством силен. Очерки литературных взаимосвязей. К 50-летию образования Союза писателей СССР. Москва, Советский писатель, 1985.

«Картины Грузии или описание политического состояния царств карталинского и кахетинского» Бурнашева, статьи о Грузии в «Древней российской вивлиофике» (1773 — 1775 гг.), в «Политическом журнале» (1798 г.). В 1740 году царевич Бакар Вахтангович в селе Всесвятском начал печатать грузинские книги. Его брат Вахушти составил русско-грузинский словарь.

Русская передовая литература XIX века оказывает могучее влияние на литературы народов Закавказья. Вместе с тем величавый Кавказ становится источником вдохновения для русских писателей. Этот «суровый край свободы» открывает перед ними широкие возможности для выражения своих сокровенных дум. Статьи, художественные произведения знакомят русского читателя с неведомым до тех пор краем, способствуют укреплению дружбы народов Кавказа с русским народом — «Черный год, или герские князья» В. Т. Нарезного, стихотворение «Грузинка», этнографические очерки и другие произведения В. Н. Григорьева, записки и проекты А. О. Корниловича, роман «Кетевана» А. А. Шишкова.

С. Додашвили, Т. Багратион, М. Бараташвили, Е. Чилашвили, Д. Чубинашвили и другие — известные имена как в грузинской, так и в русской науке. Царевич Теймураз в 1837 году избирается почетным членом Российской академии наук. Книга М. Бараташвили «Нумизматические факты Грузинского царства» выходит на русском, французском и грузинском языках. Е. Чилашвили выступает с книгой «Начертания права природного». Д. Чубинашви-

ли, первому грузину — профессору Петербургского университета, Российской академии наук дважды присуждалась Демидовская премия. С русской культурой близко связаны выдающиеся писатели первой половины XIX века Н. Бараташвили, Г. Орбелиани, Ал. Орбелиани и другие. Невозможно обозреть всю переводную литературу. Отметим лишь, что в начале прошлого века широкий размах получает переводческая деятельность грузинских литераторов.

Пушкин и Кавказ, Пушкин и Грузия. Об этом написано много. Напомним лишь слова Симона Чиковани о том, что стихи Пушкина о Грузии и ее природе были новым словом в мировой поэзии. Он первый создал в литературе монументальные, величественные образы гор, впервые в русской поэзии воспел Казбек, Арагви, Терек, холмы Грузии².

Для М. Ю. Лермонтова, «бесподобного питомца общей матери — Кавказа», «великого приемного сына Кавказа» (Ованес Туманян)³, этот край, особенно Грузия, стал «поэтической родиной, пламенно любимой им», там он нашел «свой Парнас, в его свирепом Тереке, в его горных потоках, в его целебных источниках» — «свой кастальский ключ, свою Ипокрену»⁴.

Творческое наследие В. Бе-

линского, написавшего эти строки, деятельность его последователей, и прежде всего Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, играют существенную роль в общественной жизни Закавказья, Грузии. Н. Николадзе, И. Чавчавадзе, Г. Церетели, Я. Гобеашвили, С. Месхи, А. Пурцеладзе и другие разворачивают кипучую деятельность по переустройству общественной жизни, развитию реалистической литературы, материалистической философии и эстетики, пропаганде лучших достижений русской литературы и культуры, встают во главе национально-освободительного движения.

В этот период продолжают работы по переводу и исследованию творческого наследия Пушкина и Лермонтова, переводятся Н. Гоголь, А. Островский, роль которых в развитии грузинской драматургии не оценима, И. Тургенев, М. Салтыков-Щедрин, А. Чехов, М. Горький и другие.

Все это значительно способствует углублению процесса взаимодействия и взаимообогащения литератур. В этой связи важно напомнить, что тема Кавказа, Грузии продолжает волновать творческое воображение русских писателей и последующих времен, она затрагивается такими писателями, как Толстой, Тургенев, Чехов, Горький, Блок, Брюсов, Бальмонт, Белый и другие.

Советский период явился периодом коренного перелома в судьбе народов СССР, в судьбе их литератур. Прочными нитями было связано с Кавказом творчество крупнейших представителей русской литературы — С. Есенина, А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева, П. Павленко,

² С. Чиковани. Пушкин и грузинская литература. «Заря Востока», от 5 июня, 1949.

³ Сб. «Туманян-критик», Ереван, 1939, с. 321, на арм. яз.

⁴ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I, 1948; с. 692—693.

УДК 82
10033

К. Паустовского, Н. Тихонова, Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, П. Антокольского, А. Межирова, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной и многих других. В книге освещено творческое содружество Т. Табидзе, Т. Табидзе, П. Иашвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани, Ш. Дадиани, И. Абашидзе, И. Нонешвили, Н. Думбадзе с русскими собратьями по перу. В деятельности и произведениях всех упомянутых писателей, перефразируя слова К. Симонова, приведенные в книге, можно сказать, «шествует тема дружбы людей, а через них, через людей, — и народов, и тема дружбы поэтов, а через них, через поэтов, — и литературу».

Эти слова характеризуют и литературные связи Грузии с Украиной, Белоруссией, Узбекистаном, Казахстаном, Азербайджаном, Арменией и другими республиками нашей страны, все богатство которых наглядно представлено в книге И. Богомолова и Р. Миминошвили. Эти связи многогранны, вместе с тем в каждом проявлении своеобразны, корнями своими идут из народного мирознания, из народной мудрости, выраженной в словах: «брат, ты братством силен».

Противникам мира что мо-

жет противопоставить писатель, все оружие которого перо и бумага? — спрашивал М. Шолохов и отвечал: «Смею напомнить, что этот же вопрос ставил за несколько лет до первой мировой войны чувствовавший ее грозное приближение Лев Толстой. Восьмидесятилетний писатель, согласившись участвовать в Стокгольмском конгрессе мира 1909 года, отмечал, что в руках тех, кому выгодна война, — миллиарды денег и миллионы войск. В руках же писателя — противника войны — лишь одно, но могущественнейшее в мире средство — истина. И этого достаточно, чтобы сказать: борьба небезнадёжна, более того, она принесет успех, если все миролюбивые люди, в том числе владеющие могуществом слова, обратят на это главное дело все силы своего ума, совести, таланта»⁵.

Добавим: противникам мира противостоит дружба народов, та животворная сила, которая создает прекрасное, разумное, вечное. И этой силе служит многонациональная советская литература.

Артасеш МХИТАРЯН

⁵ «Литературная газета», 1983, 23.IX.

Людмила ЧИРКОВА

МОЯ ГРУЗИЯ

В 1972 году в театре имени Гоголя была принята к постановке пьеса О. Иоселиани «Пока арба не вернулась». Главная роль была поручена Борису Петровичу Чиркову.

Борис Петрович буквально заболел ролью. Простота и величие, мудрость и наивность, лукавство и печаль этого простого грузинского крестьянина заворожили его. Он никогда не рассказывал, как он работает над ролью, — у нас дома (а все в семье — актеры) было принято растить свой цветок в душе в одиночку.

Только по внешним приметам тогда что-то можно было понять, а теперь, к сожалению, вспомнить...

Борис Петрович был одним из образованнейших людей нашего времени, страстным библиофилом, обладателем громадной библиотеки, огромную часть которой составляли стихи. Он прекрасно знал живопись, любил ее.

Но путь его к знанию и пониманию искусства был необычен. Молодой вятский парень, большой книголюб в детстве. Правда, чтение было обычным — Жюль Верн, Майн-Рид, Густав-Эмар, «Золотая библиотека» и, конечно, классика, классика, классика...

Городок, где он рос, находился далеко от губернской Вятки, железной дороги не было. В городке была библиотека, картинной галереи не было, ее заменяли репродукции из столичных журналов. И вот, окончив реальное училище, побыв по воле тех лет школьным учителем, Борис Петрович прибыл в Питер и попал сразу в водоворот революционных идей в искусстве.

Все и вся отрицалось!

Кандинский, Малевич, Шагал, Лентулов, Хлебников, Кру-

ченых, Маяковский — о них и не слышали в его родном Нолинске.

Борис Петрович поступил в театральный институт, в Магистерскую к Сергею Эрнестовичу Радлову. Мейерхольд, биомеханика — да! Станиславский — нет! И он в центре событий — простой, курносый, с северным говорком.

И только постепенно что-то отошло, что-то отстоялось, и только постепенно в сердце и в душе поселилось настоящее и осталось там навсегда. Мне иногда казалось, что если бы не было в его жизни этого времени, этого водоворота, вихря, который на него тогда налетел, если бы не было этого бешеного увлечения всякими «измами», то и его боги — Пушкин, Гоголь, Толстой не были бы так ему дороги. К их гениальности, простоте и величию он пришел через свою разноцветную, полную отрицания юность.

Но я отступила от основного рассказа, желая объяснить огромную эрудицию, знание искусства Борисом Петровичем и его удивительное умение проникать в самую суть.

Так Агабо вошел в наш дом. На бюро в кабинете лежала роль. А вокруг — на полках, на стульях стали селиться Руставели, да еще в двух переводах (Бальмонта и Цагарели), Бараташвили, Гурамишвили, Бесики, Александр Чавчавадзе, Илья Чавчавадзе, Табидзе, Яшвили, Чиковани, Гамсахурдия и Ираклий Абашидзе. Они раньше стояли на полках, были читаемы и любимы, но сейчас они стали необходимыми. Удивительный Пирсомани, который был всегда радостью для Бориса Петровича, не закрывался ни на минуту.

Я спросила: «Боря, я все понимаю, но все-таки это литература и, в общем, далекая от сегодня». Он ответил: «Я должен вобрать в себя Грузию и понять что-то, что даст мне душу Агабо».

Репетировал он с такой радостью, с такой отдачей, а как пел грузинские песни! А как он потом играл... Но об этом много писали и критика, и театроведы. Я хочу рассказать о другом.

Грузия не в первый раз вошла в наш дом.

Как-то, перебирая фотографии, я наткнулась на две старые маленькие фотографии, очень неясные, и спросила: «Что это?». Борис Петрович рассказал, что, еще учась в Институте сценического искусства, он и группа сокурсников подготовили кукольный спектакль, написав самостоятельно несколько пьесок, и отправились в Сванетию. Я спросила: «А почему именно в Сванетию?» Борис Петрович сказал: «Объ-

яснить трудно, но мы были молоды, полны сил, Лермонтов был наш сверстник, хотелось гор, диких, неприступных, и наш выбор пал на Сванетию. Мы пробились через перевалы, завалы, несли на себе декорации, реквизит и даже артисток и добрались до Ушгули. Главным в селении был князь Дадешкелиани, который в то время был заведующим банями, но все равно его слушались, ему внимали. Он «просмотрел» репертуар, остался доволен, и мы стали желанными гостями селения. Я не помню названия перевала, через который мы вошли в нижнюю Сванетию. Но помню, как молодежь строила дорогу и как мы среди гор и величественных башен общались с простыми и гордыми людьми, помню их радушие и ребяческое увлечение увиденными спектаклями. Но это было так давно, хоть и прекрасно...»

Потом годы войны. В послевоенные годы Борис Петрович был только в курортной Грузии — Сухуми, Гагра, Батуми, Пицунда.

В 1954—1958 годах в театре имени Пушкина, где мы тогда работали с Борисом Петровичем, ставил спектакли Дмитрий Александрович Алексидзе, а он был — сама Грузия. Мы с ним подружились. Борис Петрович восхищался им и наслаждался общением с ним. Однажды дома раздался телефонный звонок и хитрый голос дорогого Додо произнес:

«Это я! Я в Москве. Завтра я жду вас в театре Вахтанговса. Я привез «Эдипа». Театр был полон, вся театральнo-литературная Москва — в театре. И было чудо! Великое чудо искусства! Я тоже была потрясена, но краем глаза видела, что как только высветились колонны и лестницы Лапиашвили и появился Закариадзе, Борис Петрович весь напрягся, переместился на край кресла, глаза его расширились, и он замер до конца спектакля. Кончился спектакль. Но были овации и поклоны, спектакль продолжался, ибо каждый выход на аплодисменты Серго Закариадзе, величественного, красивого, был своего рода спектаклем.

Борис Петрович откинулся на спинку кресла, потрясенный, смятенный, и, посмотрев на меня, сказал: «Что же это такое? Какая сумасшедшая театральность и какая простота, какая правда! И как это нужно, вот такое потрясение!»

С тех пор любой приезд грузинских театров был для него праздником!

Борис Петрович играл, смотрел, читал, слушал, восторгался Грузией и ее искусством, но Грузии не видел.

И вот наконец по приглашению театра Дружбы из Москвы в Тбилиси едет театр имени Гоголя. В его репертуаре пьеса «Рок-н-ролл на рассвете» и творческий вечер Бориса Петровича Чиркова. Срок пребывания — неделя. Шесть спектаклей и один вечер.

Шесть дней на узнавание знакомого.

Борис Петрович ехал в Грузию, как на праздник. Был апрель, начало месяца. Но было холодно, зелень еще не распустилась. Поезд начал постепенно втягиваться в горы, они увеличивались, появился снег на вершинах. Чирков не отходил от окна. Тут мы нырнули в туннель. Горы были над нами. Шло время. Мы вынырнули из туннеля в долины, и Борис Петрович громко и восхищенно закричал: «Смотри, смотри, он — гений!». Я с испугом и любопытством спросила: «Кто?»

Борис Петрович удивленно посмотрел на меня: «Кто, кто! Конечно, Пушкин. Он — гений! Он точен как никто, ты смотри — «На холмах Грузии», ну понимаешь? «На холмах!!!»

У Бориса Петровича было три божества — Пушкин, Гоголь и Толстой.

Одного он мечтал сыграть всю свою жизнь, даже начал писать сценарий об уходе Льва Толстого из Ясной Поляны, но не пришлось... Он потрясался Гоголем, он говорил, что объяснить гений Гоголя невозможно, это какая-то тайна.

Пушкин был для него всем. Борисом Петровичем было собрано все, когда-то издававшееся и печатавшееся о Пушкине, вся мемуаристика о Пушкине, все первые прижизненные издания Пушкина!

И вот он стоял у окна и упоенно повторял: «На холмах Грузии, на холмах Грузии!»

Началось узнавание Грузии. Да никогда бы он не увидел и не узнал ее так полно, если бы на перроне тбилисского вокзала не встречал Бориса Петровича Дмитрий Александрович Алексидзе. На платформе обнимались, радуясь встрече, два человека, два больших артиста. Додо Алексидзе возил нас по всему Тбилиси. Улицы взбирались вверх, падали вниз. Мы восторгались, удивлялись, а неутомимый Додо показывал и показывал своей любимым город и радовался нашему восторгу.

Чирков уезжал из Тбилиси покоренный, очарованный — и городом, и людьми. И в нашу жизнь вошли уже навсегда Ладо Гудиашвили, Ираклий Абашидзе, Надежда Шалуташви-

ли, Гурам Батиашвили и многие, многие другие люди, удивительные в своей простоте и душевной щедрости.

В очень скором времени состоялся второй приз в Тбилиси. Борис Петрович возглавлял тогда секцию театра в Комитете по Ленинским и Государственным премиям СССР. Спектакль театра имени Руставели «Кавказский меловой круг» был выдвинут на соискание Государственной премии. Опять весна, почти так же холодно. Всего только четыре дня Чирков был в Тбилиси. Но каких четыре дня! Он смотрел Брехта и был покорен спектаклем. Он говорил, что первый раз, смотря Брехта, он наслаждался не только умом и иронией автора, но и праздником театра. На следующий день шел «Ричард III», потом Борис Петрович смотрел «Уриэль Акоста» с Софико Чиаурели и Котэ Махарадзе в театре имени Марджанишвили. И были встречи — с Ладом Гудиашвили, Додо Алексидзе, Этери Гугушвили, и каждая встреча для Бориса Петровича была незабываемая.

Возвращаясь в один из последних вечеров в гостиницу, Борис Петрович был как-то особенно сосредоточен, задумчив и чуть-чуть печален. Я спросила, в чем причина его печали. Он сказал, немного помолчал:

«Как жаль, что я уже не молод. Как жаль, что я не могу уже проехать по всей Грузии и увидеть в каком-нибудь селе своего Агабо. Я все эти дни очень внимательно вглядывался во все, что я видел вокруг, и теперь бы я сыграл Агабо, может, и не лучше, но иначе. Мне кажется, я понял что-то. Что-то о жизни вообще. В грузинских храмах я увидел великую гармонию и человеческое чувство достоинства. Я понял, почему античность и Шекспир так хороши в театрах Грузии. Человек состоит и из трагедии, и из комедии, слезы и радость в своих самых высоких точках приносят гармонию. Только надо очень верить. Верить наивно и горячо. Верить в слезы и радость, и в удивление перед миром великого ребенка мира — Пиросмани.

Мне кажется, что я увидел здесь, через искусство и природу, человеческую жизнь. Здесь, в Грузии, я понял, что есть старость, а не старение. И человек, старея, становится мудрым и наивным по чистоте и прозрачности своих понятий о жизни и о ее смысле. Мне кажется, что грузинские песни, которыми мы так восторгаемся, не простое многоголосие. Это как собрание редчайших индивидуальностей вместе.

И я понял, почему высокие умы России так любили Грузию и так много посвящено ей поэзии и музыки XIX века.

Ведь декабристы — лучшие, бескорыстнейшие люди России XIX века, тоже были как наше многоголосие — также разные, редчайшие индивидуальности, собранные в одну весть и боль за свой народ.

Пушкин и Чавчавадзе, Грибоедов и Бараташвили!

Я понимаю, что я не сказал ничего нового, не сделал никаких открытий — просто это я понял, понял душой, сердцем, и теперь уже моя Грузия всегда со мной».

Потом было прощание около самолета. Опять объятия с Додо. Опять стояли рядом два немолодых человека, грузин и русский, такие разные и такие одинаковые, ибо оба были — великое искусство.

Больше Борис Петрович никогда в Грузии не был.

К сожалению...

ХРОНИКА

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

СОСТОЯЛСЯ пленум правления Союза писателей Грузии, обсудивший организационный вопрос.

Пленум освободил от обязанностей председателя правления Союза писателей Грузии Ш. Нишнианидзе согласно личной просьбе.

Председателем правления Союза писателей республики избран член-корреспондент Академии наук Грузии, писатель Георгий Цицишвили.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК Компартии Грузии Г. Енукидзе.

ВЕЛИКОМУ СЫНУ ГРУЗИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

ГРУЗИЯ готовится отметить славный юбилей — 150-летие со дня рождения своего великого сына — Ильи Чавча-

вадзе, оставившего глубокий след в жизни своего народа, своей эпохи.

К юбилею приурочен выпуск двадцатитомного академического издания полного собрания сочинений великого художника и мыслителя. Состоялось расширенное заседание Главной редакционной коллегии в Институте грузинской литературы имени Ш. Руставели Академии наук Грузинской ССР, посвященное работе над этим изданием.

Заседание открыл главный редактор издания, директор института, председатель правления Союза писателей Грузии, член - корреспондент Академии наук республики Г. Цицишвили. Он проинформировал участников заседания о проделанной коллективом института большой работе по подготовке к изданию томов поэтических, прозаиче-

ских и публицистических произведений И. Чавчавадзе.

Были заслушаны информации секретаря редколлегии, руководителя отдела текстологии института профессора З. Чумбуридзе и редактора первого тома собрания сочинений, руководителя отдела истории грузинской литературы XIX века Г. Абашидзе.

В обсуждении предстоящего академического издания приняли участие члены редакционной коллегии — президент Академии наук Грузинской ССР академик Е. Харадзе, заведующий отделом ЦК КП Грузии Н. Джанберидзе, главный редактор Грузинской Советской Энциклопедии, поэт-академик И. Абашидзе, вице-президент Академии наук Грузии Г. Джигладзе, министр высшего и среднего специального образования республики Д. Чиквишвили, секретарь правления Союза писателей Грузии поэт Дж. Чарквиани и другие.

С сообщениями на заседании расширенной коллегии выступили первый заместитель председателя Госкомиздата республики, заместитель председателя Госкомиздата республики, управляющий «Сакцигни» Э. Сихарулидзе, директор издательства «Мерани» Г. Гвердцители, директор издательства Академии наук Грузии «Мецниереба» Ш. Шенгелия.

Собрание сочинений Ильи Чавчавадзе, выпуск которого готовит издательство «Мецниереба», будет выполнен на высоком полиграфическом и художественном уровне.

Итоги расширенного заседания редакционной коллегии подвел заместитель председателя Республиканской юбилейной комиссии по празднованию 150-летия со дня рождения И. Чавчавадзе секретарь ЦК Компартии Грузии Г. Енукидзе.

Сдано в набор 13.I.86 г. Подписано к печати 7.III.86 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч.-изд. л. 14,0 УЭ 00007. Тираж 6000 экз. Заказ 101. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), М. Ю. ЛОХВИЦКИЙ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

2686

86-195

ИНДЕКС 76117

303201033

